

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт языка и литературы

З.К. КАСЬЯНЕНКО – **УЧИТЕЛЬ И МОНГОЛОВЕД**

МАТЕРИАЛЫ

Международной конференции, посвященной
90-летию российского монголоведа З. К. Касьяненко

30 сентября – 1 октября, 2015 г.

Санкт Петербург

Санкт-Петербург
Улан-Батор
2016

ОРОСЫН ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ
Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэн
МОНГОЛ УЛСЫН ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ
Хэл зохиолын хүрээлэн

СУРГАН ХҮМҮҮЖҮҮЛЭГЧ,
МОНГОЛ СУДЛААЧ З.К. КАСЬЯНЕНКО

ИЛТГЭЛҮҮД

**Орсын монгол судлаач З.К. Касьяненкогийн 90 насны
ойд зориулсан Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал**

2015 оны 9 сарын 30-наас 10 сарын 1-ний өдрүүдэд
Санкт-Петербург хот

Санкт-Петербург хот
Улаанбаатар хот
2016

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
MONGOLIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Language and Literature

Z.K. KASYANENKO –
TEACHER AND MONGOLIST

PROCEEDINGS
of the International Conference devoted to 90th birthday
of Russian Mongolist Z. K. Kasyanenko

September 30 – October 1, 2015.
Saint-Petersburg. Russia

St. Petersburg
Ulaanbaatar
2016

*Сборник утвержден к печати Ученым Советом Института восточных рукописей
РАН и Ученым Советом Института языка и литературы МАН
Издан на средства Правительства Монголии*

Ответственный редактор: академик МАН *Л. Болд*
Научные редакторы: доктор филологических наук *И. В. Кульганек*
кандидат филологических наук *Б. Тувшинтугс*
Редактор и составитель: кандидат филологических наук *Н. С. Яхонтова*
Рецензент: кандидат исторических наук *В. Ю. Жуков*

З.К. Касьяненко – Учитель и монголовед. Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию рос. монголоведа З.К. Касьяненко. *30 сентября – 1 октября, 2015 г. Санкт Петербург.* – СПб.; Улан-Батор, 2016. – 218 с.: ил.

Данное издание представляет собой материалы конференции, прошедшей 30 сентября 2015 года в Институте восточных рукописей РАН Санкт-Петербурга, посвященной 90-летию крупного ученого, монголоведа-языковеда, доцента, старейшего преподавателя Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета Зои Кононовны Касьяненко. З. К. Касьяненко внесла неоценимый вклад в преподавание монголоведных дисциплин; благодаря ей были внедрены новые учебные курсы, студенты стали получать более углубленные и методически совершенные знания по культуре и языку монгольских народов. Научные труды З. К. Касьяненко являются эталоном российского классического востоковедения. Основными ее трудами «Грамматикой современного монгольского языка» и «Каталогом монгольского Ганджура», пользуются монголоведы всего мира до настоящего времени. Она – кавалер высшей награды Правительства Монголии – Ордена Полярной звезды. В сборник вошли статьи по направлениям, близким научным интересам З. К. Касьяненко. Это работы по филологии и истории монгольских народов. Авторами статей являются главным образом ее ученики, работающие в настоящее время во всех монголоведных центрах России, а также в Монголии, Чехии, Китае. Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется языком и культурой, историей монгольских народов и Центральной Азии.

© ИВР РАН, 2016.

© ИЯЛИ МАН, 2016.

© Коллектив авторов, 2016.

*The publication is approved by the Academic Council of Institute of Oriental Manuscripts,
Russian Academy of Sciences and by the Academic Council of Institute of Language and
Literature, Mongolian Academy of Sciences
Published by the means of the Government of Mongolia*

Editor-in-Chief: Academic (Mongolian Academy of Sciences) **L.Bold**
Scientific editors: Sc.D. (philology) **I. V. Kulganek**
Ph.D.(philology) **B. Tuvshintugs**
Compiled and edited by Ph.D. (philology) **N. S. Yakhontova**
Reviewer: Ph.D. (history) **V. Yu. Zhukov**

Z.K. Kasyanenko – Teacher and Mongolist. Proceedings of the International Conference devoted to 90th birthday of Russian Mongolist Z. K. Kasyanenko. *September 30 – October 1, 2015. Saint-Petersburg.* Russia/St. Petersburg – Ulaanbaatar. 2016. 218 p.

The present volume introduces the proceedings of the conference «Z. K. Kasyanenko – Teacher and Mongolist» (devoted to her 90th birthday) which was held on September 30 – October 1, 2015 in the Institute of Oriental Manuscripts Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Z. K. Kasyanenko taught in the Department of Mongolian and Tibetan Studies of St. Petersburg State University's Oriental Faculty for over fifty years. Z. K. Kasyanenko made an invaluable contribution to the teaching of different courses in the field of Mongolian studies. She introduced new training methods, due to which students gained profound and methodically perfect knowledge of the culture and language of the Mongols. Her textbook on the Modern Mongolian language and her studies in Mongolian Ganjur textology have become fundamental works in those fields. Her former students work as researchers at academic centers in Russia, Mongolia and many other countries. She is a recipient of Mongolia's highest state honour, the Order of the Polar Star. The volume includes the works of her former students and colleagues, researches working in the fields of Mongolian language, literature, history and textology – all spheres lying within Z. K. Kasyanenko scientific interests. It will be of interest for specialists in Mongolian studies, historians, culturologists and anyone interested in the language, literature, culture, history of the Mongolian people, and peoples in Central Asia.

© IOM RAS. 2016.

© ILLI MAS. 2016.

© Composit authors. 2016.

*Участники конференции, посвященной 90-летию Зои Кононовны Касьяненко.
Институт восточных рукописей РАН. Зеленый зал. 30 сентября 2015 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление (<i>И. В. Кульганек</i>).....	12
Библиография трудов З. К. Касьяненко (составитель <i>К. В. Алексеев</i>)	20
ПРИВЕТСТВИЯ	23
Попова И.Ф. (Россия).....	24
Тувшинтугс Б. (Монголия).....	25
Базаров Б. В. (Россия. Бурятия).....	27
Денисов Г. В., Кручкин Ю. Н. (Монголия)	30
Успенский В. Л. (Россия)	31
Халоупкова Л. (Чехия).....	32
Кокшаева Н. О. (Россия. Калмыкия).....	33
Приветствие из Бурятии	34
Приветствие веб-портала «Монголия сейчас»	34
СТАТЬИ.....	35
<i>К. В. Алексеев</i> Монголоведение в трудах Зои Кононовны Касьяненко	36
<i>А. А. Бурыкин</i> Морфология монгольских языков в контексте алтаистики: некоторые новые подходы	44
<i>Ю. И. Елихина</i> Монгольская буддийская скульптура и живопись в собрании Государственного Эрмитажа.....	54
<i>Е. А. Кантор</i> Фрагмент из «Мани-кабума» в рукописном сборнике «Тетрадь, [содержащая] избранное для развития способностей».....	66
<i>Н. О. Кокшаева</i> К проблеме филологического описания архивных документов XVIII–XIX вв. на ойратской письменности.....	85
<i>Д.Н. Музраева</i> Задачи и проблемы полевых исследований этнотерриториальных групп монгольязычных народов (на материалах полевых исследований в западной Монголии в 2015 г.)	85
<i>М. Отгонбаяр</i> Монгол хэлний биеэр төгсгөх нөхцөлийн дараах «-даа4» нэмэлт хэлбэрийн илтгэх баймж утга.....	92

<i>В. В. Понарядов</i>	
Падежные показатели в старосибирском ойратском диалекте.....	98
<i>А. В. Попов</i>	
Два монгольских официальных документа XIX в	103
<i>В. И. Рассадин</i>	
О роли изобразительных слов в образовании глаголов халха-монгольского языка.....	120
<i>С. С. Сабрукова</i>	
Летние командировки в калмыцкие степи студентов Императорского Санкт-Петербургского университета под руководством В. Л. Котвича (по материалам АВ ИВР РАН)	127
<i>Д. Д. Селюнина</i>	
Значение термина <i>eĵen</i> в летописи «Шара туджи»	137
<i>Л. Г. Скородумова</i>	
К вопросу психологизма в монгольской прозе	150
<i>Т. Д. Скрынникова</i>	
Нойоны Халхи XVII в.	160
<i>Д. Уртнасан</i>	
Монгол хэлний балархай эгшгийг тодорхойлох нь	169
<i>В. Л. Успенский</i>	
Политика маньчжуров в отношении монголов в период от провозглашения династии Цин (1636 г.) д о падения династии Мин (1643 г.).....	184
<i>Р. Отгонбаатар, А. Д. Цендина</i>	
Два варианта «Магтала Мани»	189
<i>Т. И. Юсупова</i>	
Почему не был опубликован учебник Г. Е. Грумм-Гржимайло по истории монголов	198
<i>Н. С. Яхонтова</i>	
Тибетская традиция <i>ka 'phreng</i> в тибетско-монгольском словаре «Лиши Гурхан»	208
СПИСОК АВТОРОВ	216

CONTENTS

Introduction (<i>I. V. Kulganek</i>)	12
Bibliography of the works of Z. K. Kasyanenko (compiled by K. V. Alekseev)	20
GREETINGS.....	23
I. F. Popova (<i>Russia. St. Petersburg</i>).....	24
B. Tuvshintugs (<i>Mongolia</i>)	25
B. V. Bazarov (<i>Russia. Buryatia</i>)	27
G. V. Denisov, Yu. N. Kruchkin (<i>Mongolia</i>).....	30
V. L. Uspensky (<i>Russia. St. Petersburg</i>)	31
L. Haloupkova (<i>Czech Republic</i>).....	32
N. O. Kokshaeva (<i>Russia. Kalmykia</i>).....	33
Greetings from Buryatia	34
Greetings from the web portal «Mongolia Today»	34
ARTICLES.....	35
<i>K. V. Alekseev</i> Mongolian Studies in the Works of Zoya Kononovna Kasyanenko	36
<i>A. A. Burykin</i> Morphology of the Mongolian Languages in a Context of Altaistics: Some New Approaches	44
<i>Yu. I. Elikhina</i> Mongolian Buddhist Sculptures and Paintings in the Collection of the State Hermitage Museum	54
<i>E. A. Kantor</i> Excerpt from «Mani-kabum» in the Collected Volume «Book of Selected Passages for Personal Development»	66
<i>N. O. Kokshayeva</i> On the Problem of Philological Description of the Archive Documents in «Clear Script» 18–20 th Centuries	85
<i>D. N. Muzraeva</i> Problems and Tasks of Field Researches of Ethnoterritorial Groups of Mongol Speaking Peoples (on Materials of Field Researches in Western Mongolia in 2015).....	85
<i>M. Otgonbayar</i> Modal Meaning Expressed by Auxiliary Particle -daa4 with Imperative Verbal Forms	92

<i>V. V. Ponaryadov</i>	
Case Markers in the Old Siberian Oirat Dialect.....	98
<i>A. V. Popov</i>	
Two Mongolian Official Letters Dated to the XIX Century.....	103
<i>V. I. Rassadin</i>	
On the Role of Imitative Words in the Khalkha Mongolian Verb Derivation	120
<i>S. S. Sabrukova</i>	
Summer Trips to Kalmyk Steppe of Students of St. Petersburg Imperial University under the Supervision of V.L.Kotvich (Based on Documents Kept at the Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences).....	127
<i>D. D. Selyunina</i>	
Meaning of the Term <i>Ejēn</i> in the «Shar Tuuj» Chronical.....	137
<i>L. G. Skorodumova</i>	
On the Question of Psychologism in the Mongolian Prose.....	150
<i>T. D. Skrynnikova</i>	
Noyons in Khalh of XVII Centuries	160
<i>Urtnasan</i>	
Davaajav Determining the Mongolian Reduced Vowels.....	169
<i>V. L. Uspensky</i>	
The Policy of the Manchus towards the Mongols: from the Promulgation of the Qing Dynasty (1636) to the Collapse of the Ming Dynasty (1643)	184
<i>T. I. Yusupova</i>	
Why the Textbook «History of Mongols» by G.E. Grumm-Grzhimailo was not Published	198
<i>N. S. Yakhontova</i>	
The Tibetan «ka ‘phreng» Tradition in the «Lishi Gurkhan» Dictionary	208
THE LIST OF AUTHORS.....	216

Зоя Кононовна Касьяненко

ВСТУПЛЕНИЕ

21 ноября 2015 года исполнилось 90 лет Зое Кононовне Касьяненко, монголоведу, преподавателю монгольского языка, кавалеру высшей награды Правительства Монголии для иностранных исследователей – Ордена «Полярной звезды», проработавшей многие годы на Кафедре монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, воспитавшей не одно поколение монголоведов-исследователей, которые трудятся в настоящее время в разных монголоведных центрах России и за рубежом. Ее методические разработки и учебные пособия до сих пор востребованы в ВУЗах с востоковедным уклоном. З. К. Касьяненко много времени и сил уделяла разработке и внедрению новых курсов, совершенствованию существующих. Ее неутомимая деятельность и подвижничество позволяли сохранять традиции классического петербургского монголоведения, главными отличительными чертами которого являются знание письменных памятников, четкая методология исследования, владение историографической базой источников, а также прекрасное знание предмета исследования, увлеченность делом и любовь к выбранной специальности.

З. К. Касьяненко является не только ярким Учителем, но и видным ученым-монголоведом российской науки. Основное направление ее научных исследований – лингвистика, источниковедение, текстология, история науки. Окончив Восточный факультет Ленинградского Государственного университета в 1950 году, З. К. Касьяненко проработала на кафедре монгольского языка с 1956 г. до 2009 года. В 1953 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «К вопросу о сложноподчиненном предложении в современном монгольском языке». В 1971 г. была переведена на должность доцента. З.К.Касьяненко вела преподавание старописьменного и современного монгольского языка. Читала курсы: «Монгольское источниковедение», «Монгольская текстология», «Введение в монголоведение», «История монголоведения», «История монгольской письменности», «Синтаксис монгольского языка». Ею написан учебник «Современный монгольский язык» и монография «Каталог петербургского рукописного Ганджура», которые востребованы монголоведами до настоящего времени. Всего ей принадлежит более 40 статей на русском, английском, немецком, монгольском языках. Под руководством З. К. Касьяненко защищено большое количество курсовых и дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций. Ученики Зои Кононовны стали известными и авторитетными в научном мире учеными-монголоведами.

Выпуск Восточного факультета Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А.А.Жданова 1950 г. З. К. Касьяненко стоит вторая справа

В студенческие годы. Справа – З. К. Касьяненко, слева – Л. К. Герасимович

Во время поездки в Монголию. З. К. Касьяненко – вторая справа. 60-е годы

Со студентками на практике в Монголии. Улан-Батор. 60-е годы. Слева направо:
Г. Батнасан, Т. Алексеева, З. К. Касьяненко, О. Яшкулова, Н. Кокшаева

В очередном 17-ом номере ежегодного журнала по монголоведению, «Монголика», выпускаемом Институтом восточных рукописей РАН, который был полностью посвящен Зое Кононовне Касьяненко, собраны высказывания ее учеников о своем любимом Учителе. Так, К. В. Алексеев привел ее слова, ставшие путеводной нитью всей его научной жизни: «Смотрите в текст, там все написано!». Они стали для него «подобно золотыми слогами священной мантры», которые звучат как девиз человека, «способного видеть, анализировать, постигать и не поступаться своими убеждениями». Долгие годы Зоя Кононовна являлась куратором разных наборов студентов. К. В. Орлова тепло вспоминает об этом: «Действия и слова Учителя были абсолютно лишены официальности, формальности, согреты большой и искренней заинтересованностью» в хороших результатах и в комфортном состоянии души студента при обучении. М. П. Петрова, которой посчастливилось не только быть ее ученицей, но и поработать с ней многие годы, всегда помнит слова, услышанные от Зои Кононовны, и впоследствии сопровождавшие ее всю жизнь: «Вам с вашим образованием никогда не

Перед кафедрой монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ.
80-годы. Слева направо: О. Попова, Е. Печерина, Л. К. Герасимович,
З. К. Касьяненко, Д. Рыбаков, Е. А. Кузьменков, М. П. Петрова, Б. М. Нармаев,
Е. В. Афонина, А. Будыко

На приеме у ректора СПбГУ. Слева направо: Е. А. Кузьменков, З. К. Касьяненко, Д. К. Герасимович, Л. А. Вербицкая

будет скучно». Встреча с Зоей Кононовной была для многих поворотным моментом в жизни. Учитель стал для них «Древом Жизни», «Древом Мира», из корней которого они питались и который «помог победить им в себе тысячу мангусов», как написала в своих воспоминаниях о своем Учителе Т. Д. Скрынникова. Преданность З. К. Касьяненко монголоведению отражалась в понимании главной жизненной цели ее последователями, для них слова «Axis Mundi Mongolorum» (Ось мира – монголоведение) звучат на протяжении всей их жизни девизом и призывом к активным действиям на поприще науки. Большое мастерство Учителя заключается в его способности указать ученику на его признание. Счастья для ученика встретить такого Учителя, считает В. Л. Успенский. «Любимой Багшой» называет своего Учителя С. Н. Цэдэнова. Вспоминая доброжелательную обстановку на кафедре, заинтересованное общение студентов и преподавателей, продолжающиеся до настоящего времени научные и человеческие контакты с бывшими однокашниками, она выражает уверенность, что в этом большая заслуга всех преподавателей Кафедры того времени: Людмилы Константиновны Герасимович, Таисии Алексеевны Бурдуковой, Бронислава Ивановича Кузнецова, и конечно – Любимой Багши – Зои Кононовны Касьяненко. Называя Зою

Кононовну своим Учителем и другом, А. Д. Цендина подчеркнула, что это значительно больше, чем только Друг или Учитель. Вспоминая памятный вечер в доме Зои Кононовны, она назвала самые главные черты своего наставника – мужество, преданность своему делу, здравый смысл, благодаря которым всех всегда тянуло и тянет в дом, где «страшно весело и интересно». Бесценный опыт передала Зоя Кононовна своим ученикам, считает Н. В. Ямпольская – «она научила нас быть счастливым в работе». Для Н. С. Яхонтовой Зоя Кононовна является центром сообщества бывших

З. К. Касьяненко. 2005 г.

учеников и слова: «Вам привет от Зои Кононовны», продолжают отпирать двери и обеспечивать радушный прием. Центром мироздания, постоянно раскрывающим своим ученикам огромный волшебный мир Монголии стала для Л. Г. Скородумовой Зоя Кононовна, которую вслед за Конфуцием, считает она, можно сравнить с «несъеденной тыквой» за неистраченный запас знаний, тепла и доброты, не смотря на то, что она всю себя отдавала своим ученикам.

Бесконечную благодарность испытывают бывшие ученики к Зое Кононовне за ее уроки доброты, человечности, мудрости. Все ученики, поздравляя своего Учителя с Юбилеем, желают ей возвращения света и тепла, которые она сама дарила своим ученикам долгие годы, желают жить с ощущением счастья от подаренной им радости знаний и уверенности в своих силах. Они гордятся своим званием монголоведа и принадлежностью к школе Зои Кононовны Касьяненко.

30 сентября 2015 года в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге состоялась конференция, посвященная З. К. Касьяненко. Организаторами ее выступили: Институт восточных рукописей Российской Академии наук, Институт истории и археологии Монгольской академии наук, Институт языка и литературы Монгольской Академии наук. Активным участником конференции стал Санкт-Петербургский государственный Университет. На конференции были обсуждены актуальные проблем по языку, истории, литературе монгольских народов. Мировому научному сообществу были представлены новейшие результаты изучения всех

На кафедре монгольской филологии Восточного факультета СПбГУ.
 З. К. Касьяненко в центре, справа от нее венгерская монголовед Мария Татар,
 Б.М.Нармаев. Стоят: С. Г. Кляшторный, М. П. Петрова, Е. В. Афонина,
 К. В. Алексеев и студенты. 2001 г.

аспектов жизни монгольских народов, продемонстрированы возможности современных методов исследования и подходов к рассмотрению актуальных проблем современности. Большинство докладов находились в русле основных направлений научной деятельности З. К. Касьяненко: лингвистика, историография, источниковедение, текстология, история науки. В научной конференции приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Элисты, Хух-хото, Урумчи, Пекина (КНР).

В адрес конференции поступили приветствия от преподавателей Санкт-Петербургского государственного университета, бывших учеников З. К. Касьяненко, сотрудников интернетной газеты «Монголия сейчас».

В приветственных словах отмечался высокий профессионализм, доброжелательность, отзывчивость, терпение Учителя – все то, что в большой степени содействовало выбору жизненного пути ее учеников, связавших свои судьбы с востоковедными монголоведными исследованиями. На пленарном заседании бывшие ученики З. К. Касьяненко в своих выступлениях отмечали, что они стараются сохранять и совершенствовать знания, полученные

на незабываемых лекциях, а также почерпнутые из книг любимого преподавателя. Конференция прошла при большой активности участников в конструктивной и доброжелательной обстановке. Оживленные дискуссии подтвердили заинтересованность научного мира в предложенных для обсуждения проблемах, продемонстрировали актуальность поднимающихся вопросов для понимания истории, культуры и языка монгольских народов. Перед учеными открылись новые

З. К. Касьяненко со своими ученицами –
А. Д. Цендиной, Н. С. Яхонтовой

возможности в создании международных научных коллективов для проведения совместных исследований и организации научных мероприятий. По итогам конференции участники сочли нужным заявить, что конференция внесла значительный вклад в развитие отечественной монголистики, что она проходила в рамках серийных конференций, посвященных крупным ученым, коллегам, связанным с сотрудниками и фондами ИВР РАН. Проведенное научное мероприятие имеет большое значение для дальнейших исследований по истории, культуре и языкознанию монгольских народов, а также для объединения усилий специалистов в проведении совместных исследований. Конференция продемонстрировала новые возможности в деле подготовки молодых исследователей, создания совместных научных трудов.

В предлагаемый сборник включены статьи, прозвучавшие в виде докладов на конференции, посвященной 90-летию юбилею Зои Кононовны Касьяненко. Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется языком, культурой и историей монгольских народов и Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ З. К. КАСЬЯНЕНКО

1. Касьяненко 1953: *Касьяненко З. К.* К вопросу о сложноподчиненном предложении в современном монгольском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1953. – 17 с.
2. Касьяненко З. К., 1963 – О двойном склонении в монгольском языке // Филология стран Востока. – Л., 1963. – С. 35–45.
3. Касьяненко 1964: *Касьяненко З. К.* Об именительном падеже в современном монгольском языке // Вопросы грамматики языков стран Азии. – Л., 1964. – С. 3–8.
4. Касьяненко 1966а: *Касьяненко З. К.* А. Д. Руднев – представитель лингвистического направления в монголоведении в начале XX в. // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тез. докл. науч. конф. вост. ф–та. 1965/66 уч. год. – Л., 1966. – С. 70–71.
5. Касьяненко 1966б: *Касьяненко З. К.* Придаточное предложение и оборот в монгольском языке // Проблемы филологии стран Азии и Африки. – Л., 1966. – С. 3–10.
6. Касьяненко 1968: *Касьяненко З. К.* Современный монгольский язык. Учебное пособие. – Л., 1968. – 112 с.
7. Касьяненко 1971: *Касьяненко З. К.* Подлежащее в придаточных предложениях в монгольском языке // Вопросы филологии стран Азии и Африки. – Вып. 1. – Л., 1971. – С. 57–65.
8. Касьяненко 1973: *Касьяненко З. К.* О формальных средствах смыслового членения предложения в современном монгольском языке // Вопросы филологии стран Азии и Африки. – Вып. 2. – Л., 1973. – С. 55–64.
9. Касьяненко 1977: *Касьяненко З. К.* Монгольский рукописный Ганджур // Востоковедение. – № 3. Филологические исследования. – Л., 1977. С. 156–162. (Уч. зап. ЛГУ. – № 389. Сер. вост. наук. Вып. 19).
10. Касьяненко 1981: *Касьяненко З. К.* А. Д. Руднев (К 100-летию со дня рождения) // Уч. зап. ЛГУ. – Л., 1981. – № 405. Сер. вост. наук. – Вып. 24. С. 137–143.
11. Касьяненко 1984а: *Касьяненко З. К.* К характеристике ленинградской рукописи Ганджура // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тез. одиннадцатой науч. конф. – Ч. 1. – М., 1984. – С. 88–90.
12. Касьяненко 1984б: *Касьяненко З. К.* Монгольские переводчики «Ганджура» // Всесоюз. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. акад. Б. Я. Владимирцова. Тез. докл. – М., 1984. – С. 140–142.
13. Касьяненко 1985а: *Касьяненко З. К.* Монгольский рукописный фонд библиотеки восточного факультета Ленинградского государственного

университета им. А. А. Жданова // Информ. бюл. МАИКЦА. – Вып. 9. – М. 1985. – С. 86–92.

14. Kasyanenko 1985b: *Kasyanenko Z.* Mongol Manuscripts in the Oriental Department Library of Leningrad University Named after Zhdanov // Inform. Bull. The Intern. Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Issue 9. – Moscow, 1985. – P. 86–91 (пер. с рус.).

15. Касьяненко 1986а: *Касьяненко З. К.* К вопросу об истории редакции монгольского «Ганджура» // MONGOLICA. Памяти акад. Б. Я. Владимирцова 1884–1931. – М., 1986. – С. 252–264.

16. Касьяненко 1986b: *Касьяненко З. К.* Монголоведение в Санкт–Петербургском университете (1885–1917) // Культура Монголии в средние века и новое время (XVI – начало XX в.). – Улан-Удэ, 1986. – С. 141–159.

17. Касьяненко 1987а: *Касьяненко З. К.* История перевода «Ганджура» на монгольский язык // Тез. Всесоюз. буддологической конф. – М., 1987. – С. 231.

18. Касьяненко 1987b: *Касьяненко З. К.* Ленинградский рукописный «Ганджур» // V Межд. конгресс монголоведов. Докл. сов. дел. – Ч. 2. – М., 1987. – С. 59–66.

19. Касьяненко 1987с: *Касьяненко З. К.* Монгольский рукописный «Ганджур» // Филологические исследования старописьменных памятников. – Элиста, 1987. – С. 5–18.

20. Касьяненко 1987d: *Касьяненко З. К.* Оглавление монгольского «Ганджура» под названием «Солнечный свет» // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1978–1979. – М., 1987. – С. 158–185.

21. Касьяненко 1988: *Касьяненко З. К.* Ленинградский рукописный «Ганджур» – памятник письменной культуры монголов первой половины XVII в. // Проблемы монгольского языкознания. – Новосибирск, 1988. – С. 139–148.

22. Касьяненко 1989а: *Касьяненко З. К.* Данные по истории перевода «Ганджура» на монгольский язык, содержащиеся в колофонах первой редакции // Владимирцовские чтения. II Всесоюз. конф. монголоведов. Тез. докл. и сообщ. – М., 1989. – С. 102–103.

23. Касьяненко 1989b: *Касьяненко З. К.* Монголыязычные источники, хранящиеся в рукописном фонде Восточного факультета ЛГУ // История и культура монголыязычных народов: источники и традиции. Межд. «круглый стол» монголоведов. Тез. докл. и сообщ. – Улан-Удэ, 1989. С. 33–34.

24. Касьяненко 1989с: *Касьяненко З. К.* Оглавление «Ганджура» (билингва) // Цыбиковские чтения. Тез. докл. и сообщ. – Улан-Удэ, 1989. – С. 66–67.

25. Касьяненко 1992: *Касьяненко З. К.* Ленинградский рукописный «Ганджур» // Олон улсын монголч эрдэмтний V их хурал. – Т. 3. – Улаанбаатар, 1992. – С. 143–146.

26. Касьяненко 1993а: *Касьяненко З. К.* Каталог петербургского рукописного «Ганджура» / Сост., введ., транслитерация и указ. З. К. Касьяненко. – М., 1993. – 382 с.: ил. (Памятники письменности Востока. Сп. Bibliotheka Buddhica. 39).

27. Касьяненко 1993б: *Касьяненко З. К.* Новые данные о первой редакции буддийского канона на монгольском языке // MONGOLICA. К 750-летию «Сокровенного сказания». – М., 1993. – С. 201–219.

28. Касьяненко 1997: *Касьяненко З. К.* А.Д.Руднев (1878–1958) // Российские монголоведы (XVIII – начало XX в.). – Улан-Удэ, 1997. – С. 111–116.

29. Касьяненко 1998: *Касьяненко З. К.* Некоторые исторические сведения в колофонах «Ганджура» // Mongolica IV. 90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсүрэнэ посвящается. – СПб., 1998. – С. 20–22.

Составил К. В. Алексеев

ПРИВЕТСТВИЯ

Дорогие коллеги, друзья, все, кто пришел сегодня в Зеленый зал Института восточных рукописей РАН, разрешите приветствовать вас на конференции, посвященной юбилею выдающегося Учителя, прекрасного педагога, российского ученого-востоковеда, преподавателя Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета Зои Кононовны Касьяненко, которой в эти дни исполняется 90 лет.

Работая на кафедре монгольского языка Восточного факультета практически всю свою преподавательскую жизнь, начиная с 1956 года, она все силы отдала подготовке новых кадров российских монголоведов, российской науке и до настоящего времени продолжает заниматься любимым делом.

Зоя Кононовна окончила университет в 1950 году, через три года она защитила кандидатскую диссертацию на тему «К вопросу о сложноподчиненном предложении в современном монгольском языке», через три года поступила на Кафедру, сначала в качестве преподавателя, а с 1971 году была переведена на должность доцента кафедры.

Своим неустанным самоотверженным трудом З. К. Касьяненко внесла неопределимый вклад в формирование преподавания монголоведных дисциплин на современном научном уровне. Благодаря ей были внедрены новые учебные курсы, что дало возможность студентам получать более углубленные и методически совершенные знания по культуре и языку монгольских народов.

В течение многих лет Зоя Кононовна руководила Студенческим научным обществом (СНО), в рамках которого было подготовлено большое количество сообщений и прочитаны различные доклады на монголоведные темы по широкому кругу вопросов – от истории образования монгольских народов и бытования культуры до особенностей современного языка и музыкального исполнительства монгольского фольклора.

Научные труды З. К. Касьяненко являются эталоном российского классического востоковедения.

Основным ее трудом, «Каталогом петербургского рукописного Ганджура», пользуются монголоведы всего мира до настоящего времени.

За выдающиеся научные и педагогические заслуги З. К. Касьяненко получила ряд наград, в том числе самую высокую награду Правительства Монголии, которой награждают иностранных граждан за выдающиеся за-

слуги перед Монголией – «Полярную Звезду», а также мантию почётного профессора Монголии.

С именем З. К. Касьяненко связано полвека ленинградского востоковедения. Ее талант, эрудиция, глубина познания составляют целую эпоху в изучении языка и культуры монгольских народов. Она является знатоком, прекрасным специалистом во многих областях знаний, связанных с монгольской словесностью и письменной культурой монгольских народов. Под руководством З. К. Касьяненко написано большое количество курсовых, дипломных работ, диссертационных исследований по монголоведному языкознанию. Ее ученики работают в США, Чехии, Швейцарии, Бурятии, Калмыкии, Санкт-Петербурге, Москве. Среди них видные ученые монголоведы: доктор филологических наук руководитель лаборатории лингвистики Калмыцкого государственного университета в Элисте В. И. Рассадин; доктор филологических наук Института мировой литературы им. А. М. Горького А. В. Кудияров; доктор филологических наук, проф. Российского государственного гуманитарного университета А. Д. Цендина; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного университета В. Л. Успенский; недавно ушедший из жизни кандидат филологических наук, доцент кафедры монгольской филологии Санкт-Петербургского Государственного университета, заведовавший Кафедрой с 1991 по 2000 гг., Е. А. Кузьменков.

В Институте восточных рукописей РАН также есть немало сотрудников, путевку в научную жизнь которым дала Зоя Кононовна.

Это, прежде всего, ныне покойный, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИВР РАН А. Г. Сазыкин. В настоящее время работают здесь: доктор филологических наук, главный научный сотрудник И. В. Кульганек; доктор исторических наук, главный научный сотрудник Т. Д. Скрынникова; кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Н. С. Яхонтова; кандидат филологических наук научный сотрудник Д. А. Носов, кандидат филологических наук, научный сотрудник Н. В. Ямпольская, младший научный сотрудник Отдела рукописей и документов А. А. Сизова.

Желаю Всем участникам конференции успешной работы, продолжая дело, которое для З. К. Касьяненко является и до настоящего времени смыслом ее прекрасной плодотворной и полной жизни.

*Доктор исторических наук.
Директор Института восточных рукописей РАН
И. Ф. Попова*

Эрхэм хүндэт Зоя Кононовна Касьяненко Танаа

Орчин цагийн монгол хэл болон монгол гар бичмэл, монгол судлалын түүх судлаач З. К. Касьяненко Танд мэргэжил нэгт Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн эрдмийн хамт олны нэрийн өмнөөс болон хувиасаа 90 насны ойн халуун мэндийг хүргэж байгааг хүлээн авна уу.

Орос-Зөвлөлтийн монгол судлалын уламжлалт дэг сургуулийн залгамжлагч, орчин үеийн монгол судлалыг хөгжүүлэгч, монгол судлалын алтан үеийн түүхийг өгүүлэгч Танаар бид бүхэн ямагт бахархаж явдаг билээ. Таны туурвисан «Орчин цагийн монгол хэлний хэлзүй» бүтээл нь үе үеийн монгол судлаачдын монгол хэлийг судлах сурах бичиг болсоор ирсэн ба орчин цагийн монгол хэлний хэлзүйн олон үзэгдлийг орчин үеийн хэл шинжлэлийн онол-аргазүйн үүднээс судлан шинжилсэн бүтээлүүд тань эдүгээ ч шинжлэх ухааны үнэ цэнээ хадгалсаар байна. Ялангуяа орчин цагийн монгол хэлний давхар тийн ялгалын тухай өгүүлэлдээ дэвшүүлсэн Таны санал монгол хэл шинжлэлийн хүрээнд нэгэнт хүлээн зөвшөөрөгджээ.

Таны эдүгээ хүртэл хүч хөдөлмөрөө зориулан яваа Санкт-Петербургийн Улсын их сургууль нь монголчуудын соёлын нандин өв – монгол гар бичмэлийн арвин баялаг хөмрөгтэй болохыг дэлхий нийт мэднэ. Тэрхүү монголчуудын соёлын өвийг эрхэмлэн хадгалах, эрдэм шинжилгээний эргэлтэд оруулах, олон нийтэд таниулах үйлсэд оруулсан Таны хувь нэмэр цаглашгүй их билээ. Тодруулбал, Санкт-Петербургийн Улсын их сургуулийн Дорно дахин судлалын салбарын эрдэм шинжилгээний номын санд хадгалагдаж буй монгол Ганжуурын 113 боть цорын ганц гар бичмэл бүрэн эмхэтгэлийн гарчгийг хийж хэвлүүлснээрээ Та алдар нэрээ нэрт монголч эрдэмтэн Л. Лигети, Б. Ринчен нарын адил монгол судлалын салбарт дуурсгасан юм.

Санкт-Петербургийн Улсын их сургуулийн монгол хэл бичгийн тэнхим нь монгол судлалын алтан өлгий төдийгүй үе үеийн монголч эрдэмтдээрээ алдартай. Энэхүү уламжлалыг залгамжлах, өвлүүлэхэд Таны оруулсан хувь нэмрийг Монгол орны судлаач бид ямагт талархан хүндэтгэдэг билээ. Тус тэнхимд ажиллаж байсан алдарт монголч эрдэмтэн К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, В. Л. Котвич, А. Д. Руднев нарын амьдрал-бүтээлийн талаарх

өгүүллүүд тань эдүгээ ч монгол судлалын залуу үеийнхэнд эрдэм судлалын чигээ тодорхойлох зам мөрийг нь гэрэлтүүлсээр байна.

Эрхэм хүндэт З. К. Касьяненко Танд дахин халуун мэнд дэвшүүлэхийн ялдамд Санкт-Петербургийн Улсын их сургуульд 2001–2005 онд өнгөрүүлсэн он жилүүдэд үзүүлж байсан халуун дэмжлэг, хайр тусламжийг тань ямагт дурсаж явдгаа илэрхийлэхэд таатай байна. Тантай уулзаж учирч явсан минь миний хувьд нэр хүндийн хэрэг гэж үздэг билээ.

Хүндэтгэсэн: Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн Эрдэмтэн нарийн бичгийн дарга, Санкт-Петербургийн Улсын их сургуулийн Дорно дахин судлалын салбарын Монгол хэл бичгийн тэнхимийн 2001–2005 оны аспирант, Ваш Б. *Түвшинтөгс*. 2015.09.29

Перевод

В преддверии 90-летия большого учителя, преподавателя, ученого, Зои Кононовны Касьяненко, мы, Ваши коллеги Института языка и литературы Монгольской академии наук, хотели бы сказать Вам:

Мы искренне восхищаемся Вашим умением преподавать в Высшей школе, что служит крепнущим российско-монгольским связям, развитию современного монгольского образования.

Ваш учебник «Грамматика монгольского языка» и сейчас используется при изучении монгольского языка и сохраняет свою высокую ценность, так как отвечает самому современному научному уровню. Особенно ценны Ваши исследования о двойных падежах и членах предложения в современном монгольском языке.

Собрание монгольских рукописей и ксилографов, находящееся в Санкт-Петербургском университете, остается до настоящего времени одним из самых богатых. Именно здесь хранится 113 томов выдающегося собрания монгольских сочинений «Ганджура». Вклад Зои Кононовны Касьяненко в изучение монгольских письменных памятников чрезвычайно велик. Она работала над собранием этого сочинения с такими выдающимися учеными как Б. Ринчин и Л. Лигети.

З. К. Касьяненко продолжает дело выдающихся ученых-монголоведов, которые работали в Санкт-Петербургском университете. Это К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, В. Л. Котвич, А. Д. Руднев. Она освещает светом своих знаний дорогу монголооведам новых поколений.

Дорогая Зоя Кононовна Касьяненко! Я тепло вспоминаю незабываемые годы, проведенные мной в Санкт-Петербургском университете. Это

2001–2005 годы. Вспоминаю Вашу помощь. Встреча с Вами стала для меня чрезвычайно большим событием в моей жизни.

С уважением, аспирант 2001–2005 годов Санкт-Петербургского университета Восточного факультета кафедры монгольской филологии, ученый секретарь Института языка и литературы Монгольской академии наук.

Ваш *Б. Тувшинтугс*. 2015.09.29.

Глубокоуважаемая Зоя Кононовна!

Коллектив Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук сердечно поздравляет Вас со славным юбилеем!

Мы чествуем Вас как одного из видных деятелей науки и педагогического образования. Ваш жизненный путь является ярким примером служения науке и обществу. В монголоведении и буддологии своё достойное место заняли Ваши труды по монгольской филологии, источниковедению, истории. Вы вложили много сил и кропотливого труда в подготовку молодых кадров. Как блестящий педагог Вы воспитали плеяду известных учёных и скромных тружеников, которые успешно продолжают Ваше дело в монголоведных центрах России и за рубежом. Ваши богатейшие знания и бесценный опыт, лекции и мудрые наставления с благодарностью сохраняются в сердцах и умах Ваших учеников и коллег.

Ваш упорный труд и способности наставника высоко оценены ответственностью и Правительством Монголии. Об этом свидетельствует высшая награда Монголии «Орден Полярной Звезды». Поздравляя Вас с этим славным юбилеем, желаем Вам счастья, неиссякаемого творческого вдохновения, крепкого здоровья и благополучия.

*С уважением,
От имени коллектива
Института монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
член-корреспондент РАН
Б.В. Базаров*

Глубокоуважаемая Ирина Фёдоровна!

Дорогие коллеги!

От имени Академии Восточной Азии приветствуем участников научной конференции, посвященной 90-летию Зои Кононовны Касьяненко, одного из столпов российского монголоведения!

Обширность рассматриваемых на конференции тем, доклады известных учёных по истории монгольских народов, языку, литературе и текстологии, участие гостей из разных стран выводят Ваш форум на международный уровень, делают его заметным событием в академической науке.

Успех всем участникам конференции!

Президент Академии Восточной Азии Денисов Г. В.

Председатель правления Кручкин Ю. Н.

Уважаемые коллеги!

Наша сегодняшняя научная конференция, посвященная юбилею З. К. Касьяненко, является событием знаменательным и даже удивительным. Это – живое выражение благодарности учителю со стороны нескольких поколений учеников – что бывает в нашей жизни, прямо скажем, нечасто.

О Зое Кононовне можно говорить долго и много: ведь с нею связана вся наша монголоведная жизнь с ее взлетами и падениями, проблемами и нюансами. От ее замечательного учебника «Современный монгольский язык» до советов касательно сложных вопросов нашей науки. И не только советов по науке, но и по личным вопросам тоже. И в жизни каждого из нас она сыграла свою особую роль, зачастую не просто важную, а определившую судьбу.

Для учеников это большое счастье – иметь такого наставника. Но также счастье и для учителя иметь такие любовь и уважение учеников, которые – смею утверждать от нашего общего имени – мы пронесли от студенческих лет до сегодняшнего дня.

Зоя Кононовна часто выполняла роль связующего звена между более старшими и младшими по возрасту монголоведами. Не мог студент просто взять и прийти в ЛО ИВАН и попросить помощи у старших коллег – Зоя Кононовна организовывала подобные контакты, помогала подыскать руководителя, консультанта.

Про Институт и Университет она любит говорить «два берега», и стремилась к тому, чтобы мы, по ее словам, «уходя на этот берег» не порывали с тем берегом, из которого вышли в востоковедную жизнь. Мне кажется, что ей это удалось, и это замечательно.

И еще нельзя забывать вот о чем. Молодые, даже юные годы Зои Кононовны пришлось на исключительно трудное время в истории нашей страны. Что такое война и Ленинградская блокада Зоя Кононовна знает не из книг и фильмов. И несмотря на эти тяжелейшие испытания Зоя Кононовна пронесла через всю жизнь оптимизм и веру в людей – качества, которым нам всем нужно у нее поучиться.

Поэтому пожелаем дорогой Зое Кононовне крепкого здоровья!

В. Л. Успенский

Дорогая Зоя Кононовна!

Разрешите мне от всей души поздравить Вас со знаменательной датой – 90 лeтнем со дня рождения. Не всем дана такая судьба, только сильным и мужественным людям, с отзывчивой душой, открытым и добрым сердцем, готовым всегда прийти на помощь другим. Мы, все Ваши студенты многих поколений, помним Ваше большое материнское сердце, которое согревало нас в трудные годы учебы и разлуки от родных и близких. Мы, многие студенты из далекой Сибири, знали, что у Вас всегда найдем поддержку и опору, теплые слова сочувствия и взаимопонимания. Вы для нас являетесь первым Учителем, который открыл для нас красоту и благозвучие монгольского языка. С Вами мы прошли наши первые шаги, изучая все падежные окончания и глагольные суффиксы, изумительный синтаксис монгольских языков. Позже мы окунулись в богатый океан памятников старомонгольской письменности и снова с Вами же по слогам и по словам читали удивительные легенды и буддийские сказания и притчи, делились ошибками и достижениями, изучая кладезь народной мудрости монгольских народов.

Дорогая Зоя Кононовна, Вы всегда рядом со своими студентами и соратниками как бойцы на боевом посту, не покидая друзей в ненастье и непогоду.

Мы делились с Вами своими заботами и тревогами. Помните, как мы любили пить чай у Вас в Вашей уютной квартире и делились со всеми новостями и радостями в жизни.

Мы, все Ваши студенты, благодарны судьбе за то, что Вы являетесь нашим Учителем, что Вы дали нам прекрасные знания и открыли дорогу в жизнь.

Земной Вам поклон и слова благодарности от многих учеников из разных городов и стран мира. Желаем Вам крепкого сибирского здоровья, счастья и благополучия в дальнейшие годы.

*Лыжжима Халоупкова, студентка кафедры монголоведения
в 1971–1977 гг. родом из Бурятии,
ныне проживающая в Праге, в Чехии.
30 октября 2015 г., Прага*

Уважаемое Великое собрание учёных-востоковедов,

позвольте выразить благодарность руководству Института восточных рукописей Российской Академии наук, членам оргкомитета международной конференции, посвященной юбилею учёного ЗОЕ КОНОНОВНЕ КАСЬЯНЕНКО, мудрому бакши-учителю, взрастившей не одно поколение именитых учёных-востоковедов, исследователей и просто выпускников кафедры тибето-монгольской филологии Восточного факультета Ленинградского, а ныне Санкт-Петербургского университета. Позвольте выразить ей огромную благодарность за её неутомимый профессиональный труд, за благородство и терпение к нам, студентам далеких конца 50-х – середины 60-х годов XX века. Благодаря беспредельно неутомимому труду преподавателей нашей маленькой кафедры Таисии Алексеевны Бурдуковой, Людмилы Константиновны Герасимович, юбиляру Зои Кононовны Касьяненко, Дмитрия Андриановича Алексеева и многих других известных учёных-преподавателей мы получили высшее филологическое образование. В те далёкие довольно нелегкие годы преподаватели нашей кафедры вывели нас на ту ступень человеческой жизни, по которой мы идём вот уже пятьдесят лет. Мы всегда храним в сердце тёплое отношение наших преподавателей к нам, студентам, которое проявляли наши мудрые бакши. У меня до сих пор хранятся открытки, письма с добрыми пожеланиями Таисии Алексеевны, Людмилы Константиновны, Зои Кононовны, которые были подписаны словами «Ваша Л.К.», «Ваша З.К.». Это было настолько приятно, что мы оставались для наших преподавателей «нашими». Таисия Алексеевна, Людмила Константиновна, Зоя Кононовна, говоря о ком-нибудь из студентов, всегда говорили: «Наш Валя» – ныне это известный учёный с мировым именем Валентин Иванович Рассадин и т. д. Это было традицией. Пользуясь, случаем, позвольте еще раз выразить сердечную благодарность всем, всем нашим преподавателям – бакши. Имена их всегда в нашей памяти.

Н. О. Кокшаева.

Калмыкия. Элиста

Уважаемые организаторы и участники конференции!

Выпускники кафедры монгольской филологии разных лет из Бурятии тепло и сердечно поздравляют вас с началом работы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения нашей уважаемой, дорогой Зои Кононовны!

Дорогая Зоя Кононовна, мы с благодарностью отдаем Вам должное, за Ваш высокий профессионализм, доброжелательность, отзывчивость, терпение. Это в большой степени содействовало тому, что многие из нас выбрали востоковедный путь. Мы стараемся сохранять и совершенствовать знания, полученные на Ваших незабываемых лекциях и почерпнутые из Ваших книг! Поздравляем Вас и желаем здоровья, долголетия, много счастливых дней и радостных событий!

Разрешите пожелать участникам и гостям конференции успешной, плодотворной работы, новых творческих достижений, интересных дискуссий!

*Бураев Дмитрий,
Дашибалова (Ирдынеева) Дарима,
Жабон Юмжана,
Митыпов Виктор*

Уважаемые участники научной конференции «Зоя Кононовна Касьяненко – Учитель и монголовед (к 90-летию)», веб-портал «Монголия сейчас» приветствует Вас и желает успеха!

Не единожды мы освещали события, которые происходили в этих стенах. Публикации имели успех и вызывали неподдельный интерес наших читателей.

Портал «Монголия сейчас» готов разместить на своих страницах все материалы конференции, проходящей в Санкт-Петербурге.

*С уважением,
Директор веб-портала «Монголия сейчас» Денисов Г.В.
Директор проекта Коваленко А.В.*

СТАТЬИ

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ В ТРУДАХ ЗОИ КОНОНОВНЫ КАСЬЯНЕНКО

***Аннотация.** Очерк посвящен обзору научных трудов выдающегося исследователя монгольского языка и литературы Зои Кононовны Касьяненко.*

***Ключевые слова:** Касьяненко З. К., лингвистика, учебник монгольского языка монгольский Ганджур.*

Касьяненко Зоя Кононовна род. 21.11. 1925 в Бахмаче УССР. В 1950 окончила вост. фак-т ЛГУ. Канд. филол. наук (26.10.1953). Доцент (02.06.1971). Преподаватель вост. фак-та СПбГУ (с 1953). Издано более 15 работ [Миллибанд 2008: 607].

Непосвященному сложно увидеть за этими сухими фактами био-библиографического словаря выдающийся творческий путь, неразрывно связанный с судьбой отечественного монголоведения; ученику и свидетелю некоторых событий непросто сосредоточится лишь на одной из его граней – научной деятельности Зои Кононовны Касьяненко, нашедшей свое воплощение в многочисленных и важных публикациях и докладах.

Многoplanовая работа Зои Кононовны по изучению языка и культуры монголов началась с лингвистических исследований¹. Этому способствовали повышенный интерес к лингвистике на Восточном факультете ЛГУ в 50-е годы, знакомство с выдающимся лингвистом В. М. Надеяевым, преподававшим на факультете в этот период, а также необходимость дальнейшего развития преподавания монгольского языка. Первым результатом лингвистических изысканий Зои Кононовны стала защищенная в ноябре 1953 г. диссертация на соискание степени кандидата филологических наук «К вопросу о сложноподчиненном предложении в современном монгольском языке». Необходимость выбора такого рода темы была продиктована тем, что на момент написания диссертации синтаксис монгольских языков был недостаточно изучен, и по вопросу о сложноподчиненном предложении в монголоведении существовали значительные разногласия. Основаны они были на различном понимании синтаксических конструкций, передающих

---

¹ Автор сердечно благодарит Н. С. Яхонтову за помощь в написании лингвистической части очерка.

содержание придаточных предложений. Некоторые ученые, такие как А. Бобровников и Ш. Лувсанвандан, положительно решали вопрос о наличии в монгольском языке сложноподчиненного предложения, другие, такие как Г. Д. Санжеев, отрицательно. Решение этого вопроса заключалось в определении синтаксической природы причастных и деепричастных конструкций, передающих содержание придаточных предложений в монгольском языке. Зое Кононовне удалось предложить оптимальное решение этой проблемы и расставить точки над «i» в вопросе придаточного предложения.

На основании проведенного исследования она пришла к ряду интересных заключений о формах подлежащего и сказуемого в придаточных предложениях в современном монгольском языке, и к окончательному выводу о том, что их форма не может служить препятствием для признания причастных и деепричастных конструкций придаточными предложениями [Касьяненко 1953] (см. выходные данные трудов З. К. Касьяненко в «Библиография трудов З.К.Касьяненко» (с. 20–22)). Эта точка зрения была поддержана лингвистами, продолжившими изучение причастно-падежных конструкций в алтайских языках. Несмотря на то, что диссертация Зои Кононовны была в основном посвящена отдельному вопросу синтаксиса в ней был затронут ряд других важных вопросов монгольского языкознания.

Отдельные положения диссертации получили освещение в статьях, опубликованных в 60-х – начале 70-х гг. [Касьяненко 1964, 1966b, 1971]. Помимо темы придаточного предложения в статьях этого периода Зоя Кононовна также обращается к другим неоднозначным проблемам современного монгольского языка. Так, например, одна из статей посвящена вопросу двойного склонения [Касьяненко 1963]. В ней автор отрицает наличие двойного склонения в монгольских языках, объясняя наличие первого из падежных аффиксов механизмом словообразования. Эта точка зрения была поддержана последующими исследователями, работавшими в этой области: «Словообразовательная природа показателя такого «родительного падежа» в подобных «удвоенных» падежах не может вызывать сомнений. Вот почему вывод З. К. Касьяненко, который относится, по сути, к двойным падежам некоторых, якобы всегда падежных форм, является, безусловно, верным» [Трофимова 2009, с. 183]. Статья 1973 г. посвящена актуальному и по сей день вопросу формальных средств смыслового членения монгольского предложения [Касьяненко 1973].

Параллельно с лингвистическими исследованиями Зоя Кононовна Касьяненко занимается историей монголоведческой науки в России и издает ряд работ посвященных А.Д. Рудневу (1878–1958). Поскольку в них затрагивался вопрос вынужденной эмиграции этого выдающегося российского

монголоведа, опубликовать их в условиях советской цензуры было непросто [Касьяненко 1966а, 1981, 1986b, 1997].

Развитие преподавания современного монгольского языка на Восточном факультете требовало создания актуального учебного пособия. На тот момент единственным учебником современного монгольского языка являлась книга А. Р. Ринчинэ, изданная еще в 1952 г. [Ринчинэ 1952]. Разработкой такого пособия занялась Зоя Кононовна. Работа над учебником была закончена во время командировки в МНР в 1963–1964 гг. Публикация книги проходила сложно – учебник был издан лишь в 1968 г. [Касьяненко 1968]. Помимо грамматического очерка современного монгольского языка и уроков, разработанных по грамматической тематике, в него вошли приложения, состоящие из грамматических схем, список наиболее употребительных лингвистических терминов на монгольском языке и подборка текстов для чтения. Автору удалось совместить поэтапное освоение монгольского языка с основательным грамматическим комментарием. Учебник, безусловно, выходит за рамки пособия для начинающих и может служить основательным справочником по современному монгольскому языку. Он был переиздан в 2002 г. и до сих пор задействован в процессе преподавания на кафедре монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ. В 1971 г. Зоя Кононовна направляется в трехмесячную командировку в Улан-Батор, где налаживает преподавание монгольского языка для иностранцев. Результатом этой поездки стало открытие в Монгольском Государственном Университете кафедры для обучения иностранных студентов, оборудованной лингафонной лабораторией.

Занятия лингвистикой заложили прочную базу для другого важного направления в научной деятельности Зои Кононовны – изучения старописьменной монгольской словесности. На выбор этой научной тематики существенное влияние оказало общение и совместная работа с Д. Карой, в 1968–1969 гг. собиравшем в Ленинграде материал для своего труда «Книги монгольских кочевников» [Кара 1972], и Ц. Дамдинсурэном (1908–1986), в 1971 и 1973 гг. работавшем в ленинградских хранилищах над книгой «Рамаяна в Монголии» [Дамдинсурэн 1979]. С 1978 г. на кафедре начинает преподавать талантливый лингвист Е. А. Кузьменков (1945–2012), что позволяет Зое Кононовне полностью сосредоточиться на исследовании текстов монгольской рукописно-ксилографической коллекции восточного отдела Научной библиотеки ЛГУ. Большое значение для занятий монгольским источниковедением и текстологией имели консультации с выдающимися исследователями древнерусской литературы В. И. Малышевым (1910–1976) и Д. С. Лихачевым (1906–1999) в Пушкинском Доме, а также общение с

Е. И. Кычановым (1932–2013), с которым Зоя Кононовна делила один рабочий стол в рукописном фонде Института Востоковедения. Результаты исследования рукописного фонда изложены в ряде работ, опубликованных в 80-е гг. [Касьяненко 1985а, 1985b, 1989b].

Осознание того, что большую часть старой монгольской литературы составляют тексты буддийского содержания, объединенные в иерархическую систему, в центре которой стоит буддийский канон, определило основной объект исследования Зои Кононовны – монгольский Ганджур. Изучение структуры и генезиса этого сборника, стало приоритетной научной темой для исследователя на все последующие годы.

Монгольский Ганджур, представляет собой сборник переводов большого и разнородного корпуса текстов, авторство которых приписывается Будде. Он дошел до наших дней в двух изданиях – рукописном, выполненном в 1628–1629 гг., в правление Лигдэн-хана Чахарского (1588–1634), и ксилографическом, осуществленном под эгидой цинского императора Канси (1654–1722) в 1718–1720 гг. в Пекине.

К началу 70-х гг. уже были опубликованы некоторые результаты исследования монгольского Ганджура. В первую очередь, это касалось каталогизации и издания пекинского ксилографа [Bischoff 1968; Chandra 1973–1979; Ligeti 1942]. Материалы изучения отдельных фрагментов рукописной редакции Лигдэн-хана были опубликованы в ряде работ В. Хайссига [Heissig 1957, 1962, 1973]. Тем не менее, в истории формирования буддийского канона на монгольском языке оставалось множество пробелов, в первую очередь потому что текст единственного полного списка Ганджура Лигдэн-хана, хранившегося в ЛГУ, оставался недоступным научному миру. Всестороннее исследование и каталогизация этого 113-томного рукописного сборника были актуальной и перспективной задачей. Работа над составлением каталога ленинградского списка заняла 15 лет и сопровождалась скрупулезным изучением его структуры, состава, текстологическим сличением рукописного и ксилографического изданий, а также изучением колофонов Ганджура. Каталог рукописи с указателями названий сочинений, всех вариантов имен и топонимов, встречающихся в колофонах Ганджура, а также факсимиле был опубликован в 1993 г. [Касьяненко 1993а]. Отдельные аспекты изучения монгольского Ганджура были изложены в статьях и тезисах научных конференций [Касьяненко 1977, 1984а, 1984b, 1986а, 1987а, 1987b, 1987с, 1988, 1989а, 1992, 1998]. В них содержатся данные исследований и интересные заключения о кодикологии, орфографии, палеографии и текстологии рукописного памятника. Сравнительное текстологическое изучение обеих редакций показало, что рукописный Ганджур обнаруживает значительные

расхождения с ксилографическим изданием. Особое внимание было уделено изучению каталога рукописного Ганджура под названием «Солнечный свет», сличения его с рукописью и ксилографом, и в конечном итоге издания текста каталога [Касьяненко 1987d, 1989c]. Существенные расхождения между рукописью Ганджура и каталогом позволили Зое Кононовне предположить, что каталог не относится непосредственно к ленинградской рукописи, и, возможно, связан с другим текстом или является своего рода руководством для составления Ганджура. Последующие исследования подтвердили справедливость обоих этих предположений¹. В сентябре 1987 г. во время работы Пятого конгресса монголоведов в Улан-Баторе Зое Кононовне удалось исследовать шесть томов рукописного Ганджура, хранящегося в Государственной Публичной библиотеке МНР, и сравнить их с ленинградской рукописью. Результаты этой работы изложены в статье «Новые данные о первой редакции буддийского канона на монгольском языке» [Касьяненко 1993b]. Автор приходит к справедливому выводу о том, что уланбаторская рукопись также является первой редакцией монгольского Ганджура.

Исследования Зои Кононовны позволили связать воедино разрозненные данные о генезисе буддийского канона на монгольском языке и открыли новую страницу в изучении Ганджура. Публикация каталога ленинградского списка значительно упростила идентификацию и анализ других списков Ганджура Лигдэн-хана, хранящихся в рукописных собраниях Монголии, Китая и Европы, и существенно ускорила процесс изучения буддийской канонической литературы в Монголии.

Сложно переоценить научный вклад Зои Кононовны Касьяненко в развитие отечественного и зарубежного монголоведения. Перед нами в ее трудах четверть века занятий монгольским языкознанием и 35 лет изучения буддийской канонической литературы на монгольском языке, своего рода «равджун», посвященный высшей исследовательской цели – поиску и распространению знания.

Список литературы

1. Алексеев: *Алексеев К. В.* Монгольский Ганджур: генезис и структура. Страны и народы Востока, XXXVI. (В печати).
2. Милибанд 2008: *Милибанд С. Д.* Востоковеды России, XX – начало XXI века: библиографический словарь: в двух книгах. Кн. I. М., Восточная литература РАН, 2008.

¹ Подробно об этом см. в Алексеев (в печати).

3. Дамдинсурэн 1979: *Дамдинсурэн Ц.* «Рамаяна» в Монголии. Издание текстов, перевод, исследование Ц. Дамдинсурэна. М., Наука, 1979.
4. Кара 1972: *Кара Д.* Книги монгольских кочевников: семь веков монгольской письменности. М., Наука, 1972.
5. Касьяненко З. К., 1963 – О двойном склонении в монгольском языке // *Филология стран Востока.* – Л., 1963. – С. 35–45.
6. Касьяненко 1964: *Касьяненко З. К.* Об именительном падеже в современном монгольском языке // *Вопросы грамматики языков стран Азии.* – Л., 1964. – С. 3–8.
7. Касьяненко 1966а: *Касьяненко З. К. А. Д. Руднев* – представитель лингвистического направления в монголоведении в начале XX в. // *Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тез. докл. науч. конф. вост. ф-та.* 1965/66 уч. год. – Л., 1966. – С. 70–71.
8. Касьяненко 1966б: *Касьяненко З. К.* Придаточное предложение и оборот в монгольском языке // *Проблемы филологии стран Азии и Африки.* – Л., 1966. – С. 3–10.
9. Касьяненко 1968: *Касьяненко З. К.* Современный монгольский язык. Учебное пособие. – Л., 1968. – 112 с.
10. Касьяненко 1971: *Касьяненко З. К.* Подлежащее в придаточных предложениях в монгольском языке // *Вопросы филологии стран Азии и Африки.* – Вып. 1. – Л., 1971. – С. 57–65.
11. Касьяненко 1973: *Касьяненко З. К.* О формальных средствах смыслового членения предложения в современном монгольском языке // *Вопросы филологии стран Азии и Африки.* – Вып. 2. – Л., 1973. – С. 55–64.
12. Касьяненко 1977: *Касьяненко З. К.* Монгольский рукописный Ганджур // *Востоковедение.* – № 3. Филологические исследования. – Л., 1977. С. 156–162. (Уч. зап. ЛГУ. – № 389. Сер. вост. наук. Вып. 19).
13. Касьяненко 1981: *Касьяненко З. К. А. Д. Руднев* (К 100-летию со дня рождения) // *Уч. зап. ЛГУ.* – Л., 1981. – № 405. Сер. вост. наук. – Вып. 24. С. 137–143.
14. Касьяненко 1984а: *Касьяненко З. К.* К характеристике ленинградской рукописи Ганджура // *Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тез. одиннадцатой науч. конф.* – Ч. 1. – М., 1984. – С. 88–90.
15. Касьяненко 1984б: *Касьяненко З. К.* Монгольские переводчики «Ганджура» // *Всесоюз. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. акад. Б. Я. Владимирцова.* Тез. докл. – М., 1984. – С. 140–142.
16. Касьяненко 1985а: *Касьяненко З. К.* Монгольский рукописный фонд библиотеки восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова // *Информ. бюл. МАИКЦА.* – Вып. 9. – М. 1985. – С. 86–92.

17. Kasyanenko 1985b: *Kasyanenko Z. Mongol Manuscripts in the Oriental Department Library of Leningrad University Named after Zhdanov // Inform. Bull. The Intern. Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Issue 9. – Moscow, 1985. – P. 86–91 (пер. с рус.)*.

18. Касьяненко 1986b: *Касьяненко З. К. Монголоведение в Санкт–Петербургском университете (1885–1917) // Культура Монголии в средние века и новое время (XVI – начало XX в.). – Улан-Удэ, 1986. – С. 141–159.*

19. Касьяненко 1987a: *Касьяненко З. К. История перевода «Ганджура» на монгольский язык // Тез. Всесоюз. буддологической конф. – М., 1987. – С. 231.*

20. Касьяненко 1987b: *Касьяненко З. К. Ленинградский рукописный «Ганджур» // V Межд. конгресс монголоведов. Докл. сов. дел.– Ч. 2. – М., 1987. – С. 59–66.*

21. Касьяненко 1987c: *Касьяненко З. К. Монгольский рукописный «Ганджур» // Филологические исследования старописьменных памятников. – Элиста, 1987. – С. 5–18.*

22. Касьяненко 1987d: *Касьяненко З. К. Оглавление монгольского «Ганджура» под названием «Солнечный свет» // Письменные памятники Востока. Историко–филологические исследования. Ежегодник. 1978–1979. – М., 1987. – С. 158–185.*

23. Касьяненко 1988: *Касьяненко З. К. Ленинградский рукописный «Ганджур» – памятник письменной культуры монголов первой половины XVII в. // Проблемы монгольского языкознания. – Новосибирск, 1988. – С. 139–148.*

24. Касьяненко 1989a: *Касьяненко З. К. Данные по истории перевода «Ганджура» на монгольский язык, содержащиеся в колофонах первой редакции // Владимирцовские чтения. II Всесоюз. конф. монголоведов. Тез. докл. и сообщ. – М., 1989. – С. 102–103.*

25. Касьяненко 1989b: *Касьяненко З. К. Монголыязычные источники, хранящиеся в рукописном фонде Восточного факультета ЛГУ // История и культура монголыязычных народов: источники и традиции. Межд. «круглый стол» монголоведов. Тез. докл. и сообщ. – Улан-Удэ, 1989. С. 33–34.*

26. Касьяненко 1989c: *Касьяненко З. К. Оглавление «Ганчжура» (билингва) // Цыбиковские чтения. Тез. докл. и сообщ. – Улан-Удэ, 1989. – С. 66–67.*

27. Касьяненко 1992: *Касьяненко З. К. Ленинградский рукописный «Ганджур» // Олон улсын монголч эрдэмтний V их хурал. – Т. 3. – Улаанбаатар, 1992. – с. 143–146.*

28. Касьяненко 1993a: *Касьяненко З. К. Каталог петербургского рукописного «Ганджура» / Сост., введ., транслитерация и указ. З. К. Касьяненко. – М., 1993. – 382 с.: ил. (Памятники письменности Востока. СII. Bibliotheka Buddhica. 39).*

29. Касьяненко 1997: *Касьяненко З. К. А. Д. Руднев (1878–1958) // Российские монголоеды (XVIII – начало XX в.)*. – Улан-Удэ, 1997. – С. 111–116.
30. Касьяненко 1998: *Касьяненко З. К. Некоторые исторические сведения в колофонах «Ганджура» // Mongolica IV. 90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна посвящается*. – СПб., 1998. – С. 20–22.
31. Ринчинэ 1952: *Ринчинэ А. Р. Учебник монгольского языка*. М., Издательство литературы на иностранных языках, 1952.
32. Трофимова 2009: *Трофимова С. М. О так называемом двойном склонении в калмыцком и ойратском языках*. Вестник БГУ, 2009/8. С.182–185
33. Ligeti 1942: *Ligeti L. Catalogue du Kanjur Mongol Imprimé. Vol. I. Catalogue*. Budapest: Société Korosi Csoma, 1942.
34. Bischoff 1968: *Bischoff F.A. Der Kanjur und seine Kolophone. Bd. I (Vol. 1–25: Tantra), Bd. II (Vol. 26–47: Prajñāparamitā), Vol. 48–53: Ratnakūṭa, Vol. 54–59: Avatamsaka, Vol. 60–92: Sūtra. Vol. 93–108: Vinaya*. Bloomington: The Selbstverlag Press, 1968.
35. Chandra 1973–1979: *Chandra L. (ed.) Mongolian Kanjur. 108 Vols*. New Delhi: International Academy of Indian Culture, 1973–1979.
36. Heissig 1962: *Heissig W. Beiträge zur Übersetzungsgeschichte des mongolischen buddhistischen Kanons // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse, Dritte Folge, Nr. 50*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962. S. 5–42.
37. Heissig 1957: *Heissig W. Zur Entstehungsgeschichte der Mongolischen Kandjur-Redaktion der Ligdan Khan-Zeit (1628–1629)*. // *Studia Altaica. Festschrift für Nikolaus Poppe zum 60. Geburtstag am 8. August 1957*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1957. S. 71–87.
38. Heissig 1973: *Heissig W. Zur Organisation der Kandjur-Übersetzung unter Ligdan-Khan (1628–1629) // Zentralasiatische Studien 7, 1973*. S. 477–501.

K. V. Alekseev

MONGOLIAN STUDIES IN THE WORKS OF ZOYA KONONOVNA KASYANENKO

Abstract. *The article reviews the works of the eminent scholar of Mongolian language and literature Zoya Kononovna Kasyanenko.*

Keywords: *Kasyanenko Z. K., linguistics, a textbook of the Mongolian language, Mongolian Kanjur.*

МОРФОЛОГИЯ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ АЛТАИСТИКИ: НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ПОДХОДЫ

***Аннотация.** Статья представляет обзор проблем сравнительно-исторической морфологии алтайских языков в контексте теории генетического родства алтайских языков, которая считается ныне доказанной и не имеющей каких-либо альтернатив. Новые работы по сравнительной морфологии тюркских и монгольских языков, по мнению автора, продолжают исследования В. Котвича, но в плане собственно морфологии являются чисто сопоставительными, по своим результатам они не влияют на идеи алтайской теории и свидетельствуют о том, что объем связей тюркских и монгольских языков на уровне морфологии был незначительным. Автор показывает исторические отождествления некоторых словообразовательных суффиксов и грамматических формантов в алтайских языках и предлагает новые подходы к идентификации исторически общих морфем в алтайских языках.*

***Ключевые слова:** алтайские языки, сравнительно-историческое языкознание, сопоставительное языкознание, фонетические соответствия, суффиксы, словообразование, словоизменение.*

Монгольские языки, прежде всего письменно-монгольский и современный монгольский, ценны для алтаистики своим материалом и весьма интересны для типологии. Не случайно именно монголоведение стало отправной точкой для сравнительно-исторических исследований алтайских языков для таких ученых, как Б. Я. Владимирцов, Г. Рамстедт, Н. Н. Поппе, В. Котвич. Именно монгольские языки вместе с корейским, японским и некоторыми другими языками, а не тюркские языки, должны считаться эталоном агглютинативных языков, так как эти языки не имеют личного спряжения и морфологической посессивности – основных категорий с многограммными финальными суффиксами. Пример А. А. Реформатского, призванный иллюстрировать свойства агглютинативных языков и взятый из казахского языка – *аттыларымга* ‘моим всадникам’ [Реформатский 2004, с. 275] не вполне корректен, потому что посессивный суффикс *-ым-* ‘мой’, сочетающий в себе две граммемы – лица и числа – занимает в словоформе даже не финальную позицию, как флексии, а предфинальную позицию.

Согласно Б. А. Серебрянникову, генетическое родство языков предполагает набор признаков, характерных для потенциальной языковой семьи, и в

отношении алтайских языков одним из таких признаков является суффиксальная агглютинация [Серебрянников 1982, с. 28–29], хотя сам Б. А. Серебрянников и считал сумму общих свойств алтайских языков недостаточной для признания родства – правда, вместе с привходящими факторами.

Монгольские языки давно и справедливо считаются самыми архаичными среди алтайских языков – долгое время по умолчанию, однако в последние годы эта мысль получила обоснование при оценке сравнительного объема изменений фонетической структуры слов и морфем в монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языках [Бурыкин 2014]. Архаика монгольских языков проявляется и в фонетической структуре слова, и в составе словообразовательных суффиксов и грамматических показателей, и во многом в лексике. Однако, как кажется, основным свойством агглютинативных языков является не категориальная однозначность суффиксов и не прозрачность морфологических границ. Исторически объединяющим свойством агглютинативных языков, похоже, является не это, а **единство или общность словообразовательных элементов для именных и для глагольных частей речи**. Это свойство агглютинативных языков – как алтайских, так и уральских – давно известно по материалам описательных грамматик, однако оно не было осмыслено ни в аспекте типологии этих языков, ни в плане дальней истории этих языков. Единство фонда словообразовательных и словоизменительных ресурсов для именных и глагольных слов (частей речи) прослеживается и в способах и средствах словообразования, и в использовании единого фонда грамматических показателей – например, применение падежных показателей для образования глагольных форм, универсальность использования посессивных показателей для оформления имен и нефинитных форм глагола и т.п.

Труды по морфологии монгольских языков (Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев, Б. Х. Тодаева, Е. А. Кузьменков, З. К. Касьяненко, З. Д. Ульзетуева и др.) дают нам прекрасную материальную базу для исследований истории морфологического строя монгольских языков. На основании опыта исследований они могут быть обогащены тремя историко-типологическими обобщениями:

1) архаические падежные показатели обнаруживаются в наречиях и наречных формах местоимений, отчасти в разрядах числительных (см.: [Грунтов 2002]). Один из примеров – показатель разделительных числительных в тюркских языках *-ar/-er*, того разряда, которых обычно оформляются показателями орудного падежа, материально сходен с суффиксом орудного падежа в монгольских языках. Другой пример – эвенк. *тикин* ‘сейчас’, неотожествимое по форме, хотя и имеющее общий корень с эвенк. *т^нек* ‘сейчас’, имеет древний показатель косвенного, опять же инструменталь-

ного падежа *-ин*, ср. якут. *кыһын* ‘зима’ в сравнении с общетюркским *qıŋ* ‘зима’ – ни в тунгусо-маньчжурских, ни в тюркских языках такой падеж с этим показателем ныне не существует.

2) архаические падежные показатели выявляются в составе неличных форм глагола. Тюркская форма на *-мак*, являющаяся словарной формой глагола в огузских языках, состоит из показателя глагольного имени на *-ма-* и падежного показателя *-к*, имевшего значение, коррелирующее с пространственным; показатели продольного и направительно-продольного падежей в тунгусских языках *-ли-* и *-кли-* восходят к комплексам **-ла-к* и **кла-к* и состоят из двух морфем, из которых вторая ассимилировалась с гласным последнего слога.

3) многие морфологические показатели исторически являются составными и имеют в составе старые финальные морфемы и основы вспомогательных глаголов. Такова история глаголообразующего суффикса *-ла-* по Б. А. Серебренникову [Серебренников 1972], аналогичной является история форм множественности в тунгусо-маньчжурских языках, где инициальные элементы комплексов *-л-ла*, *-м-на*, *-н-на*, *-к-та*, *-к-са* (примеры из эвенкийского языка) и т.д. на самом деле являются конечными элементами именных основ [Цинциус 1946], а инвентарь ауслатных согласных тунгусо-маньчжурских языков, полученный при этом, соответствует набору конечных согласных в монгольских языках.

То, что история суффиксов в отдельных группах алтайских языков, в частности, в тюркских языках (наиболее проблемных для алтаистики и наиболее трудных для интерпретации), описывается как история комбинирования разных суффиксов, что было прослежено на материале истории аффиксов многократного действия в тюркских языках [Серебренников 1975]. Материал, который весьма перспективен для внешнего сравнения на общеалтайском уровне. По материалам показателей каузативности аналогичная работа была проделана И. В. Кормушиным [Кормушин 1978]. Столь же значимы работы Б. А. Серебренникова об истории, конкретно о составном характере показателя множественного числа *-лар* в тюркских языках [Серебренников 1970], по существу дискредитировавшие прием конфронтативного несходства алтайских языков на содержательном уровне, многократно использовавшийся для оспаривания родства алтайских языков. Статья Б. А. Серебренникова о суффиксе деноминативных глаголов *-ла-* в тюркских языках [Серебренников 1972], с одной стороны, решила важную проблему словообразования тюркских языков, с другой, не только не перечеркнула «алтайских» сопоставлений этого суффикса, наводивших алтаистов на разные заключения по этому поводу, но дала решение проблемы генезиса внешне сходных суффиксов, составленных из общих элементов,

в разных группах алтайских языков, поскольку и именной суффикс *-l-*, и глаголообразующий суффикс *-a-* известны не только в тюркских языках.

Обсуждая проблему генетического родства алтайских языков, Б. А. Серебренников обратил внимание на то, что для примеров, приводимых в трудах по алтаистике, характерна «удивительная сохранность» звукового облика слов, составляющих тюрко-монгольские параллели [Серебренников 1988, с. 35–36], то есть общеалтайская реконструкция Рамстедта-Поппе содержит очень мало нетривиальных дивергенций при не слишком большом объеме лексических и морфологических сходств. Мы согласны с автором, что такое положение не слишком ожидаемо для довольно далеко разошедшихся языковых групп. Однако тот же упрек можно с полным правом адресовать и тем, кто, отрицая родство алтайских языков и не интересуясь их альтернативной генеалогией, выявляет только «похожие» и «очень похожие» слова в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, называя их заимствованиями: почему-то эти заимствования осуществлялись из языков, весьма похожих на современные и не показывающих исторической эволюции.

О морфологии и лексике алтайских языков в этой статье Б. А. Серебренников говорит так: «Системы числительных в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках общих элементов не содержат»¹; «В глагольных системах тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков нет ничего общего»² [Серебренников 1988, с. 40].

Сравнительно-исторические исследования в области морфологии алтайских языков – область, которой фатально не везет с исследователями и со строгостью сравнительно-исторической методологии. Так, В. И. Рассадин и С. М. Трофимова во Введении и в Заключении к своей книге [Рассадин,

---

¹ Данное утверждение не вполне точно: наличие общего корня корень у монг. *dörben*. эвенк. *дыгин* ~ нан. *дуин*, и тюрк. *tört* ‘четыре’ было очевидным фактом. Ныне понятно, что монг. *dörben* точно соответствует эвенк. *дыги-нмэн*, эвен. *дыгэ-рмэн* ‘состоящий из четырех частей’, а тюрк. *tört* так же точно соответствует эвенк. *дыгэрэдэ*, эвен. *дыгэрдэ* ‘четверка’. Налицо и присутствие тюрк. *о:n* ‘десять’ не только в тюркских названиях десятков *seksän* ‘восемьдесят’ и *toksan* ‘девяносто’, но и в монгольских названиях десятков в виде *-in* (*tabin* ‘пятьдесят’ или *-an/-en* (*dalan* ‘семьдесят’, *jiren* ‘девяносто’). Проблема этимологий алтайских числительных все же оказывается решаемой.

² Этот тезис также не бесспорен: в алтайских языках не совпадают словоизменные парадигмы, но встречается довольно много элементов в глагольном словообразовании, образовании форм, называемых по традиции залоговыми и видовыми (каузативы, показатели совместности), среди показателей отглагольных имен, причастий и деепричастий.

Трофимова 2012, с. 4, 6, 151] воспроизводят ссылки на подсчеты сходств в морфологии тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, проведенные много лет назад В. Котвичем: «...на основе существующего, очень неполного материала можно вообще полагать, что в монгольском языке имеется около 25% лексических и 50% морфологических элементов, общих с тюркскими; в тунгусском чуждых (монгольских и тюркских) лексических элементов имеется, по-видимому, не более 10% а морфологических около 5%» [Котвич 1962, с. 351–352]. Сами авторы отмечают: «Это очень большие проценты сходства, нуждающиеся в уточнении» [Рассадин, Трофимова 2012, с. 151]. Эти данные, полученные на основе «очень неполного материала» и к тому же уже более 70 лет назад, часто повторяясь из статьи в статью (см. [Шербак 1968]), стали лейтмотивом некоей новой алтаистики контактного типа, создание которой приписали В. Котвичу позднейшие комментаторы его идей, и объектом спекуляций тех, кого сейчас называют контралтаистами, отрицавшими все и вся в проблематике родства алтайских языков и накладывавшими мораторий на проблемы отдаленного родства тюркских языков – как бы чего не вышло... Проблема тут заключается в том, что, если при работе с корнями-основами слов В. Котвич пользовался какими-то методами исторической фонетики и руководствовался какими-то фонетическими соответствиями, дифференцировавшими материал разных групп языков и отдельных языков, то в морфологических разделах своего труда он свел изложение к чисто формальному сопоставлению сходных суффиксов, не придавая значения фонетическим соответствиям. Это давно можно было увидеть, но ортодоксальные алтаисты не заметили таких особенностей понимания материала, а контралтаисты руководствовались принципом «чем хуже, тем лучше» – чем меньше наглядных сходств, тем меньше верящих в родство.

Критерии формального тождества или сходства, применяемые к морфологии, тем более к морфологии алтайских языков при их большой степени групповых сходств и столь же большей степени межгрупповых различий, могут вводить исследователей в заблуждение. Здесь ожидаемым является действие следующих факторов: расхождение в значении и мнимая аттракция изначально разных суффиксов, вторично приобретающих сходные значения, неразрешенная исследователями омонимия суффиксов, конвергенция суффиксов, которые изначально различались в формальном отношении, наконец, случайные совпадения и ошибки исследовательской интерпретации. Ярчайший пример – трактовка В. Котвичем формативов тюркских и тунгусо-маньчжурских порядковых числительных: тюрк. *-in-ci* (состоящий из притяжательного суффикса 3 л. ед. ч. и собственно суффикса порядковых числительных) сравнивался им с нанайским *-ci* [Kotwicz 1931,

с. 204–206] – где данный элемент имеет значение как раз посессивного показателя 3 л. мн. числа (ср. эвенк. *-тын*), а суффиксом порядковых числительных является показатель *-и* ~ *-ги* (ср. эвенк. *ил-и-тын* ‘третий’, эвен. *мя-ги-тан* ‘десятый’), часто полностью ассимилируемое.

По какой-то иронии судьбы представление материала монгольских языков в книге В. И. Рассадина и С. М. Трофимовой начинается с бурятского суффикса названий покрышек, футляров бур. *-пиша*, монг. *-bci* [Рассадин, Трофимова 2012, с. 12]. Параллели для него не указываются, но мы знаем, что аналоги ему есть в тунгусо-маньчжурских языках (эвенк. *-птун*, эвен. *-пан* и *-тинг*) тюркских языках (др.-тюрк. *bileziük* ‘браслет’) и корейском (ср. *карак* ‘палец’ – *каракчи* ‘кольцо’) [Бурькин 2000б]¹. Н. Н. Поппе, искавший фонетические соответствия в суффиксах, в свое время смог отождествить внешние несходные показатели имен орудия монг. *-уиг* и эвенк. *-вун*, чем предвосхитил обнаружение такой закономерности как замена всех ауслатных согласных в тунгусо-маньчжурских языках на согласный *-н* [Porre 1969] и дал пример возможности отождествления «непохожих» суффиксов.

Итак, один из подходов к сравнительно-исторической морфологии алтайских языков подсказан архаическим характером монгольских языков: суффиксы со структурой CCV(C) в монгольских языках должны приобрести вид CV(C) в тюркских языках за счет тотальной утраты первого компонента исходных сочетаний согласных, а в тунгусо-маньчжурских языках ауслатные согласные изменились в *-н*.

Другой подход, как ни парадоксально, подсказан материалом тюркских языков в том виде, в каком его описали Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева [Серебренников, Гаджиева 1986] – в виде системы моноконсонантных суффиксальных элементов и гласного *а/э*, возможно, кореспондирующего с глагольной основой – справедливости ради к этому можно добавить гласный *и-*, который, судя по корейским материалам, так же мог представлять собой вспомогательный глагол. Этот подход в исторической перспективе

¹ Поразительны по пестроте разноязычные и разновременные формы заимствований тюркского слова *jüzük* «кольцо, перстень», «браслет» в тунгусо-маньчжурских языках: ср. *гилди* ‘кольцо’, *голди* ‘кольцо’, *горги* ‘пряжка’, *гучфу* ‘кольцо’, *кээзчи* ‘кольцо’, *чосхо* ‘кольцо’, *зугарка* ‘часть упряжи’, *гэптин* ‘наперсток’, *соноко* ‘наперсток’, *сорко* ‘наперсток’, *дурзи* ‘браслет’ [Сравнительный словарь 1975, 1977, заголовки статей]. Эти примеры отражают разные рефлексы начального *й-*, разные рефлексы сочетания *пт* ~ *пч* и оставшегося от него согласного *-z-* в тюркских языках, в какой-то части известные по документированному тюркским языкам, и варианты суффикса тунг.-маньчж. *-птин* ~ *-птун*, монг. *-вч*, тюрк. *-зул/-зük*, частично определяемые, частично принадлежащие неизвестным ныне языкам.

тюркских языков реализован для морфологии казахского языка в монографии Ж. О. Тектегул [Тектегул 2013].

При том же чисто конфронтативном подходе, которым пользуются В. И. Рассадин и С. М. Трофимова в отношении морфологии монгольских и тюркских языков и тех задачах, которые они ставят, в отличие от контралаистов – поиск явных морфологических последствий тюрко-монгольских контактов – результаты работы оказываются во многом ожидаемыми. Хорошо известно, что деепричастия, образуемые как падежные формы каких-то других отглагольных образований, в отдельных тюркских и тунгусо-маньчжурских языках по своему составу не совпадают даже между отдельными диалектами одного языка, не говоря о близкородственных языках – представителях разных групп. Авторы предполагают, что монгольское деепричастие на *-магц*, которое кажется составленным из тюркских формантов *-мак* и *-ча*, заимствовано из тюркских языков, как и формы на *-рун* и *-ра*, «эти формы могли проникнуть в монгольский старописьменный язык при переводе буддийских сутр с древнеуйгурского языка на старомонгольский и закрепиться в нем» [Рассадин, Трофимова 2012, с. 123]. Предполагаемой тюркской формы на *-макча* нет ни в грамматическом указателе к Древнетюркскому словарю, который фиксирует составные форманты, ни в корпусе этого словаря, ни в древнетюркской грамматике А. фон Габен. В книге В. М. Насилова «Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв.», указана форма на *-гынча*, которая есть и в огузских языках (в азербайджанском *-јынча*) [Насилов 1974, с. 51–52], но это не тот суффикс. Равным образом монг. *суваг* ‘канавы, канал’ иногда считается тюркизмом – но такого слова нет в тюркских языках. Вопрос, адресуемый в подобных случаях контралаистам: можно ли унести из дома черную кошку, если ее в доме не было?

Что значит все сказанное?

Во-первых, никакие морфологические различия, ни материальные, ни структурные, сами по себе критериями родства или неродства языков являться не могут.¹ Во-вторых, сходство структур ничего не говорит о родстве или неродстве языков. В-третьих, материальное сходство морфемного инвентаря обычно указывает на родство языков, а не на контакты (хотя

¹ Например, глагольное словизменение по лицам и числам (спряжение) есть во всех тюркских языках, но утрачено в саларском; при отсутствии его в древних монгольских памятниках и современном монгольском языке оно есть в бурятских диалектах и в калмыцком языке; при наличии различающихся моделей спряжения в тунгусских языках спряжение глагола отсутствует в маньчжурском языке, не было его и в языке образцов малого чжурчэньского письма – судя по всему, по данному признаку маньчжурский язык оказывается архаичнее тунгусских языков.

возможно, что специфические тунгусские падежные показатели, не имеющие алтайских аналогий, заимствованы из чукотско-корякских языков, где аналогии им находятся).

Новая задача исследования алтайской морфологии – поиски и объяснение сходств морфем всех пяти групп алтайских языков, поскольку иные исторические трактовки (случайность сходств, некорректность сравнений, заимствования) более не являются приемлемыми. В материальном отношении морфология алтайских языков восстанавливается как набор моноконсонантных показателей *-l-, -r-, -k-, -m-, -n-, -dz-, -c-, -p-, -t-, -d-*, и по крайней мере одной моновокальной морфемы *-a-/-e-*. Типологически и, возможно, исторически ближайшими для архаического состояния общеалтайской морфологии являются японские «ганио», близкие по семантике и функции к падежным показателям, но не имеющие привязки к определенным типам слов и к месту в словоформе или предложении. Как раз такие свойства морфем на позднейших этапах эволюции могли привести к тождеству или значительному сходству инвентаря именного и глагольного словообразования, а равно именного и глагольного словоизменения в монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языках.

Список сокращений

бур. – бурятский язык
др.-тюрк. – древнетюркский язык
монг. – монгольский язык, монгольские языки.
нан. – нанайский язык
тунг.-маньчж. – тунгусо-маньчжурские языки
тюрк. – тюркские языки
эвенк. – эвенкийский язык
эвен. – эвенский язык
якут. – якутский язык

Список литературы

1. Бурькин 2000а: Бурькин А. А. Из сравнительно-исторического словообразования в алтайских языках: монгольский суффикс *-bcī* (калм. *-вч*) и его эквиваленты в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках // Владимирцовские чтения IV. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 г.). М., 2000. С. 16–20.
2. Бурькин 2000б: Бурькин А. А. О месте тунгусо-маньчжурских языков в алтаистических исследованиях // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. М., 2000. С. 12–16.

3. Бурыкин А. А. 2014: *Бурыкин А. А.* О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые», и «новейшие» алтайские языки // Вестник Угроведения № 4 (19) 2014. С. 21–33.
4. Грунтов 2002: *Грунтов И. А.* Реконструкция падежной системы праталтайского языка. Дис. ...канд филол. наук. М., 2002.
5. Кормушин 1978: *Кормушин И. В.* Каузативные формы глагола в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978. С. 10–87.
6. Кормушин 1984: *Кормушин И. В.* Системы времен глагола в алтайских языках. М., 1984.
7. Кормушин 1991: *Кормушин И. В.* Проблемы реконструкции пратюркского глагола: темпоральная система, ее истоки и преобразования. М., 1991.
8. Котвич 1962: *Котвич В.* Исследование по алтайским языкам. М., 1962.
9. Насилов 1974: *Насилов В. М.* Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. М., 1974.
10. Рассадин, Трофимова 2012: *Рассадин В. И., Трофимова С. М.* О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности. Элиста: Издательство Калмыцкого государственного университета (КГУ), 2012. – 180 с.
11. Реформатский 2004: *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. 5-е изд. М., 2004.
12. Серебренников 1970: *Серебренников Б. А.* О некоторых частных деталях образования суффикса множественного числа *la* в тюркских языках // Советская тюркология, 1970, № 1. С. 47–53.
13. Серебренников 1972: *Серебренников Б. А.* К истории суффикса деноминативных глаголов *-la-* в тюркских языках // Советская тюркология, 1972. № 5. С. 64–68.
14. Серебренников 1975: *Серебренников Б. А.* Причины резкого уменьшения числа аффиксов многократного действия и сокращения сферы их употребления в тюркских языках // Советская тюркология, 1975, № 6. С. 3–10.
15. Серебренников 1982: *Серебренников Б. А.* Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. М.: Наука, 1982. С. 6–62.
16. Серебренников 1988: *Серебренников Б. А.* Критерии выделения алтайской языковой общности // Проблемы монгольского языкознания. Новосибирск: Наука, 1988. С. 33–41.

17. Серебренников, Гаджиева 1986: *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е издание, М.: Наука, ГРВЛ, 1986.
18. Сравнительный словарь 1975: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. Л., Наука, 1975.
19. Сравнительный словарь 1977: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. II. Л., Наука, 1977.
20. Тектигул 2013: *Тектигул Ж. О.* Эволюция общетюркских аффиксов в казахском языке [Текст]: монография: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 10.02.06 – «Тюркские языки» / Ж. О. Тектигул; Российская акад. естествознания. М.: Изд. дом акад. естествознания, 2013. – 277 с.
21. Цинциус 1946: *Цинциус В. И.* Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках // Ученые записки ЛГУ, 1946, т. 69, серия филологических наук, вып. № 10. С. 73-119.
22. Щербак 1968: *Щербак А. М.* О тюрко-монголо-тунгусских связях и морфологии // Народы Азии и Африки. 1968, №1. С. 104–116.
23. Kotwicz 1931: *Kotwicz W.* Contributions aux études altaïques. II. Les noms de nombres // Rocznik Orientalistyczny, Vol. VII (1929–1930), 1931. P. 152–221.
24. Poppe 1969: *Poppe N.* Mongolian *-yur* and Evenki *-wun*. // Central Asiatic Journal v. XIII, 1969, № 4. P. 253–262.

А. А. Burykin

MORPHOLOGY OF THE MONGOLIAN LANGUAGES IN A CONTEXT OF ALTAISTICS: SOME NEW APPROACHES

Abstract. *The article represents the review of problems of comparative-historical morphology of the Altaic languages in context of the theory of genetic affinity of the Altaic languages which is considered nowadays proved and having no any alternatives. New works on comparative morphology of Turkic and Mongolian languages, according to the author, continue V. Kotwicz's researches, but in respect of actually morphology are purely confrontative, by their results they do not influence the ideas of the Altaic theory and testify that the volume of communications of Turkic and Mongolian languages at morphology level was insignificant. The author shows the historical identifications of some word-formation and grammatical suffixes and grammatical elements in the Altaic languages and offers new approaches to the identification of the historically general morphemes in the Altaic languages.*

Keywords: *The Altaic languages, comparative-historical linguistics, confrontative linguistics, phonetic correspondences, suffixes, word-formation, grammar.*

МОНГОЛЬСКАЯ БУДДИЙСКАЯ СКУЛЬПТУРА И ЖИВОПИСЬ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

***Аннотация.** В статье кратко рассказывается о наиболее интересных произведениях монгольского буддийского искусства из коллекции Государственного Эрмитажа. В первую очередь имеются ввиду бронзовая пластика выдающегося монгольского мастера и главы буддизма Г. Дзанабадзара (1635–1723), а так же работы его учеников. Кроме того, в коллекции представлена буддийская скульптура, изготовленная в Долонноре, выполненная в технике выколотки, живописные свитки и резьба по дереву. В целом предметы являются блестящими образцами монгольского буддийского искусства конца XVII – начала XX вв.*

***Ключевые слова:** монгольское буддийское искусство, скульптура, живопись, резьба по дереву.*

В коллекции Государственного Эрмитажа представлена монгольская буддийская скульптура и живопись. Монгольские буддийские произведения относятся к коллекциям Э. Э. Ухтомского (1861–1821), камергера последнего императора Николая II, путешественника П. К. Козлова (1863–1935), А. К. Фаберже (1876–1951), сына знаменитого ювелира и других.

Буддизм получает широкое распространение в Монголии со второй половины XVI в. Туметский Алтан-хан пригласил в Монголию третьего Далай-ламу, а халхаский Абатай-хан основал первый буддийский монастырь Эрдэни-дзу 1586 г. именно на месте города Каракорума — столицы Великого монгольского государства, подтверждая тем самым преемственность связи монгольской государственной власти с буддизмом.

Французский исследователь Ж. Беган сравнивает XVII в. монгольского искусства с эпохой ренессанса, а Г. Дзанабадзар (1635–1723) с Леонардо Да Винчи [Treasures 2005, p. 5]. Дзанабадзар создал свой особый стиль буддийской скульптуры и живописи, и основал школу по изготовлению буддийской скульптуры. Он хорошо изучил буддийское искусство Индии, Тибета, Непала и Китая, и, используя лучшие художественные особенности этих стран, создавал свои замечательные произведения. Ученики, применяя его литейные формы, изготавливали памятники, и после смерти мастера. Сохранилось достаточно много подобных форм [Beguín 1993, p. 145–147].

Среди памятников буддийского искусства в Эрмитаже представлены две работы выдающего монгольского скульптора Дзанабадзара (1635–1723). Это скульптура, изображающая Будду долголетия и здоровья, Амитаюса (инв. № У-707, выс. 30 см., рис. 1), характеризуется монументальностью, присущей произведениям непальской бронзовой пластики. Фигура божества отличается пропорциональной и совершенством форм. Украшения представляют собой сочетание китайских и индийских традиций. Для произведений Дзанабадзара и его школы характерно гравированное и позолоченное изображение вишва-ваджры на дне скульптуры.

Еще одной работой является скульптура Будда Шакьямуни (инв. № КО-1, выс. 41 см., рис. 2). Он изображен в традиционной иконографии. Такие скульптуры изготавливал Дзанабадзар, находясь в Пекине. Для этой скульптуры характерно, в первую очередь, сочетание непальских и китайских элементов, гравированного растительного и геометрического орнамента, лепестки лотоса полностью окружают престол, не оставляя просвета сзади, как на скульптуре XVIII-XIX вв., число лепестков нечетное в отличие от произведений бронзовой пластики династии Мин (1378–1644). Лицо Будды скорее напоминает непальский этнический тип, нежели китайский.

В коллекции Эрмитажа имеются скульптуры, относящиеся к школе знаменитого мастера. В коллекции представлены разные образы Будд: Шакьямуни, Врачевания (инв. № У-529, выс. 27 см, рис. 3) и Амитабхи. Две скульптуры изображают Будду Шакьямуни. Одна приобретена Эрмитажем

Рис. 1. Амитаюс, инв. № У-707, выс. 30 см

Рис. 2. Будда Шакьямуни, инв. № КО-1 выс. 41 см

Рис. 3. Будда Врачевания,
инв. № У-529, выс. 27 см

в 1985 г., вторая относится к коллекции Э. Э. Ухтомского. Они представляют собой традиционное иконографическое изображение Будды, наделенное 32 главными и 80 малыми признаками. Он восседает в алмазной позе (ваджрасана), правая рука в жесте касания земли (бхумиспарша-мудра), в левой держит патру, чашу для сбора подаяний.

Одна приобретена Эрмитажем в 1985 г., вторая относится к коллекции Э. Э. Ухтомского. Они представляют собой традиционное иконографическое изображение Будды, наделенное 32 главными и 80 малыми признаками. Он восседает в алмазной позе (ваджрасана), правая рука в жесте касания земли (бхумиспарша-мудра), в левой держит патру, чашу для сбора подаяний.

Основой образа Будды Врачевания, Бхайшаджьягуру, послужили, скорее всего, врачи-бодхисаттвы, Бхайшаджьяраджа и Бхайшаджьясамудгата, упоминаемые в «Садхармапундарике» (I в.). Во II в. Будда Бхайшаджьягуру фигурирует в «Шатасахасрика-праджяпарамите». Он обитает в своей чистой земле Вайдурья-нирбхасе. Этот Будда проповедует дхарму, излечивает болезни и продляет жизнь.

Будда Врачевания является одной из эманаций Будды Шакьямуни. Его тело синего или золотистого цвета. Он восседает в позе ваджрасана на лотосе, в правой руке он держит плод миробалана (фрукт, который применялся в тибетской медицине), в левой руке – патру.

Культ Будды Врачевания, благодаря его функциям, получил особое пространство в странах, где исповедовали тибетский буддизм.

Скульптура Будды Врачевания характеризуется хорошей работой, она представляет собой один из лучших образцов произведений школы Дзанабазара в коллекции Государственного Эрмитажа и по размеру и по качеству литья.

Скульптура Будды Амиабхи, относится к коллекции П.К. Козлова. Будда Амиабха, владыка западной Чистой земли Сукхавати, где возрождаются праведники, восседает в ваджрасане, руки в жесте – дхьяна-мудре, в руках патра. Существуют аналогии этой скульптуры [Treasures 2005, il. 3].

Еще одна скульптура представляет Сита-Амитабху (инв. № КО-1627, выс. 23,5 см, рис. 4) в виде бодхисаттвы со своей праджней Пандаравасини, (КО-1627), верх прически утрачен, т.е. первоначально скульптура была несколько выше. На престоле сзади оставлены отверстия для мандорлы. У Амитабхи и у праджни руки сложены в дхьяна-мудрах. Приобретена Эрмитажем в 1998 г.

Бодхисаттва Майтрея изображен стоящим на прямых ногах в позе самапада на лotosовом престоле. Правая рука расположена перед грудью в жесте поучения (витарка-мудра), в левой, опущенной вдоль тела, он держит стебель лотоса, на котором находится сосуд-кундика. У правого плеча также находится лотос.

Для фигуры божества характерна особая пропорциональность. Верх прически украшен ратной. Круглый лotosовый престол с двойным рядом лепестков делали монгольские мастера, начиная с Дзанабадзара. Изгибы стеблей лотоса повторяют изгибы тела бодхисаттвы. Гравированный растительный орнамент является типичным для монгольской традиции. Достаточно редкой является инкрустация полудрагоценными камнями. Скульптура является хорошим образцом монгольской бронзовой пластики.

Скульптура Авалокитешвары-Шадакшари относится к коллекции П. К. Козлова. Божество восседает в ваджрасане, у него четыре руки, основные руки находятся в жесте поднесения драгоценности (анджали-мудре), в верхней правой руке держит четки, в левой – цветок лотоса (обломан). Эта скульптура также имеет аналогии [Treasures 2005, il. 11; Цултэм 1982, с. 100 и др.]. Подобная форма божества была одной из самых распространенных, т.к. Далай-ламы считаются воплощением именно этой формы Авалокитешвары.

Скульптура Падмасамбхавы, индийского тантриста VIII в., приобретена Эрмитажем в 2001 г. Чаще всего Падмасамбхава изображается в форме Пема Джюнгне (Лотосорожденный) (тиб. pad-ma 'byung-gnas). Считается, что именно в таком виде он появился в Тибете. Он носит особую одежду, типичную для Индии того времени, и особый головной убор. В правой руке он держит ваджру, в жесте защищающим от зла (карана-мудра), в

Рис. 4. Амитабха с праджней, инв. № КО-1627, выс. 23,5 см

Рис. 5. Джамбхала, инв. № КО-1628, выс. 21,5 см

левой – чашу из человеческого черепа (капала), сосуд – калаша с амритой (напитком бессмертия) и жезл (кхатванга). Капала является символом пустоты и устраняет разницу между бытием и небытием. Сосуд с амритой указывает на связь Падмасамбхавы с Амитабхой (бесконечный светом) и Амитаюсом (бесконечной жизнью). Согласно буддийским легендам Падмасамбхава появился по повелению Амитабхи. Жезл утрачен. Аналогичная скульптура имеется в Монголии [Цултэм 1989, ил. 92].

Скульптура ламы в шапке типа наринг, школы гелукпа, руки находятся в жесте медитации (дхьяна-мудра). В руках он держит сосуд с амритой, восседает на подушках. Приобретена Эрмитажем в

2001 г. Нам известны аналогии этой скульптуры [Цултэм 1982, с. 105]. Подобная скульптура имеется в Музее Богдо-гэгэгна.

Скульптура черного Джамбхалы (инв. № КО-1628, выс. 21,5 см, рис. 5) представляет его гневным, с оскаленными клыками, в правой руке держит капалу, в левой мангуста. Он изображается стоящим на одинарном лотосовом престоле в позе пратьялидха. В прическе божества находится Будда Ратнасамбхава.

Скульптура характеризуется монументальностью, экспрессивностью в сочетании с приземистой фигурой божества, свойственной низшим божествам буддийского пантеона. Статуэтка покрыта горячей позолотой высокого качества. К традиционной иконографии божества добавлена большая ваза, наполненная драгоценностями, находящаяся у левой ноги Джамбхалы. Данное произведение является одним из лучших памятников школы Дзанабадзара из коллекции Государственного Эрмитажа.

Сравнительно много скульптуры происходит из Долоннора, местности во Внутренней Монголии, где с 1701 г. находилась летняя резиденция чжанчжа-хутухт, верховных пекинских лам [Герасимова 1971, с. 11]. В Долонноре работали преимущественно китайские мастера и создавали памятники в едином стиле. Главной особенностью этого стиля было изготовление скульптуры в смешанной технике выколотки и литья: крупные части скульптуры выколачивались по заранее заготовленной форме, а мелкие отливались.

Таким образом, скульптуру делали по частям, которые соединяли пайкой. Места соединения прикрывали многочисленными украшениями и лентами. Скульптуру изготавливали разных размеров. Эта техника позволяла изготавливать скульптуру массовым тиражом. Подобно китайским образцам, у долоннорской скульптуры оставляли просвет сзади лотосового престола, и число лепестков лотоса было нечетным.

Для бодхисаттв долоннорского стиля характерны следующие особенности: высокая прическа двух типов (состоящая из закрученного жгута волос, сложенного пополам; или жгут волос в двух или трех местах перехвачен лентой), локоны, ниспадающие на плечи, верх прически украшен ратной – буддийской драгоценностью. Ажурная корона, чаще всего съёмная, имеет пять зубцов и украшена лентами. Многочисленные браслеты и ожерелья иногда инкрустированы камнями, иногда просто раскрашены. У бодхисаттв долоннорского стиля подчеркнута тонкая талия, а дхоти на бедрах перехвачено лентой с бантом посередине [Елихина 2006, с. 15–16]. К таким произведениям относится и Авалокитешвара-Шадакшари, поднесенный П. К. Козлову.

Две скульптуры Майтреи изображают его одинаковой иконографии. Одна из них является весьма типичной для Долоннора, вторая отличается тонкой работой, инкрустаций. Вероятно, эта скульптура была изготовлена специально для Э. Э. Ухтомского.

Бодхисаттва Майтрея восседает на лотосовом престоле в «европейской» позе со спущенными ногами (бхадрасана), что символизирует его готовность прийти в наш мир. Руки у него сложены перед грудью в жесте поворота колеса учения (дхармачакра-мудра). На уровне плеч бодхисаттвы находились два лотоса с атрибутами Майтреи: правый с колесом учения утрачен, на левом находится сосуд-кундика. Он восседает на высоком престоле со спинкой. Подобные престолы появились во время индийской династии Пала (VII–XII вв.), позднее в XVIII в. они были возобновлены в тибето-китайском стиле, копируя ранние памятники. В центре сверху трон украшен мифической птицей Гарудой, змеями (нагами), макарами и якшами (божествами из свиты Вайшраваны, хранителя севера и бога богатства).

Тысячерукая Ушнишаситатапатра представляет собой одну из форм богини Тары, праджню тысячерукого Авалокитешвары. Ее иконография одна из самых сложных в буддийском пантеоне. Богиня имеет много голов и ног. Ногами она попирает изображения людей, животных и птиц, символизирующих природу эгоцентрического существования. В руках перед грудью она держит знамя победы, хотя ее обычным атрибутом является зонг. Эта

Рис. 6. Вирупакша,
инв. № У-1833, выс. 35 см

скульптура по сложности исполнения является одним из лучших произведений коллекции.

Ушнишавиджайя (тиб. *gtsug-tor rnam-rgyal-ma*) изображается трехликой, девятиглазой, восьмирукой. Она является эманацией Будды Вайрочаны и одним из трех божеств долголетия вместе с Белой Тарой и Амитаюсом.

Все атрибуты у этой скульптуры утрачены: образ Будды Амитабхи, вишва-ваджра, лук, стрела, лассо, и сосуд (калаша) с напитком бессмертия (амритой).

Локапала Вирупакша (инв. № У-1833, выс. 35 см., рис. 6) (тиб. *mig-mi-bzang*), хранитель запада, с телом красного цвета, в правой руке должен держать ступу (утрачена) и змею в левой. Локапалы почитаются как хранители четырех сторон света, их изображают в доспехах. Соглас-

но буддийской космологии, они обитают у четырех сторон пирамидальной горы Сумеру, центра мира. Они охраняют входы в буддийские храмы в Китае, Тибете, Монголии, Корее.

Всего в коллекции Государственного Эрмитажа имеется около пятидесяти скульптур долоннорского стиля, изображающих милостивые и гневные буддийские божества.

Несколько скульптур выполнены в технике резьбы по дереву. Наиболее интересными из них являются Хеваджра и Махачакара Ваджрапани.

Хеваджра (тиб. *dgyes-pa rdo-rje, dges-pa rdo-rje*) в форме Капаладхара, «Ваджрное приветствие», «Ваджрное восхищение», идам, основное тантрическое божество в школе сакья, однако присутствует также и в других школах. Хеваджру изображают в позе алидха со своей праджней, Найратмья. Они стоят на одинарном лотосовом троне поверх четырёх индуистских божеств, лежащих на солнечном диске. В этой форме с шестнадцатью руками у Хеваджры восемь лиц и четыре ноги. Он носит украшения гневных божеств, а в руках держит капалы. В капалах восьми правых рук помещены изображения восьми животных, а в капалах восьми левых рук – божеств. На головах божеств короны, украшенные пятью черепами, символизирующими пять семейств Будд. На плечах Хеваджры ожерелье из пятидесяти

отсечённых голов, у его праджни – ожерелье из черепов. У праджни одно лицо и две руки, в которых она держит капалу и карттрику. По иконографии тело Хеваджры должно быть тёмно-синего цвета. Тело его праджни, Найратми, тоже синего цвета. У данной скульптуры тела божеств позолочены. Найратмя разрушает понятийно-концептуальные структуры ума, мешающие постижению пустоты.

Хеваджра считается гневным аспектом Будды Акшобхьи семейства Гухьясамаджи. Во всех формах Хеваджры, а их насчитывают четыре, его изображают в союзе со своей праджней.

В классификации новых тантр «Хеваджра-тантра» относится к классу ануттара-йога тантры. Этот текст передавался Тилопой, Наропой, Майтрипой, Марпой и другими учителями кагьюпа и сакьяпа. Традиция Хеваджры представлена в собрании текстов, среди которых коренная тантра Хеваджры из собрания текстов Ганджура является основной.

«Хеваджра-тантру» принес в мир людей махасиддха Вирупа. Далее в линии преемственности упоминаются сиддхи Домбипа, Гарбхарива, Гаядхара. Учеником последнего был тибетец Бронми Шакья Ешей (993–1050). Ученик Шакья Ешей Кхон Кончок Гьялпо (1034–1102) основал первый монастырь школы сакья. Далее традиция была продолжена знаменитой династией сакьяских лам: Кунга Ньингма (1142–1182), Сакья Пандита (1182–1251), Пагба-ламой (1235/9–1286). Знатоком Хеваджра-тантры был ученик Цзонхавы Хайдуб Гелег Палзанг. Но при Цзонхаве на Хеваджра-тантру в школе гелукпа был наложен запрет. И ее традиция развивалась в основном в школе сакьяпа.

Махачакра Ваджрапани изображен в союзе яб-юм, его праджней является дакини Гухьяджняна (тиб. *gsang ba'i ye shes*), «Тайная мудрость». У него шесть рук. В правых руках держит ваджру, змею, в левых нож и змею, основные руки расположены в жестах – бесстрашия (абхайя) и дающем благо (варада). Нож утрачен, змея обломана. Атрибутами праджни служат капала и картрика. Тела божеств позолочены, скульптура раскрашена.

Живописные работы написаны на шелке и на холсте, одна работа относится к Ургинской школе. Тангка с изображением Белой Тары (инв. № У-132, размер 30 × 43 см., рис. 7) написана на шелке. Эта тангка имеет много аналогий [Цултэм 1982, ил. 95]. Белая Тара (тиб. *sgrol-dkar-ma*), женское божество, спасительница, по буддийским представлениям дарует долголетие. Она изображается сидящей в алмазной позе (ваджрасана) на двойном лотосовом престоле, её правая рука находится в жесте, дающем благо (варада-мудра), в левой – она держит стебель лотоса.

народов прослеживается тесная связь между всадником и его боевым конем. Это преданное, умное и незаменимое животное имело для воина огромное значение. Коня называли «драгоценностью», его холили и лелеяли. Запрещалось бить коня, особенно по голове, ругать и наступать на удила.

Скорее всего, в основу культа коня легла тотемическая мотивировка, связанная с солярным культом. У монгольских народов существовал культ коня белой масти. У Чингис-хана был белый конь, символизировавший сакральность ханской власти. Академик Б. Я. Владимирцов приводит цитату из Рашид ад-Дина, подтверждавшую его мысль о полной зависимости монголов от их коней. «Тот, кто упадет с лошади, – сказал Чингис-хан, – каким образом будет иметь возможность встать и сразиться? А если и встанет, то пеший каким образом пойдет под конного и выйдет победителем?» [Липец 1984, с. 124–156]. Существовал также шаманский обряд жертвоприношения коням духам предков. При совершении обряда коня кропили молоком, освящали и умерщвляли. Перед тем как убить животное, ему завязывали глаза. В монгольском эпосе конь героя спускается с неба или рождается по повелению богов. Он воспитывает сироту, будущего героя.

Конь является участником подвигов своего хозяина, верным другом, выручающим его из беды, храбрым товарищем в битвах и умным советчиком, указывающим, как поступить в трудных случаях и предупреждающим его об опасностях. «Живыми богами» почитались не только всадники, но и их кони [Липец 1984, с. 183–191]. В буддизме конь рассматривается как одна из драгоценностей царя-миродерждца. Весьма популярен и образ коня ветра.

Синкретический культ Далха представляет собой комплекс традиционных верований, как буддийских, так и добуддийских. В Монголию культ попал с распространением тибетского буддизма.

Далха и подношения ему описаны в специальных обрядниках, называемых сан-чога (тиб. bsangs-cho-ga). Эти обрядники принадлежат различным тибетским школам, начиная с ньингмапа и заканчивая гелукпой. В Монголии подобные сочинения имели хождение на тибетском языке. В них говорится о группе из пяти божеств, как о хранителях местности. Корни подобных культов уходят в добуддийскую религию бон. Божества-хранители владеют всем, что имеется на земле: различными видами домашнего скота, дикими животными, одеяниями, украшениями и т.п. Все это им подносилось, но необязательно самими предметами, а чаще всего рисунком с изображением этих даров. В нижней части тангка как раз и размещены все эти подношения. Поэтому сверху в центре на тангка изображен основатель школы ньингмапа – Падмасамбхава, а снизу два ламы: гелукпинец (в желтой островеерхой шапке) и тантрист.

Далха сопровождает свита: вверху слева Пехар (тиб. *pe-dkar*), справа Ваджрасадху, снизу – Юлха и Молха.

Пехар почитается как древнее божество-владыка гор и природных явлений. Последователи религии бон почитают его в качестве покровителя страны Шанг-Шунг¹. Буддисты считают, что проповедник VIII в. Падмасамбхава укротил бонское божество Пехара и сделал его хранителем сокровищ первого тибетского монастыря Самье (тиб. *bsam-yas*) (755 г.). В биографиях Падмасамбхавы он упоминается как глава пяти царей (тиб. *rgyal-po*), его тибетское Кунга (тиб. *skun-lnga*) имя переводится как «пять тел».

Именно Пехар согласно легендам воплощается в оракула-предсказателя монастыря Ненчун. В определенные праздники оракул впадает в транс и от имени Пехара предсказывает будущее. Обителями Пехара, кроме монастыря Самье, считаются монастыри Ненчун (тиб. *gnas-chung*), Цал (тиб. *'tshal*) и Дрепун (тиб. *'bras-spungs*).

Впервые он упоминается в сочинении Ньима Одзера (1124–1192/1204) как божество-хранитель низшего разряда буддийского пантеона. Такими же функциями он наделен и в традиции школы гелупка.

В этой форме Пехар имеет тело белого цвета, восседает на белом снежном льве, у него три лика, шесть рук. По иконографии в двух основных руках он держит лук со стрелой, в остальных находятся стрекало для слона, меч, кинжал, жезл, лук и стрелы. Все руки расположены в жесте угрозы (карана-мудра). Подобная иконография хорошо известна по живописным произведениям [Buddistische Kunst 1974, s. 66–67].

Ваджрасадху (санскр. *Vajrasādhu*), также Дордже Легпа (тиб. *rdo-rje legs-ra*), «Благая ваджра» изображается восседающим верхом на снежном льве (с телом белого цвета), в свободной позе (левосторонняя лалитасана). Согласно легендам Дордже Лэгпа был охранителем религии бон, но был покорён Падмасамбхавой и связан клятвой защищать буддийское учение, поэтому также называется «связанный обетом». Считается, что Ваджрасадху можно просить о помощи в мирских делах. Юлха (тиб. *yul-lha*), «божество местности» – белое божество в воинских доспехах, восседающее на мышастой (зольно-серого цвета с неравномерным окрасом) лошади. Его атрибутами служат лук и стрела. Он охраняет человека сверху. Молха (тиб. *mo-lha*), «мать-божество» – белая богиня, ее атрибутами служат стрела призывания счастья, украшенная шелковыми лентами, и ритуальное зеркало предсказаний. Внизу по центру тангка изображена дхармапала Лхамо.

¹ Шанг-Шунг – территория на западе от нынешнего Тибета, современная Индия.

Тангка является блестящим образцом ургинской школы живописи, для которой характерны обилие золота, изображение различных животных на фоне пейзажа, разноцветные облака, появление на одном образе лам разных школ.

Это наиболее интересные предметы, относящиеся к монгольской бронзовой и резной деревянной скульптуре и традиционной живописи, в коллекции Эрмитажа имеются еще и некоторые другие произведения.

Список литературы

1. Герасимова 1971: *Герасимова К. М.* «Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций», Улан-Удэ, 1971.
2. Елихина 2006: *Елихина Ю. И.* «Буддийские дары дому Романовых» в сб. «Ювелирное искусство и материальная культура», СПб, 2006. С. 14–20.
3. Липец 1984: Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.
4. Цултэм 1982: *Цултэм Н.* Выдающийся монгольский скульптор Г. Дзанабадзар. Улан-Батор, 1982.
5. Цултэм 1989: *Цултэм Н.* Скульптура Монголии. Улан-Батор, 1989.
6. Beguin 1993: *Beguin. G.* Tresors de Mongolie, XVIIe–XIXe siecles: catalogue. Paris, 1993.
7. Buddhistische Kunst 1974: *Buddhistische Kunst aus dem Himalaya.* (Sammlung W. Schulemann): catalogue. Koln, 1974.
8. Treasures 2005: Treasures of Mongolia. Buddhist Sculpture from the School of Zanabazar. Gallery of A.M. Rossi, intr. By G. Beguin, NY., 2005.

Yu. I. Elikhina

MONGOLIAN BUDDHIST SCULPTURES AND PAINTINGS IN THE COLLECTION OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM

Abstract. *The author shortly describes the most interesting objects of Mongolian Buddhist art in the collection of the State Hermitage Museum. At first there are the bronze objects, which were cast by the eminent Mongolian master and the head of Buddhist church G. Zanabazar (1635–1723), and also the sculpture of his disciples. More over in the collection there are the Buddhist objects from Dolonnor in hammering technique, painting scrolls and wood carvings. In a whole the objects are the wonderful examples of the Mongolian Buddhist art of the end of the 17th – beginning 20th centuries.*

Keywords: *Mongolian Buddhist art, sculpture, paintings, wood carvings.*

ФРАГМЕНТ ИЗ «МАНИ-КАБУМА» В РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ «ТЕТРАДЬ, [СОДЕРЖАЩАЯ] ИЗБРАННОЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СПОСОБНОСТЕЙ»

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса о бытовании памятника тибетской литературы «Мани-кабум» в Монголии. Это произведение трижды переводилось на монгольский язык в период с конца XVI по середину XVII века. Имели хождение также отдельные списки фрагментов «Мани-кабума». В собрании Института восточных рукописей (Санкт-Петербург) хранится более десяти подобных списков. В статье предлагается описание одного из таких фрагментов, который содержится в рукописном сборнике «Тетрадь, [содержащая] избранное для развития способностей» (монг. *Abiyas kičiyekü tegüberi-yin debter*), хранящемся в собрании Института восточных рукописей.

Ключевые слова: буддийская литература, Монголия, монгольская литература, тибетская литература, Авгын Цултимлодой.

Памятник тибетской литературы «Мани-кабум» (тиб. *Ma ni bka' 'bum*) – это сборник, посвящённый культу Авалокитешвары и содержащий жизнеописания, наставления, садханы и другие тексты, связанные с этим бодхисаттвой и тибетским царём Сонгцэн-гампо, которого в тибетской традиции принято рассматривать как воплощение Авалокитешвары. Он относится к традиции *терма* (тиб. *gter ma*) и включает в себя тексты, разнообразные не только по жанровой принадлежности, но и по времени создания¹.

---

1 «Мани-кабум» связан с именами трёх тертонов (тиб. *gter ston*): Сиддха Нгодруб (тиб. *grub thob dngos grub* /XII в./), Нянгрэл нима одсер (тиб. *nyang ral nyi ma 'od zer* /1124\35-1204/) и Шакья сангпо (тиб. *sha kya bzang po* /XIII в. /), известный также как Шакья од (тиб. *sha kya 'od*). Он состоит из трёх циклов (тиб. *skor*): 1. Цикл сутр (тиб. *mdo skor*). Кроме неканонических сочинений, таких как *Lo rgyus chen mo* («Великая история») и других текстов повествовательно-житийного характера, в этот цикл входят два сочинения из Ганджура (*'phags pa za ma tog bkod pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*; *phyag stong spyan stong gi gzungs*). В ряде изданий в Цикл сутр входит отдельный раздел, известный как Цикл биографий (тиб. *chos skyong ba'i rgyal po srong btsan sgam po'i mdzad pa rnam thar gyi skor*); 2. Цикл садхан (тиб. *sgrub thabs kyi skor*); 3. Цикл наставлений (тиб. *zhal gdams kyi skor*). Все эти тексты были объединены в один сборник не позднее первой половины XVI века, когда в Нгари (тиб. *mnga' ris*) появилась его первая рукописная редакция [Ehrhard 2000, с. 206].

«Мани-кабум» трижды переводился на монгольский язык. Первый перевод был выполнен в 1593 году чахарскими переводчиками Зун Авгын Цултимлодом и Цогту мерген убаши, второй – Гуши цорджи и Сакья дондубом (1608 г.), третий – ойратским Зая-пандитой Намхайджамцо (1644 г.). Последний перевод, неоднократно издававшийся ксилографическим способом, является наиболее распространённым, в то время как два других, сохранившиеся только в рукописном виде, являются редкими. В Монголии имели хождение отдельные списки фрагментов «Мани-кабума», о чём свидетельствует присутствие в собрании Института восточных рукописей РАН тринадцати рукописей небольшого объёма, представляющих собой подобные списки. Из разнообразия содержащихся в них текстов можно сделать вывод о популярности «Мани-кабума» как универсального сочинения, к которому монголы обращались за ответами на разные вопросы, связанные с основными понятиями буддизма, с методами практики и т.д. Выписки делались из разных частей «Мани-кабума»: из Цикла сутр, Цикла садхан и Цикла наставлений. Большинство подобных текстов восходит к переводу Зая-пандиты, в то время как один из фрагментов является списком с наиболее раннего перевода, выполненного Авгын Цултимлодом¹. Он включён в рукописный сборник, хранящийся под шифром Е 232 [Сазыкин 2001, № 2174] и озаглавленный «Тетрадь, [содержащая] избранное для развития способностей» (монг. *Abiyas kičiyekü tegüberi-yin debter*). Этот сборник содержит выписки из разных сочинений, таких как «Хух биндурья», «Чихула хэрэглэгчи» и др. Согласно данным каталога А. Г. Сазыкина, эта рукопись была привезена С. Д. Дылыковым из Бурятии в 1936 году. Она состоит из шести листов, написана чёрными чернилами на русской бумаге, размер 21×34 см. На листах имеется пагинация тибетскими цифрами, синими чернилами, которая свидетельствует о том, что сохранившиеся шесть листов рукописи – лишь небольшая часть того, что она представляла собой первоначально (присутствуют листы с такими значениями, как «122», «123» и т. д). На это указывает и оглавление (или его сохранившаяся часть) [л. 1 б], согласно которому рукопись состояла не менее чем из 60 листов. Оглавление возможно прочитать лишь частично из-за значительных утрат бумаги по краям листа. В нём по меньшей мере 14 разделов, названия которых свя-

¹ Подробнее об этом переводе см.: [Кантор 2013].

заны с разными темами и понятиями буддизма¹. Судя по всему, рукопись представляла собой своеобразный конспект с выдержками (иногда подвергавшимися значительному сокращению) из разных буддийских сочинений. Никаких следов пагинации, современной самому тексту, нет, кроме надписей, имеющих в верхнем левом углу некоторых листов и представляющих собой краткие заголовки, соотносящиеся с названиями в оглавлении. Они написаны тем же почерком, что и сама рукопись. Такая надпись присутствует и на листе 4b, где находится фрагмент из «Мани-кабума». В верхней части листа написано: «7-duyar²: jiryuyan jüil amitan-u aqu oron-u jüil³. Эта надпись – краткий заголовок, который, по-видимому, соответствует более полному из оглавления: «7-duyar anu: jiryuyan jüil amitan-u aqu yirtincüs-ün oron-u tobši ba deger-e ügei bodi qutuy-un jüil: 13-u aru-aça 14-ü ekin kürtele»⁴ из оглавления [АКТД л. 1b]. Ниже указывается, что следующий фрагмент относится к «Мани-кабуму» («mani ka 'bum-aça»), затем следуют два текста, озаглавленные «Mingyan burqad luγ-a 2 budisung nar-un yosun-i üjügülügen

¹ 1-düger anu: yirtincü-yin kümün-u yabudal: ger-ten-ü qoyitu-yin sayin abiyas talbiqu yosun yirtincü-yin 6 baramid: doloγan gešigütu-yin tayilburi: 2-duyar anu: γurban erdeni-dür itegel yabuγulaqu utγ-a-yin jüil: 9-yin ekin-e: 3-duyar anu: γurban erdeni-yin neres-yin jüil: 9-yin aru-aça 10-u ekin kürtele: 4-düger anu: γurban külgen ba γurban törölkiten-ü mör-ün tobši-yin jüil: 10-u aru-aça 11-ü -ekin kürtele: 5-dayar anu: sudur ba šastir-un neres-ün jüil: 11-ü aru-dur: 6-duyar anu: bodi qutuy-i бүтүгекү-yin tobši ba: amitan-dur burqan-u činar bui utγ-a-yin jüil: 12 ekin-eče 13-u ekin kürtele: 7-duyar anu: jiryuyan jüil amitan-u aqu yirtincüs-un oron-u tobši ba deger-e ügei bodi qutuy-un jüil: 13-u aru-aça 14-ü ekin kürtele: 8-duyar anu: burqan-u šasin orosiqui-yin jüil: 14-ü aru-aça 21-ü aru kürtele: 9-düger anu: budisung nar-un asaraqui kiged nigül-esküi utγ-a-yin jüil: 22 ekin-eče 23-u aru kürtele: 10-duyar anu: itegel yabuγulqu yosun-aça ekilen: 3 törölkiten-ü mör-i bisilyaqu utγ-a-yin tobši jüil: 24-ü ekin-eče 28-u ekin kürtele: 11-düger anu: bodi čid sedkil egüsgekü utγ-a-yin jüil: 28-u aru-aça 35-u ekin kürtele: 12-duyar anu: barilduly-a-yin 6 nom ba: itegel yabuγulqu alin-dur-bar:urida yabuγulaqu ba bodatu nuγud-un jüil: 35-u aru-aça 44 kürtele: 13-duyar anu: 6 baramid-un quriyanyui utγ-a: bilig baramid-un delgerenggüi-yin jüil: bodisatu-a nar-un 5 mör 10 oron-u ilyal: burqan-u 3 bey-e ba üiles-ün ilyal tobši jüil: 44-ü aru-aça 52 kürtele: 14-düger anu: edür šöni nom-un mör: sudal ki tosol irüger: sukavadi-yin oron-u tobši ba irüger jëgüdgel-ün jüil nügd bolai: 52 aru-aça 60-u aru kürtele büged:

² Все числительные, переданные в тексте рукописи тибетскими цифрами, в транслитерации даются арабскими цифрами.

³ [Раздел] 7. Глава о местопребывании шести видов живых существ.

⁴ [Раздел] 7. Глава о вселенных, где пребывают шесть видов живых существ, и о несравненной святости будды. Обратная сторона 13 – начало 14 листа.

6-duyar bölög» [AKTD л. 4b] и «Nögčigsen saγ-un burqad-un bivanggirid üjügülügen 7-duyar bölög» [AKTD л. 4b]. Эти названия соответствуют названиям шестой и седьмой глав текста «Великая история»¹ Цикла сутр². Текстологическое сличение этого фрагмента сборника с текстом соответствующих глав из полного перевода Авгын Цултимлодя [Сазыкин 2003, № 4370] выявило, что текст шестой главы в обеих редакциях в основном совпадает, за исключением нескольких пропусков, а также лексических вариаций (например: medeǰü – uqaju, tedüi – deligetü, toytabai – bütübei, sümber ayula – sümber taγ и др.), в то время как седьмая глава в сборнике сильно сокращена и представляет собой пересказ оригинального текста. Её название немного отличается от соответствующего заглавия в полном переводе (монг. «Balar erten-ü nögčigsen burqad-un bivanggirid üjügülügen 7-duyar bölög» [MG, л. 10b]), идентичного заглавию в тибетском тексте³.

Название шестой главы «Великой истории» в сборнике идентично названию соответствующей главы в тексте полного перевода, но отличается от названия в тибетском тексте, которое можно перевести как «Шестая глава о возникновении тысячи будд и двух бодхисатв»⁴. Монгольский заголовок «Mingyan burqad luγ-a 2 budisung nar-un yosun-i üjügülügen 6-duyar bölög» [AKTD, 4b; MG, л. 10a] можно перевести следующим образом: «Шестая глава о том, как тысяча будд и два бодхисатвы явили закон». В этой главе повествуется о возникновении вселенной и первых живых существах: буддах, бодхисатвах и чакравартинах. Вначале из воздушного потока образовалась мандала. Над ней образовались густые облака, из которых стал лить дождь. Из этой воды образовалась мандала. От взаимодействия этой поверхности с воздухом образовалась золотая твердь. Над ней – облака разных видов, из которых пошёл очень сильный дождь, в результате которого образовался внешний океан. Затем появились гора Сумеру, семь внутренних океанов, 12 малых континентов и железные горы вокруг. В этой вселенной возникли небожители. От них отделились два небожителя, и таким образом на четырёх континентах появились люди. Из сердца Вайрочаны, воплотившегося в Акаништхе, исходят многочисленные лучи света, формируя многочисленные джамбудвипы. В центре каждой из них – Ваджрасана и Дерево бодхи. Из каждого луча света возникает Тушита. В каждой из них – девапутра

¹ Тиб. lo rgyus chen mo, монг. yeke šiltayan.

² Тиб. mdo skor, монг. sudur-un jüil.

³ Тиб. Snga rabs 'das pa'i sangs rgyas lung bstan pa'i le'u ste bdun pa'o [МКВ, л. 10b].

⁴ Тиб. Sangs rgyas stong dang sems dpa' gnyis byung ba'i le'u ste drug pa'o» [МКВ, л. 10a].

Дампа-тогкар¹. В Ваджрасане обретает пробуждение тысяча будд. Появляются тысяча и два будды – воплощения Авалокитешвары. Из тысячи рук Авалокитешвары появилась тысяча чакравртинов, из тысячи глаз – тысяча будд бхадракальпы². Во время будды Дипанкары³ правил чакравртин Дхритараштра⁴. У него было тысяча и две жены. У каждой из них, кроме двух, было по сыну. Эти две жены молились Трём драгоценностям. Однажды царь вместе с жёнами отправился на прогулку в сандаловые и лotosовые рощи. У двух жён в руках появилось по цветку. Открыв лепестки, они увидели двух прекрасных сыновей. Сына царицы по имени Улигергуй⁵ называли Номун-махасунг⁶, сына царицы по имени Уль-доромжилагдах⁷ – Номун-оюту⁸. Царь понял, что эти сыновья – будды, и сделал им большие подношения. Затем написали имена всех сыновей и поместили в сосуд, украшенный разными драгоценностями. Через семь суток поочередно вынули из сосуда имена «Каркасунти»⁹, «Канакамуни»¹⁰, «Кашиба»¹¹, «Дибамкара»¹², «Шакьямуни», «Майдари»¹³ и другие. Последним извлекли имя «Дуршихуй»¹⁴ и произнесли пожелание, чтобы учения всех этих будд процветали. Затем старшие братья сказали двум младшим: «Так как приносить пользу живым существам очень трудно, пребывайте в благоденствии». Номун-махасунг произнёс: «Пусть в момент достижения вами пробуждения я буду защитником учения». Это был великий Ваджрапани. Дармаматти¹⁵ сказал: «Пусть в момент достижения вами пробуждения я стану тем, кто обратится с призывом дать учение».

¹ Тиб. Dam pa tog dkar.

² Санскр. bhadrakālpa; тиб. bskal po bzang po – «благая кальпа».

³ Тиб. Mar me mdzad.

⁴ Тиб. Yul 'khor srung. Один из четырёх великих царей – хранителей сторон света (тиб. rgyal chen bzhi).

⁵ Тиб. Dpe med ma.

⁶ Тиб. Chos kyi sems dpa'.

⁷ Тиб. Ma smad ma.

⁸ Тиб. Chos kyi blo gros.

⁹ Санскр. Krakucchandha; тиб. 'Khor ba 'jig. Один из будд прошлого.

¹⁰ Санскр. Kanakamuni; тиб. Gser thub. Один из будд прошлого.

¹¹ Санскр. Kāśyapa; тиб. 'Od srung. Один из будд прошлого.

¹² Санскр. Dīpaṃkara, тиб. Mar me mdzad. Один из будд прошлого.

¹³ Санскр. Maitreya; тиб. Buams pa. Будда грядущего.

¹⁴ Тиб. Mos pa. Имя последнего будды бхадракальпы.

¹⁵ Санскритский эквивалент имени царевича Номун-оюту (тиб. Chos kyi blo gros).

Это был четырёхликий¹ Брахма. Так тысяча будд бхадракальпы достигли пробуждения, и два бодхисаттвы явили закон².

¹ Интересно, что в тибетском тексте написано: tshangs pa dbu gsum, т.е. «трёхголовый Брама», или «трёхликий Брахма».

² Ma ni ka 'bum-ača: balar erten-ü čay-un burqad-un biyanggirid üjügülügsen 6-duyar bölüg büged:

Om ma ni bad mi hum: budisung mahasung nar-un dededü ary-a avalokiti švar-a tere ber: quibilyan-u bey-e-ber amitan-i tusalaysan oron anu kemebesü: yadayatu (1) sab yirtinčü-yin ang urida toytaysan yosun-dur ber: qoyosun čečeg-ün jirüken-eče: nigen kei edüjü bürün: tegün-eče keltegei saran metü yeke kei-yin mandal: qurisaqui ügei-yin köbegün-ü küčün-iyer ülü ebdereküi nigen teyimü bolbai: tegün-ü deger-e nigen keseg jučayan usun-u jirüken egülen quraysan-ača: kürdün-ü atayar-un tedüi qur-a oroysan-iyar: nigen čayan dügüriг duri-tü usun-u mandal bolbai: tendeče kei keyisügsen-eče: altan jirüketü altan delekei dörbeljin yosu-tu bolon бүтүged: tegün-ü deger-e eldeb jüil egülen bayiysan-ača: er-e jayan-u niyuca-yin tedüi qur-a oroysan-iyar: yadayatu yeke dalai toytabai: tere ber sansar-un kei-ber bülegdegsen-eče: ayulas-un qayan sümber ayula ba: 7 anubad dalai kiged öčüken 12 tib-üd: yadayatu tömör küriyen-ü ayulan seltes бүтүbei:: dotoyatu (2) ür-e amitan kemebesü: 6 amarmay ijayur-tu tengri nar: 17 öngge-tü 4 öngge ügei tengri nar büged: 4 tib-ün kümün anu gegen genel-tü tengri nar-ača 2 tengri tasuraču törügsen-eče: 4 tib-üd-dür ulus bolojuqui: üjesgüleng-tü (3) aginista-yin aqui-dur: genel-ün qayan bairotsan-a qubilyan bür-ün: tegün-ü jirüken-eče jayun nayud költi genel yarču: jayun nayud költi dzambudib-ud boloyad: dzambudib tutum-un dumda niјiged niјiged včir-tu sayurin бүкүй-eče: nigen kükesün doroyjid tusuču: tere kükesün šimetčü quraysan-ača bodi modon uruyad: genel tutum-un niјiged niјiged түšid tengri-yin orod бүтүbei: tenger-tür tengri-yin köbegün damba toy kar (dam pa tog kar) niјiged qubilyaju bürün: mingyan burqad včir-tu sayurin-dur burqan bolqu bui: mingyan 2 burqad ber: budisung mahasung nar-un dededü ary-a avalokita švar-a-yin qubilyan bolai: tegün-ü mingyan yar-ača mingyan tsakravad-un qad kiged: mingyan nidün-eče sayin kalab-un mingyan burqad bolon qubilaju: amitan-u tus üiledkü bolai: erte dibamkar-a (mar me mdzad) burqan-u čay-tur 4 tib-dür erketü diridiš tar-a neretü nigen tsakravad-un qayan-dur: mingyan 2 qatud бүлүge: mingyan qatun-dur mingyan köbegüd büged: tedeger-eče ilangyuy-a ülemji 2 qatun-dur köbegün ügei-yin tulada: tere qoyar qatud ariyun-a uyaју eldeb čimeg-üd-iyer čimejü 3 erdenis-i jalbirayad: tere edür-e qayan qatun nökor selte dzadan-u oi kiged lingqu-a čečeg-ün oi-dur sergüleng juyar-a joričiyas-dur: tere qoyar qatud-un yar-tur anu niјiged čečeg-üd irejüküi: tere darui čečeg-üd-i negejü üjebesü: niјiged üjesgüleng-tü köbegün ajuqui: üliгер ügei neretü qatun-u köbegün nom-un mahasung kemen nereyidün: ülü doromjilaydaqui neretü qatun-u köbegün-i nom-un oyutu kemen nereyidejüküi: tere tsakravad-un qayan ber tede köbegüd-i burqan kemen medeged: sümber ayula 4 tib terigüten eldeb erdenis-iyer egüdügsen mandal delegejü ayui yekede takiyad: köbegüd bügüde-yin ner-e-yi →

Следующий текст, как было указано выше, представляет собой краткий пересказ «Седьмой главы о пророчествах будд прошлого» из «Великой истории» и рассказывает о следующем. Когда человеческая жизнь длилась 80 000 лет, появился будда Кракуччанда. Согласно его пророчеству, когда человеческая жизнь составляла 20 000 лет, обрёл пробуждение будда Канакамуни. Согласно его пророчеству, когда человеческая жизнь равнялась 10 000 лет, появился будда Дипанкара. В соответствии с его пророчеством, когда жизнь людей длилась 100 лет, появился будда Шакьямуни¹.

Отдельные слова в тексте выделены цветом, некоторые из них отмечены тибетскими цифрами. Например, в шестой главе жёлтым цветом и тибетскими цифрами «1» и «2» соответственно выделены слова *yadayatu* («*yadayatu sab yirtunčü-yin ang urida toytaysan yosun-dur ber*») и *dotoyatu* («*dotoyatu ür-e amitan kemebesü*»). В этом отрывке речь идёт о возникновении вселенной и живых существ. Краткий пересказ этой части дан выше.

bičijü eldeb erdeni-ber čimegsen qumq-a dotor-a uruyuluḡad: 7 qonoḡ tabin üiledün ariyun-a uḡayad qumqan-u dotor-ača neres-i ḡarḡabasu: ang teriḡün karkasunti (1) boluysan-dur: tegün-ü šašin-ber unida orošiqu boltuyai kemen irügebei: tegün-ü qoyin-a kanakamuni (2): tegün-ü qoyin-a kašiba (3): tegün-ü qoyin-a dibamkar-a (4): tegün-ü qoyin-a šikimuni (5) kiged: mayidari (6) teriḡüten jerge-ber bolujuqi: qotala-yin ečüstür durašiqui neretü bolbai: tedeger bügüde-yin šašin tejiyed delgerkü boltuyai kemen irügebei:: tendeče öčüken degüü-dür eyin: busu aqamad aqu eyin kemer-ün: amitan-u tusa üiledküi-dür: ba bürün boloyu ḡ-a: amitan-u tusa üiledküi kemebesü maši berkeyin tula: či büged amuyulang-a aḡtaqui kemeḡsen-dür: degüü anu öḡüler-ün: amitan-u orod-dur dayusḡal-i ügei-yin tula: ta bügüdeḡer-ün šašin kedüi bükü büḡesü: bi ber šašin-dur orolduḡu boltuyai kemen irügejüki: tendeče nom-un mahasung eyin kemer-ün: ta bügüde-yin burqan bolqui čay-ud-dur: tan-u šašin-i sakiḡu boltuyai kemen irügejüki:: tere kemebesü čoy-tu včir bani bolai: basa darma mati neretü inu eyin kemer-ün: ta bügüdeḡer-ün burqan bolqui čay-ud-dur: tan-u nom-un duradqal bi boltuyai kemen irügejüki: tere ber 4 niḡur-tu esrun tengri bolai: tegün-ü tula mingyan burqad-dur nom-i duradqabasubar: alimad ču qariḡulaqu üli boloyu:: tere metü sayin kalab-un mingyan burqad ber: ḡača kü včir-tu oron-dur burqan bolumui: mingyan burqad luy-a 2 budisung nar-un yosun-i üjüḡülüḡsen 6-duḡar bölög tegüsbe::

¹ Om ma ni bad mi hum: tedeger burqad-ača 8 tümen (1) nasun-u čay-tur karkasunti burqan ber öber-ün sedkil-i burqan kemen medejü bürün: burqan boljuqi: tegümü (2) bivanggirid-iyar 4 tümen nasun-u čay-tur kanakamuni mön tegün-ü bivanggirid-iyar 2 tümen nasun-u čay-tur kašiba mön (3) tegün-ü bivanggirid-iyar 1 tümen nasun-u čay-tur dibanggar-a mön (4) tegün-ü bivanggirid-iyar ḡayun nasun-u čay-tu r šikimuni burqan bolbai kemen nomlaḡuqi:: nöḡčigsen čay-un burqad-un bivanggirid üjüḡülüḡsen 7-duḡar bölög tegüsbe: tedeger mingy-a 2 burqad-un šašin orošiqui-yin delgerengḡüi-yi kalsang-dur üjegdün:

Далее в тексте цветом и цифрами выделены шесть имён будд: karkasunti (1), kanakamuni (2), kašiba (3), dibamkar-a (4), šikimuni (5), mayidari (6), а также некоторые другие слова. В этом заметно как стремление автора выделить буддийские термины, так и основополагающий принцип, которого он придерживался, состоявший в удобстве организации текста.

Фрагмент из «Мани-кабума» в сборнике «Тетрадь, [содержащая] избранное для развития способностей» представляет собой интересный источник с точки зрения понимания места этого произведения в корпусе монгольской буддийской литературы. «Мани-кабум» цитируется внутри этого сборника наряду с другими популярными буддийскими сочинениями, что говорит о его значительном статусе у учёных монголов. Сам сборник «Тетрадь, [содержащая] избранное для развития способностей» является ярким примером попытки осмысления буддийского учения монголами.

Список сокращений

AKTD – Abiyas kičiyekü tegüberi-yin debter

MG – Mani Gambum

МКВ – Ma ni bka' 'bum

Список источников

1. AKTD – Abiyas kičiyekü tegüberi-yin debter. Рукопись, монг. яз. Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. Е 232, 6 лл.

2. MG – [γurban čay-un qamuy burqad-un abisiḡ ögteḡsen...]. Рукопись, монг. яз. Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. Q 402, 456 лл.

3. МКВ – Chos rgyal srong btsan sḡam po'i ma ni bka' 'bum. Ксилограф, тиб. яз. Китай, монастырь Кумбум. 710 лл.

Список литературы

1. Кантор 2013: Кантор Е. А. «Мани-кабум» в Тибете и Монголии // *Mongolica-XI*. Сборник научных статей по монголоведению. Посв. 130-летию со дня рождения А. В. Бурдукова (1883—1943). СПб., 2013. С. 45–51

2. Сазыкин 2001: Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 2. М., 2001.

3. Сазыкин 2003: Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 3. М., 2003.

4. Ehrhard 2000: Ehrhard F.-K. The transmission of the dMar-khrid Tshem-bu lugs and the Mani bka' 'bum. Swisttal-Oendorf. 2000.

**EXCERPT FROM «MANI-KABUM» IN THE COLLECTED
VOLUME «BOOK OF SELECTED PASSAGES FOR PERSONAL
DEVELOPMENT»**

Abstract. *This article investigates questions connected with assimilation of Tibetan literary monument «Mani-kabum» in Mongolia. There exist three different translations of this work into the Mongolian language made in late XVI – middle of the XVII century. Also separate excerpts from «Mani-kabum» were in circulation. There are more than ten volumes containing such excerpts in the collection of Institute of Oriental Manuscripts (St. Petersburg). One of them is the collected volume «Book of selected passages for personal development» (mong. Abiyas kičiyekü tegüberi-yin debter) description of which is given herein after.*

Keywords: *Buddhistic literature, Mongolia, Mongolian literature, Tibetan literature, Avgyñ Chultimlodoi.*

К ПРОБЛЕМЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ XVIII – XIX ВВ. НА ОЙРАТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Аннотация. Архивные документальные материалы XVIII-XIX вв. на ойратской письменности также являются письменным наследием калмыцкого народа. Исследование их продиктовано требованием времени. В них отображены повседневный труд и быт, внутренний мир кочевника, кипение страстей и настроений и характеров, социальных коллизий. В них хорошо представлена преемственность общемонгольской и славянских письменных традиций.

Ключевые слова: архивные калмыцкие двуязычные документы XVIII–XIX вв., классификация; тибетско-калмыцкий документ *andaḡāriyin bičiq* ‘клятва, присяга’, функциональный документ.

Архивные документальные материалы делового, дипломатического и бытового содержания были созданы не только на ойратской письменности «тод бичиг» - «ясное письмо», но также на тибетском, турецком и других языках. Они различны по содержанию, стилю, структуре, хронологии и авторской принадлежности, и в настоящее время актуальность их приобретает особое значение. Согласно их содержанию была проведена их классификация и определены следующие виды, а именно: *andaḡār* ‘клятва, присяга; *andaḡāriyin bičiq* ‘клятвенное письмо, присяжный лист; *xāluḡayin bičiq* ‘дорожная карта, проездные документы; *bičiq tamḡa* ‘документ, заверенный авторской печатью’. Обнаружен единственный экземпляр документа, созданного на шёлковой ткани желтого цвета, который подтверждает право на получение социального статуса нойон – князя; *tamḡa bičiq* ‘значимое письмо, прошение, официальный документ (в виде запроса); *zarḡa bičiq* ‘письмо-иск; *zarliq bičiq, zarliq* или *uḡas* ‘указ, повеление, официальное письмо, распоряжение’. Данный вид документа *zarliq bičiq* относится к более раннему историческому периоду, а именно, ко времени правления Калмыцким ханством Аюка-ханом. Таким же термином в 1710, 1711, 1713 годах оформляли свои письменные обращения к адресатам и его сыновья, и другие приближённые к ханскому двору (Чагдоржаб, Дасан, Нацар Бембе и др.). *Zarliq, zaḡā ḡara-mata* – это ‘официальный документ, дающий право на какие-либо официальные действия, связанные с российской государственной политикой. Это может быть

даже и 'указ, грамота' высших инстанций; *zar tarxaxu zarliq (bičiq)* 'манифест, официальный документ', исходящий от Царского Двора, *ayiladخال bičiq* 'донесения, рапорты'. Имеются и другие виды документов, которые определены общемонгольским словом *bičig* (ойр. *bičiq*) 'письмо, письменное сообщение'.

Впервые тексты калмыцких авторских деловых и дипломатических документов, как научные источники, были использованы многими известными исследователями Г. Ф. Миллером (1750), П. С. Палласом (1770, 1803), П. И. Рычковым (1762), В. Л. Котвичем (1919), Н. П. Шастиной (1958), монголоведами А. А. Бобровниковым (1849), В. Л. Котвичем (1929), Н. П. Шастиной (1960), Ц. Д. Номинхановым (1976), Д. А. Павловым (1979), в новое тысячелетие Н. Д. Асировой (2002), Д. А. Сусеевой (2003), Д. Б. Гедеевой и др., историками – Н. Н. Пальмовым (1924–1932), М. М. Батмаевым (1997), В. В. Цурюмовым, В. И. Колесник и др. Защищены кандидатские диссертации Н. Д. Асировой, Д. Б. Гедеевой и др.

Необходимо отметить, что систематическое опубликование архивных документов ойратской письменности, за которое ратовал В. Л. Котвич, состоялось. В. Л. Котвичем были исследованы и изданы дипломатические документы (1919) и последующие издания документов переписки калмыцких авторов XVIII в. – Д. А. Сусеевой (2003, 2009), Д. Б. Гедеевой (2004), что говорит о процессе и состоянии изучения документальных источников НА РК, а также подчёркивает их значимость и актуальность. Следовало бы добавить тезис о необходимости изучения и издания двуязычных документов, выявить стиль, структурное и палеографическое своеобразие и их специфику, определить преемственность как общемонгольской, так и других письменных традиций и культур именно с точки зрения двуязычия.

Калмыцкие архивные документы XVIII–XIX вв. – это особый вид памятников ойратской письменности, имеющие разный генезис и традиции, содержащие в себе опыт предшествующих эпох. Это уникальные тексты-феномены, функциональные документы, которые с филологической точки зрения еще недостаточно изучены. Они представляют богатый материал и для исследования старописьменного калмыцкого языка XVIII века именно с точки зрения двуязычия. Как региональные архивные авторские документы на «тод бичиг – ясном письме» хорошо отражают местную окраску и дают новый материал для сравнительно-исторического изучения калмыцкого языка, его литературных традиций и диалектных особенностей и влияния другого языкового окружения.

Содержание их заключалось в показе реальных фактов, событий, многообразной, иногда детализированной панорамы социальной действительности, пережитое самими авторами, и, соответственно, всем калмыцким народом

определённой исторической эпохи. В сообщениях была заключена авторская оценка событий, раскрывающая причинно-следственную взаимосвязь, как местного, так и российского масштаба.

Тексты авторских документов переписки стилистически не однородны. В них функционируют элементы письменной и устной речи, а в зависимости от сферы и характера общения, от целевой установки – коммуникации своеобразно комбинируют разные стилевые и языковые особенности. Содержание их заключалось в показе реальных фактов, событий, многообразной, иногда детализированной панорамы социальной действительности, пережитое самими авторами, и, соответственно, всем калмыцким народом определённой исторической эпохи. В сообщениях была заключена авторская оценка событий, раскрывающая причинно-следственную взаимосвязь, как местного, так и российского масштаба.

Исследование разных видов памятников ойратской письменности позволяет проследить, как на протяжении нескольких веков происходило развитие национального языка в иноязыковом окружении, какое влияние оказывала живая речь на сложившийся в XVII веке ойратский литературный язык, какие процессы происходили в фонетике, орфографии, лексике, морфологии, синтаксисе. Вместе с тем, изучение этого письменного наследия позволило бы лучше представить особенности жизни калмыцкого народа в более ранние эпохи, отдалённые от нас на несколько веков.

В монголистике история изучения и публикации монгольских официальных дипломатических писем Юаньской эпохи иль-ханов Аргуна и Ульдзейту, а также монгольского императора Гуюк-хана (XIII–XIV вв.) с точки зрения структуры, языка представлена в трудах известных ориенталистов XIX–XX вв. П. А. Ремюзы, В. Л. Котвича, С. А. Козина, Л. С. Пучковского и других европейских и азиатских исследователей монгольского письменного наследия.

В данной статье описывается один из уникальных памятников XIX в. – тибетско-калмыцкий двуязычный документ *andaŷariyin biĉiq* (досл.) ‘клятвенное письмо’, ‘клятва’, ‘присяга’, ‘присяжный лист’ и его перевод на русский язык (см. рис. 1). Наше обращение к тексту буддийского содержания *andaŷariyin biĉiq* насущно в силу его уникальности и недостаточной изученности особенностей документов данного вида. Началом изучения монгольских двуязычных документов было положено, как было отмечено выше, западными и российскими ориенталистами. Исследованию проблемы двуязычных текстов посвящена работа А. П. Романенко [Романенко 1981, с. 23–29], в которой указаны основные параметры филологического описания и анализа двуязычных документов на формулярном, композиционном уровне. По утверждению

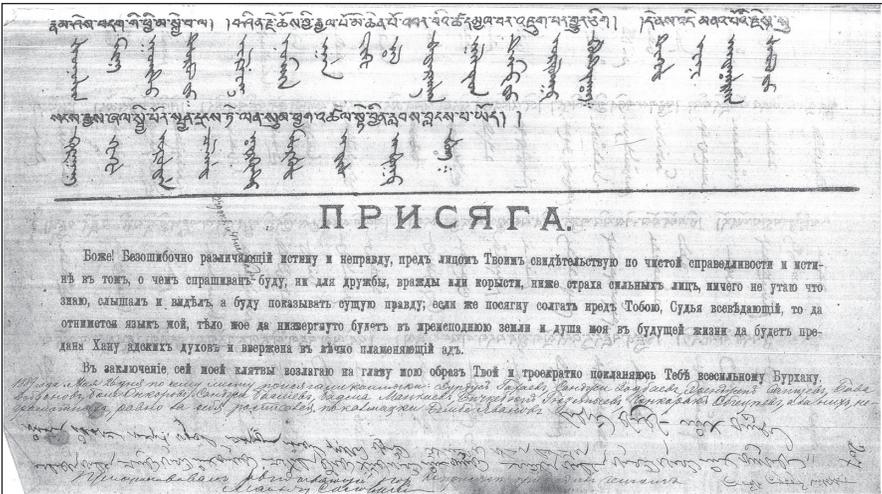

Рис. 1. Тибетско-калмыцкий двуязычный документ «Andayāriyin biçiq»

А. П. Романенко, анализ должен быть многоуровневым, и необходимо описывать документ как целостную систему и, что исследование двуязычных документов должно вестись на уровне формулярном, композиционном. Далее учёный пишет, что его методика основана на трудах академика В. В. Виноградова [Виноградов 1978, с. 157], посвященных изучению художественных

текстов. Поэтому наше изучение и описание текста тибетско-калмыцкого двуязычного документа *andayāriyin bičiq*¹, основывается на трудах вышеназванных исследователей.

В процессе анализа данного письменного памятника были выявлены его отдельные формулярные особенности, состоящего из оригинала, созданного тибетским письмом и его калмыцкого варианта, переданного ойратской письменностью. Текст написан на голландской бумаге стандартного канцелярского листа, по формату, совпадающего с его размером – 40 см × 25 см и двойного листа. Документ записан тушью, возможно, чёрными чернилами, видимо тростниковыми или другими письменными принадлежностями. Почерк тибетско-калмыцкой рукописи приближается к уставному, в то же время в ойратском варианте наблюдаются и элементы скорописи.

Тибетско-калмыцкий двуязычный документ *andayāriyin bičiq* представляет разные письменные традиции. Текст тибетского оригинала расположен по всей строке листа, по горизонтали слева направо, в то время как калмыцкий его вариант по вертикали сверху вниз, с соблюдением всех принципов письма. А именно наличие своеобразных элементов текста: знака «бирга» в калмыцком тексте и особого знака тибетского текста, которые являются показателями начала любого сочинения, используются и другие стандартные знаки, указывающие на завершение предложения и самого текста.

Рукописный двуязычный документ сохранился довольно хорошо и легко читается.

Рассматриваемый нами документ *andayāriyin bičiq* – это деловой текст, созданный на двух языках: тибетском и калмыцком. Он расположен на двух листах по горизонтали, где под каждым тибетским словом или словосочетанием по вертикали находится текст на старописьменном калмыцком языке, в записи ойратским письмом. Отдельно дан его перевод на русский язык, он отделён от оригиналов прямой чертой на всю страницу листа. Стилль функциональный, характеризуется совокупностью приёмов, где языковые средства носят экспрессивно-стилистическую окраску. Однако полнота картины стилия документа, вероятно, могла быть достижима при объединении методических приёмов, при помощи которых можно было описать документ. В монголистике, и в равной степени в калмыковедении почти отсутствуют работы по исследованию стилия и других параметров текстов делового содержания.

---

¹ Национальный архив РК. Фонд И-15 исторический отдел 1714–1771 гг., ед. хр. 392, лл. 49–50, 207.

Анализ композиции зависит от формуляра, расположения семантических частей текста, риторической установки создателя документа. Вид делового документа представляет двуязычный текст, созданный различными письменными традициями. Стоит сказать несколько слов о типе текстов. Здесь, исходя из калмыцкого текста, вероятно, следует отметить, что он составлен в стихотворной форме. Поэтому тип языка текстов зависит, соответственно, и от особенностей типологии тибетского языка и старописьменного калмыцкого языка. В данной статье синтаксический уровень, лексико-грамматические особенности не рассматриваются. Что касается движения текста, то оно дано в конце, в переводе, где указано, что нижеуказанный такой-то человек произносил клятву в присутствии достопочтимых представителей буддийской религии и местной власти.

В процессе изучения калмыцкого текста отмечены его некоторые графико-фонетические особенности. В оригинальном тексте наблюдаются незначительные погрешности, связанные с нарушением закона сингармонизма, и, в то же время, строго соблюдена губная гармония в словах типа *sonosoqson* 'услышанное, слышал', *öšöröl* 'месть' и т.д. В графеме, передающей гласный *i* (и), согласный *b* (ба) имеются свои авторские особенности – графические варианты при их позиционной передаче, а также отсутствуют диакритические знаки при некоторых буквах, например, при *y* (га) в слове *xubilyan* 'перерожденец'. Рассматриваемый ойратский текст в основном представлен общемонгольским лексическим фондом, имеются лексико-грамматические различия между оригиналами и переводом.

Вероятно, следует рассматривать данный документ *andayäriyin bičiq*, состоящий из двух оригиналов и перевода, созданных в рамках разных языковых традициях, как имеющий смешанный текст. Перевод текста – краткий, лаконичный, выдержанный в канцелярской традиции русского языка, и, в принципе, отвечает содержанию текста оригиналов, он передан термином «Присяга» и начинается словом «Боже!».

Авторы, точнее составители текста делового документа, не указаны, однако, можно предположить, что документ составлялся священнослужителями, подписи которых даны в приложении к переводу. Не указано имя переводчика. Риторическая цель переводчика достигнута, содержание перевода приковывает внимание, и тем самым подтверждает, насколько сложна служба не только священнослужителей.

Ниже представлена транслитерация тибетского текста:

Birga mna ' po 'i dpe ! ae byang chub sems dpa'i spul pa/ /bdag gis bden brdzun gar gcig gi 'khul pa med pa khyem pa/ sangs rgyas khyed kyi sbyan sngar

'di mna' bo brjod ba'i/ /btsugs gnyen gyi kha mi drang/ zhe ' khon can steng zhe' 'khon med/ /dbang phyug can zer ' jigs med/ /khe 'i ngor ltos med/ /slar bdag las ji ltar bslab yod do/ /ci mthong thos shes pa'i gzhung bden bas smras pa ' gyur bdag! gal te sangs rgyas khyed kyu spyan sdar la brdzun gyi sde pa ci brjod brdzun/ / smras pa'i lce bdag gi bcad te! brdzun brjod du 'dod srog snying bdag gi 'gas nas! / 'di lus bdag gi rdul du brlog par gyur cig! /rdzun smras la ' dod parnam shes bdag gi phyi ma skye ba la! /bshin rje chos kyi rgyal po me chen po ' bar ba'i tsha dmyal bar ' jug par cig/ /de nas ' di mna ' po ' i rjes su sangs rgyas zhal sbyi por spyan drangs te lan sum phyag ' tshal ste byin rlangs pa yod!!

Калмыцкий вариант этого текста в стихотворной форме в транслитерации:

Бурга Andayāriyin bičiq
 Ayā bodi sado-yin xubilyan!
 Mini ünen xudul ali nigeni endüürēl ügei ayiladxačči//
 Burxan tani dergede ene andayār ögüülji//
 Iniq amaraqgiyin niyuur ülü tatan//
 Öšēten dēre öšöröl ügei//
 Erkišiltei geji ayil ügei//
 Üršiyyin tala xaral ügei
 Xarini nada-ēce yambar meteyin surulyā bui//
 Yuu üzüksün sonosoqson medeqsēn
 Ünen çolāran ögülkü bolxu bui//
 Kerbe Burxan tani dergede xuduliyin ayimayai yuma ögüülji//
 Xudul ögüüleqsen kelen mini kerčiqdēd/
 Xudul ögüülküdü durlaqsan amin zürkün mini xaçarād
 Ene beye mini toboroq tusun boltuyai//
 Xudul ögüülküdü durlaqsan sünüsün mini xoyitu töröl-dü
 Erleq nomiyin xān yeke çal badaraqsan xaluun
 tamu-du oruulxu boltuyai//
 Tegēd ene andayāriyyin süül-dü
 Burxani gegē orödān zalād çurbuntu mörgöd adis abuxu bui////

В тибетском тексте свыше 90 слов и словосочетаний, в ойратском – свыше 108 слов и словосочетаний с отрицаниями, количественный счёт которых выведен приблизительно. Следом за двуязычным текстом, расположенном на двух листах, следует русский перевод, который назван «Присяга».

Исходя из содержания тибетско-калмыцкого текстов, предлагаем свой перевод на русском языке.

Текст перевода клятвы:

О, Великий Будда и его перерожденец Бодхисаттва!
 (Я), произносящий беспрекословную, истинную правду, без лжи,
 Перед Вашим светлым ликом эту клятву-присягу произношу.
 Невзирая на лица своих друзей, не боясь сильных мира сего,
 Пренебрегая местью своих недругов,
 Пренебрегая проклятьями своих врагов,
 Чтобы защитить своих родных от их проклятий,
 Произношу то, что считаю необходимым.
 Всё, что видел, слышал, ведаю,
 Выскажу истинную правду от чистого сердца.
 Но если, Будда, перед Вашим ликом солгу и скажу неправду,
 То пусть меня лишат речи (букв. лживый язык отрежут),
 Пусть мои уста, произносящие ложь, и моя жизнь, и моё сердце будут
 наказаны (букв. сердце разорвётся), а тело станет прахом.
 И пусть мою жизнь и меня в будущих рождениях, меня - лгуна,
 Эрлик номин хан предаст пылающему огню.
 И ввергнет меня в пучину ада.
 И, завершая свою клятву,
 О Будда, пред Вашим просветлённым ликом,
 Кланяюсь, трижды совершая поклоны, прошу благословения.

В тексте русского перевода дана приписка на русском языке, содержание которой невозможно прочитать. Затем на этом же листе следуют имена, надо полагать, священнослужителей и присутствующих, точнее их подписи на «тод бичиг», а именно: *Yabang Bembe yar talbiba* – Яван Бембе поставил подпись, подписал (букв. приложил руку, далее также), *Idabin gedeq Zamba yar talbiba* – Замба Идава поставил подпись, *Širigi biliq yar talbiba* – Шириги Билик поставил подпись, *ŠiqranGinden gelong yar talbiba* – гелонг¹ Чигран Гиндэн поставил подпись. Есть подписи и других присутствующих, имена которых из-за бледного текста невозможно прочитать.

Далее указано, что присутствовал заведующий управлением Манычского улуса Сосюкин.

Достоин сожаления тот факт, что не указано по какому случаю была дана клятва-присяга. В буддизме существует понятие «клятва», которая может быть разной по содержанию и произносится всеми священнослужителя-

¹ Гелонг – буддийский монах, принявший на себя 253 монашеских обета.

ми. Но, вместе с тем, существует понятие «обет», который также бывает разным по содержанию и объёму (в количественном соотношении слов) в зависимости от статуса священнослужителя, и который соблюдается им строго и обязательно.

При переводе на русский язык строго придерживались содержания обоих текстов. Перевод текста калмыцкого варианта более насыщены эпитетами, характеризующими образ Будды. Такова риторическая особенность композиции калмыцкого текста.

Таким образом, 1. Тексты этих документов являются двуязычными документами; 2. Текст документа свидетельствует о прямых контактах калмыцких священнослужителей, среди которых были и тибетцы, и буряты с русскими представителями местного управления и населением; 3. Контакты привели к взаимопроникновению и взаимовлияния элементов русского делового документооборота в калмыцкие тексты, созданных на ойратской письменной системе.

Поэтому здесь в тексте «клятвы» совмещены разные канцелярские традиции (письменная интерференция на уровне формуляра). Калмыцкий текст на «тод бичиг» точно передаёт содержание оригинала, созданного на тибетском языке. Варианты тибетско-калмыцкого двуязычного документа имеют определённые отличия – это несовпадение не только по форме, количеству слов и словосочетаний, но и отчасти по содержанию. Эти особенности характеризуют разные письменные традиции, соответственно, формулярное различие текстов. Тибетский текст согласно письменной традиции расположен по горизонтали слева направо, а его ойратский вариант согласно письменной традиции – по вертикали сверху вниз. А также следует отметить, что тексты содержат разное количество слов и словосочетаний, а также разный порядок слов в предложениях.

Следовательно, проблема параллельного изучения и проведение соответствующего анализа разноязычных частей документа, созданного разными письменными традициями, требует особого подхода и соответствующей методики, а также равного знания обоих языков.

Необходимо отметить, что эта была первая попытка предварительного филологического рассмотрения и анализа архивного тибетско-калмыцкого двуязычного документа с точки зрения его специфики. При этом необходимо отметить, что, несмотря на свою предварительность, анализ демонстрирует важность проблемы, и необходимость изучения архивных документальных материалов, созданных в рамках разных языковых традиций с точки зрения формирования двуязычных текстов.

Архивные калмыцкие двуязычные документы XVIII-XIX вв. на «тод бичиг» – это духовное наследие калмыцкого народа и их изучению требуют особой методики и, соответственно, знаний языков, на которых составлены документы.

Список источников

1. Национальный архив РК. Фонд И-15 (исторический отдел 1714–1771 гг.), ед. хр. 392, лл. 49-50, 207.

Список литературы

1. Виноградов 1978: Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII—XIX вв. в книге.: Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978.

2. Романенко 1981: Романенко А. П. Некоторые задачи филологического изучения документальных текстов. // Русский язык в условиях билингвизма. Межвузовский сборник научных трудов. Элиста, 1981.

N. O. Kokshayeva

ON THE PROBLEM OF PHILOLOGICAL DESCRIPTION OF THE ARCHIVE DOCUMENTS IN «CLEAR SCRIPT» 18–20TH CENTURIES

Abstract. *Archive documents in «clear script» (18–20th centuries) are the written heritage of the Kalmyks as well. Their study is essential for understanding of routine labour and life, inner life of nomads, passions and moods, characters and social conflicts. They present the development of a All-Mongol and Slavic written traditions.*

Keywords: *archive Kalmyk bilingual documents (18–20th centuries), classification, Tibetan-Kalmyk document andayāriyin bičiq ‘vow, oath’, functional document*

ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРУПП МОНГОЛЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ В 2015 Г.)¹

***Аннотация.** В статье автор рассматривает проблемы описания монгольских языков и этнографии монгольязычных народов, а также вопросы изучения традиционной книжной культуры в ее современном состоянии, основанные на материалах экспедиции в Убсунурский аймак Монголии летом 2015 года.*

***Ключевые слова:** монгольские языки, монгольязычные народы, полевые исследования, этнография, книжная культура.*

Описание монгольских языков и этнографии монгольязычных народов не стоит на месте и еще долго будет активно развиваться – тем более, что к этому подключено множество ученых разных стран, в том числе монгольязычных стран. Однако множество проблем языков, материальной и духовной культуры монголов, бурят, калмыков, монгольских народов Китая, требующих масштабных полевых исследований, остаются не в полной мере исследованными и нерешенными.

Один из объектов полевых исследований – диалекты монгольского языка, языка халха-монголов, и диалекты ойратов, рассредоточенные по разным государствам – Китай, Монголия, Россия, в частности Калмыкия. Из насущных проблем изучения монгольского языка и языка ойратов Монголии и Китая в первую очередь привлекает внимание диалектология, причем диалектология в полном объеме ее задач – а именно:

– диалектное членение монгольского и ойратского языков, в том числе границы между этими языками или вариации этнического состава их носителей,

– состав диалектов и их связь с территориальными группами носителей языка в перспективе этнической истории,

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02898).

- особенности фонетики,
- особенности морфологии,
- особенности лексики, что неплохо представлено в словарях халхаских, ойратских и бурятских диалектов, а также в Калмыцко-монгольско-русском словаре [Калмыцко-монгольско-русский словарь 1986].

Существенным достижением лингвистов Монголии было издание трех томов словаря монгольских диалектов (халхаских диалектов, ойратских диалектов и бурятских диалектов, преимущественно говоров баргу-бурят Монголии), осуществленное в 1988–2010 гг. Эти словари достаточно полно отражают лексические и фонетические особенности отдельных диалектных групп монголоязычных народов Республики Монголии. Они дают ценный материал для изучения лексической вариативности, а также для характеристики разных типов диалектизмов в их традиционной классификации – фонетических, морфологических, словообразовательных, семантических и лексических [Цолоо 1988]. Эти же источники позволяют вести изучение заимствованной лексики в отдельных группах носителей монгольских языков, в частности, тюркизмов в монгольских языках [Рассадин 2007; Бурькин 2009], тунгусо-маньчжуризмов в бурятском и дагурском языках [Рассадин 1980; Тодаева, 1986].

Одна из актуальных задач полевых исследований для разных групп монголоязычных народов – аутентичная комплексная фиксация языкового материала по разным этнотерриториальным группам и его анализ [Lüntü 1994; Омакаева 2014, 2014а; Музраева, Бурькин 2015]. Для этого современные исследователи располагают бóльшим комплексом средств, в том числе технических, чем их великие ученые предшественники А. Д. Руднев, Г. Рамстедт, Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе [Руднев 1911; Рамстедт 1908; Владимирцов 1989; Поппе 1930; Porre 1955], работавшие с носителями языков более 100 лет назад или в первой трети XX века.

Однако в силу лингвокультурной специфики контактов между исследователем и информантами, когда исследователь является специалистом, владеющим несколькими языками, в том числе монгольским и/или ойратским, а информанты – преимущественно монолингвами, мы сталкиваемся в практической полевой работе с теми и с такими трудностями, которые обычно не предусматриваются в теории и методике полевых исследований [Кибрик 1972], в которых закладывается либо билингвизм информантов, либо наличие помощников-билингвов. Что касается самих методических наставлений по полевой лингвистике, то в них, в еще большей мере, чем в учебных пособиях по полевой этнографии, предполагается образ молодого

исследователя, приступающего к изучению культуры и языка и находящегося в относительно чуждой для него среде.

В нашем случае – при работе в Монголии в ее разных регионах – мы имели достаточно комфортные условия для собирания этнографического материала и этнографических наблюдений в таких областях культуры, как жилище, материальная культура, одежда, пища, традиционное воспитание детей, свадебная обрядность (т.е. обряды жизненного цикла), праздники – Наадам, традиционные виды спорта и состязаний (борьба, стрельба из лука, скачки). Этому во многом способствует хорошая сохранность образа жизни и материальной культуры изучаемых народов [Ганболд 2008, 2012; Монгол улсын угсаатны зүй 2012]. Что касается сбора лингвистического материала, то в подобных условиях оказалось чрезвычайно трудно реализовать хотя бы какую-то программу из традиционного репертуара полевых вопросников – в том числе даже по лексике, связанной с материальной культурой и хозяйством. Фонетические особенности и лексическое словоупотребление в речи изучаются в основном методами непосредственного наблюдения при беседах с информантами, а средством документации служит аудиозапись или видеозапись процесса общения с информантами.

Подобная ситуация нетипична для отечественной полевой лингвистики. Вместе с тем сам факт ее сложения и устойчивость – с ней сталкиваются почти все полевики-монголоеды – свидетельствует о хорошей сохранности языков и их территориальных форм диалектов, хотя справедливости ради следует сказать, что собственно идентификация диалектного материала остается на время кабинетной работы с собранными записями. К сожалению, мы не в полной мере знаем диалектный состав тех групп местного населения, с которыми нам предстояло общаться в ходе экспедиции. Следует отметить, что на сегодняшний день наиболее полно описаны диалекты калмыцкого языка [Кичиков 1962, 1963, 1967, 1997; Убушаев 1969, 1970, 2006]. Не случайно в последнее время в монголоведении дискутируется вопрос о статусе языка западных монголов [Rogala 2010].

Для монголоведов России и Монголии весьма полезен многолетний опыт полевых исследований среди разных монгологоворящих групп Внутренней Монголии, наработанный финским исследователем Юхой Янхуненом [Janhunen 2004; Янхунен 2005]. Им обнаружено множество новых сведений по языкам и диалектам Внутренней Монголии [The Mongolic Languages 2003].

Весьма важная составная часть лингвистической и этнографической работы среди монгоязычных народов – изучение традиционной книжной культуры, хорошо известной нам по классическому труду Д. Кара [Кара 1972], но в ее современном состоянии. Эта работа предусматривает знакомство с теми

старыми или относительно новыми – 50–60-летней давности – рукописями или ксилографами, которые хранятся в семьях местных жителей, в местных культовых центрах, у местных лам. Спецификой работы в этом направлении является почти полное отсутствие возможности приобрести сами книги. По этой причине наше внимание было сосредоточено на фотофиксации, позволяющей получить фотокопию рукописной книги, в том числе ее внешние характеристики – переплет, материал, конечно же, текст со следами его чтения, маргиналиями, колофонами. Весьма актуальная задача – зафиксировать особенности почерка и получить фотоснимки читаемого текста, чтобы в дальнейшем можно было идентифицировать тексты сочинений, представленные в той или иной книге, с которой нам удастся познакомиться, а также приступить наконец к разработке палеографии на старописьменном монгольском и на ойратском языках для разных регионов и разных синхронных срезов, прежде всего для второй половины XVII – первой половины XX веков. В отношении бумаги рукописей ценным является указатель водяных знаков на бумаге С. А. Клепикова [Клепиков 1959, 1978], которым пользуются филологи-русисты. Аналогичный опыт наработан нами в ходе экспедиций по районам Республики Калмыкии.

Объективные трудности исследований в данной сфере, как уже понятно, связаны с неразработанностью вопросов палеографии и кодикологии монгольских и ойратских рукописей. Еще одна серьезная проблема здесь – отсутствие электронных портативных версий каталогов текстов, встречающихся в рукописях, а также и указателей начальных строк произведений и их глав. Вследствие этого исследования традиционной книжной культуры монгольских народов ведутся очень медленно и результаты экспедиционной работы обрабатываются в течение длительного времени.

Одной из целей проводимой нами полевой работы является выявление и характеристика языковой и культурной специфики монголов и ойратов. Языковые дифференцирующие черты языковых формаций – потомков халха и потомков ойратов – достаточно выразительны, устойчиво сохраняются и знакомы лингвистам хотя бы по различиям монгольского и калмыцкого языков. Вопрос о различиях в материальной культуре осложнен отсутствием надежных данных по исторической этнографии монголов и ойратов, а также разнообразными внешними влияниями, в основном влиянием отдельных групп тюркоязычных народов на отдельные группы ойратов, бурят, монголов, причем объект и характер этого влияния могут по-разному оцениваться тюркологами и монголоведами [Рассадин 1980, 2007]. В качестве исходных точек для изучения внешних влияний отдельных тюркоязычных групп на монгольские этносы и обратного влияния исторических связей с монголами на отдельные тюркоязычные этносы (и этнические группы)

могут быть названы либо данные этнической истории, либо свидетельства материальной культуры (собственно сходства и различия), однако ни тот, ни другой подход не могут дать абсолютно надежных результатов.

Актуализирующаяся в последние годы самоидентификация отдельных групп ойратов и калмыков, связываемая с историческими этносами и монголами и ойратами как суперэтносом-породителем современных этнических групп ойратов и монголов ставит нас перед сложной проблемой критериев самоидентификации в ее исторической динамике. Современные монголоязычные этнические группы подчас не имеют по существу никаких признаков дифференцирующей этнической идентификации (ни в материальной культуре, ни тем более в хозяйстве), тут решающую роль играет самосознание, на которое в заметной степени влияет знакомство с книжной официальной научной историей монгольских государств и народов. Повидимому, мы имеем дело с новыми типами формирующейся этничности, ориентированной на историческое прошлое, воспроизводимое по всем доступным источникам. Новой выглядит и динамика этничности у монголоязычных народов, имеющая пульсирующий характер – от консолидации, приобретающие новые черты вне государственности, до дифференциации на исторические субэтноты – родовые и племенные группы.

Таким образом, все вышесказанное делает необходимым проводить комплексные исследования различных сфер жизни и деятельности современных кочевников западной Монголии, при этом следует признать, что наиболее перспективным представляется сопоставительный анализ, соотносительное исследование данных разных областей (отраслей) знания.

Список литературы

1. Бурыкин 2009: *Бурыкин А. А.* Нерегулярные фонетические соответствия в ойратских диалектах (проблемы интерпретации) // *Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее»*. Ч. 2. Элиста: Джангар, 2009. С. 240–244.
2. Владимирцов 1989: *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. 2-е изд. М.: Наука. ГРВЛ, 1989.
3. Ганболд 2008: *Ганболд М.* Традиции обрядов по охране природы у ойратов-монголов (на примере алтайских урянхайцев и захчинов) // *Мир Евразии*. 2008. №3 (3). С. 64–68.
4. Ганболд 2012: *Ганболд М.* Ойрад монголчуудын байгаль хамгаалах уламжлал // *Bibliotheca Oiratica*. XXVIII. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК, 2012.

5. Калмыцко-монгольско-русский словарь. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1986.
6. Кара 1972: *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Наука, ГРВЛ, 1972. 229 с. (Культура народов Востока. Материалы и исследования).
7. Кибрик 1972: *Кибрик А.Е.* Методика полевых исследований. М.: МГУ, 1972.
8. Кичиков 1963: *Кичиков А. Ш.* Дербетский говор: фонетико-морфологическое исследование. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963. С. 207–212.
9. Клепиков 1959: *Клепиков С. А.* Филигранные и штамповые надписи на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX веков. М., 1959. С. 100–114.
10. Клепиков 1978: *Клепиков С. А.* Филигранные надписи на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., Наука, 1978.
11. Монгол улсын угсаатны зүй (Ойрадын угсаатны зүй) (XIX–XX зууны зааг үе). II боть. Улаанбаатар, 2012.
12. Музраева, Бурькин 2015: *Музраева Д.Н., Бурькин А.А.* К проблематике изучения ойратско-калмыцкой лексики // Вестник КИГИ РАН. №2, 2015. С. 118–123 (<http://elibrary.ru/item.asp?id=24306367>).
13. Омакаева 2014: *Омакаева Э. У.* Вопросы изучения лексики ойратских говоров Монголии в свете актуальных проблем современной монголистики (на примере торгутского говора) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1292.
14. Омакаева 2014а: *Омакаева Э. У.* Лексические особенности языка торгутов Монголии на фоне калмыцкого языка и монголо-ойратского континуума (к постановке проблемы) // Монголоведение. 2014. № 7. С. 18–27.
15. Поппе 1930: *Поппе Н. Н.* Дагурское наречие. Л., 1930.
16. Рамстедт 1908: *Рамстедт Г. Й.* Сравнительная фонетика монгольско-го письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб., 1908.
17. Рассадин 1980: *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. Новосибирск: Наука, 1980.
18. Рассадин 2007: *Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста: Изд-во КГУ, 2007.
19. Руднев 1911: *Руднев А. Д.* Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911.
20. Тодаева 1986: *Тодаева Б. Х.* Дагурский язык. М., 1986.
21. Убушаев 1969: *Убушаев Н. Н.* Торгутский диалект и его отношение к калмыцкому литературному языку // Уч. Записки НИИЯЛИ. Сер. филол. № 7. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. С. 186–202.

22. Убушаев 2006: *Убушаев Н. Н.* Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2006.
23. Цолоо 1988: *Цолоо Ж.* БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу / Ред. Х. Лувсанбалдан. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1988. XVI.
24. Янхунен 2005: *Янхунен Ю. Я.* Этапы изучения монгольских языков Куку-Нора // Исследователь монгольских языков (К юбилею Б.Х. Тодаевой). Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 236–246. (Серия «Калмыцкая интеллигенция»).
25. Janhunen 2004: *Janhunen J.* Sampling the Mongols of Gansu and Qinghai // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki. Vol. 90, 2004. P. 360–370.
26. Lüntü 1994: *Lüntü Ni.* Oyirad nutuу-un ayalyun-u üges-ün quriyangyui. Ed. Ch. Norjin. *Öbert Mongyol-un yeke suryayuli-yin keblel-ün qoriy-a*. 1994.
27. Poppe 1955: *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.
28. The Mongolic Languages 2003: Proto-Mongolic. Khamnigan Mongol. Written Mongol. Mongol dialects. Para-Mongolic // *The Mongolic languages*. Ed. by J. Janhunen. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group 2003. Pp. 1–56, 83–101, 177–192, 391–402. (Routledge Language Family Series 5).
29. Rogala 2010: *Rogala J.* Modern Oirat language in the Republic of Mongolia – still a language or a mixed dialect of Modern Mongolian? // *Altaica et Tibetica*. Anniversary Volume dedicated to Stanislaw Godzinski on His Seventieth Birthday / *Rocznik Orientalistyczny*; Faculty of Oriental Studies. University of Warsaw. T. LXIII. Z. 1. Warszawa: Dom Wydawniczy ELIPSA, 2010. P. 192–197.

Delyash Muzraeva

PROBLEMS AND TASKS OF FIELD RESEARCHES OF ETHNOTERRITORIAL GROUPS OF MONGOL SPEAKING PEOPLES (ON MATERIALS OF FIELD RESEARCHES IN WESTERN MONGOLIA IN 2015)

Abstract. *In this article the author considers the problems of the description of the Mongolian languages and ethnography of Mongol speaking peoples, and also questions of studying traditional book culture in its current state which are based on materials of expedition in Ubsunursky aimak of Mongolia in the summer, 2015.*

Keywords: *Mongolian languages, Mongol speaking peoples, field researches, ethnography, book culture.*

МОНГОЛ ХЭЛНИЙ БИЕЭР ТӨГСГӨХ НӨХЦӨЛИЙН ДАРААХ “–ДАА⁴” НЭМЭЛТ ХЭЛБЭРИЙН ИЛТГЭХ БАЙМЖ УТГА

Аннотация. В данной статье сделана попытка раскрыть значения употребления частицы (например: -даа⁴) в монгольском языке в шести условиях при повелительной форме глаголов со значением пожелания, совета, просьбы, подтверждения, требования и поручения.

Ключевые слова: конечная частица -даа⁴, служебные слова, повелительное наклонение, модальное значение

Энэхүү судалгаагаараа монгол хэлний биеэр төгсгөх нөхцөл буюу үйл үгийн төгсгөх нөхцөлийн үндсэн утганд нэмэлт утга оруулдаг зарим сул үгсийн илрүүлэх утгын онцлогийг өгүүлэхийг зорьсон юм.

Хэл шинжлэлд баймж утга илрүүлдэг хэлзүйн хэлбэржилтийг “үйл үгийн төлөв” хэмээдэг бөгөөд монгол хэлний үйл үгийн “цаг заах”, “захирах хүсэх” хэлбэр нь үйлийн бодит байдалд хандах баймж чанарыг илэрхийлдэг учраас ийнхүү төлөвт тооцогддог байна.

“Захирах хүсэх төлөв”-т хамаарагдах бүлэг нөхцөл нь “үйлийн биед хамаатуулах”, “өгүүлбэрийг төгсгөх граммем”, “үйлийн төгсгөх”, “үйлийн биеэр төгсгөх”, “үйлийн хамаатуулах” нөхцөл зэргээр нэрлэгдэж ирсэн байна.

Үйлийн төгсгөх нөхцөлүүд:

1. Эдгээр нөхцөлөөр хэлбэржсэн үйл үг ямагт өгүүлбэр төгсгөж төгс өгүүлэхүүн болдог.

2. Төрөл бүрийн баймж харьцаа заадаг.

3. Үйлийн төгсгөх нөхцөлүүд нь үйл үгийн бүтцийн эцсийн туйл болдог.

Орчин цагийн монгол хэлэнд баймж харьцааг үйлийн үндсэнд үйлийн төгсгөх нөхцөлийг залгаж нийлэг аргаар, сул (чимэх) үгсээр, мөн төрөл бүрийн аялгаар тус тус илрүүлдэг бөгөөд үлэмж бүтээлч, нарийн зүй тогтолтой нийлэг арга нь үйл үгийн төлөв юм. Тухайлбал, үйлийн биеэр төгсгөх нөхцөлөөр хэлбэржсэн үйл өгүүлэхүүний дараа төрөл бүрийн нэмэлт баймж утгыг илрүүлдэг үгс ордог байна. Эдгээр үгс нь тухайн өгүүлбэрт өгүүлэгчийн сэтгэлийн өнгө аясыг илтгэхэд нэмэлт үүрэг гүйцэтгэдэг тул “нэмэлт хэлбэр” ч гэж тодорхойлдог ба тухайн өгүүлбэрээр илрэх утгыг ялгах, ерөнхийлөх, батлах, магадлах, үгүйсгэх, эргэлзэх, тааварлах, төсөөлөх, хориглох зэргээр нэмэн дэлгэрүүлж баймж утгын судлалд чухал үүрэг гүйцэтгэдэг ажээ.

Эрдэмтэн судлаач Ц. Өнөрбаян “...өгүүлбэрийн баймж чанар нь өгүүлэхүүн чанартайгаа нарийн шүтэлцсэн харьцаатай бөгөөд цаг, бие, төлөв нь баймж чанартай хослон өгүүлэхүүн гишүүндээ төвлөрдөг” хэмээн дурдаад, цаг, бие, төлөвийн нөхцөлүүд нь баймж утга илтгэх байдлаараа харилцан адилгүйн нотолгоо бол үйлийн биеэр төгсгөх нөхцөлд баймж утга голлох үүрэгтэй байхад цагаар төгсгөх нөхцөлүүдэд дагалт шинжтэй байдаг байна. Ийм ч учраас өгүүлэхүүн гишүүнийг угтах ба дагах төрөл бүрийн баймж утгатай чимэх үгс үүсчээ” хэмээсэн сонирхолтой дүгнэлт хийжээ [Өнөрбаян 1996].

Үүнээс үзэхэд өгүүлэхүүний хэлзүйн хэлбэрээр илрэх баймж утга нь өргөн цар хүрээтэй байвал түүний дараа орох чимэх үгийн тоо цөөн байдаг нь тодорхой байна.

Монгол хэлний биеэр төгсгөх нөхцөл (-я, /-е, -ө/, -0, -аарай⁴, -аач⁴, -г, -уузай², -аасай⁴)-өөр хэлбэржсэн үйл өгүүлэхүүний дараа даа⁴, байз, аа⁴, л, уу², билээ зэрэг даган чимэх баймж үг гэсэн нэмэлт хэлбэрүүд цувран орж төрөл бүрийн утга илтгэдэг бөгөөд эдгээр нь тухайн нөхцөлийн дараа орохдоо **“биеэр төгсгөх нөхцөл + чимэх үг, баймж үг”** бүтэц бүхий загварыг үүсгэж эрчимжүүлсэн давхар утга илтгэдэг. Тухайн нэмэлт хэлбэрүүд заримдаа 3 давхарлан цуварч орох тохиолдол байх ба **“биеэр төгсгөх нөхцөл+чимэх үг; биеэр төгсгөх нөхцөл+чимэх үг, чимэх үг; биеэр төгсгөх нөхцөл+чимэх үг, чимэх үг, чимэх үг”** гэсэн бүтцийг үүсгэдэг ажээ. Гэхдээ биеэр төгсгөх 10 нөхцөлөөс –сугай², -гтун², -тугай² нөхцөлийн дараа дээр дурдсан нэмэлт хэлбэрүүдээс тохиолддоггүй байна. Мөн монгол хэлний биеэр төгсгөх нөхцөлүүд дангаараа баймж утга илтгэх нь цагаар төгсгөх нөхцөлөөс илүү боломжтой байдаг учраас тухайн нөхцөлийн дараа нэмэлт хэлбэрүүд харьцангуй бага тохиолддог ажээ. Үүнээс үзвэл, энэхүү нөхцөл нь I, II, III биед холбогдон гурван биеийг ялган зааж үйлийг төгсгөх бөгөөд өгүүлэгч этгээдийн хэлэх зорилго, аялгаас хамааран нөхцөл тус бүр өөрөө төрөл бүрийн баймж утга илэрхийлэхээс гадна хойноо даган чимэх үг авч эрчимжүүлсэн давхар утгыг илтгэдэг зэрэг олон онцлогтой байна.

Тухайлбал, үйлийн биеэр төгсгөх зарим нөхцөлөөр хэлбэржсэн өгүүлэхүүний дараа орж тодорхой баймж утга илтгэх үгийн баймж харьцааны талаар “-даа (-дээ, -доо, -дөө)” хэмээх чимэх үгээр жишээлэн авч үзье. Энэ чимэх үгийг монгол хэл шинжээчид гол төлөв “батлах сул үг” хэмээн нэрийдэж ирсэн. Харин академич Ш. Лувсанвандан “үгэлбэрийн онцлох нөхцөл” хэмээн тодорхойлсон байна. Эрдэмтэн судлаач П. Бямбасан дээрх ангилал дээр үндэслэн “дагаж магадлан онцлох чимэг” гэж ялган үзжээ [Бямбасан 2006]. Харин эрдэмтэн Ц. Өнөрбаян “...-даа (-дээ, -доо, -дөө)” чимэх үгээр батлах утга илэрдэггүй, харин хэлэгч этгээд өөртөө хандан

эргэцүүлэх хийсвэр баймж утга илэрнэ. Учир нь чимэх үгс нь өгүүлэхүүний дараа дангаараа орвол утга нь нэлээд тодорхой, харин давхарлан орвол хийсвэр бөгөөд нийлмэл утга илтгэнэ” хэмээн дурдсан байна [Өнөрбаян 1996]. Мөн монгол хэл судлаач, эрдэмтэн Ю. Мөнх-Амгалан “...өгүүлэхүүний хойно баймж үг, баймж сул үгийг үндсээр нь хамжуулан холбож тодорхой цуваанд цувруулан оруулснаар гол ба гол бус баймж утга –сэтгэлийн байдал илэрхийлэх харьцаа – яруу илтгэх харьцаа гэсэн шугамаар өгүүлэмжийн баймж утгын багтаамж, утгазүйн ачаалал ихсэн мэдээллийн цар хүрээ нь тэлэн өргөсч ирдэг байна” гэж тодорхойлжээ [Мөнх-Амгалан 1998].

Бидний авч үзэж буй үйлийн биеэр төгсгөх нөхцөлийн баймж утгын багтаамж их тул хойноо цөөн сул үг авч нэмэлт утга илтгэдэг ажээ. Үүнд:

Нэгдүгээр биеэр төгсгөх өөрөө зорин шийдэх утгатай –я /-е, -è/ нөхцөлийн дараа орох –даа⁴ чимэх үг нь тухайн үйлийг гүйцэтгэхээр баттай шийдсэн, шийдэн шаардсан, няцсан, шийдэн эргэлзсэн, дурамжхан шийдсэн зэрэг нэмэлт баймж харьцааг заадаг байна. Жишээ нь:

– Нарны эртэд хөдөлөе дээ, сайн сууж байгаарай. (Л.С.)

– “Олигтой боолт зүүлт байхгүй” гэж хэлэх гэснээ сэтгэлий нь зовоохоо больё доо хө гэж бодов. (С.У.)

– Надад ч олон найз байх биш дээ. (С.У.)

– Больё доо, би тэрийг чинь хийж чадахгүй. (Л.С.)

Хоёрдугаар биеэр төгсгөх захиран тушаах утга бүхий тэг нөхцөлийн хойно орох –даа⁴ чимэх үг нь зөвлөсөн, шаардсан, гуйн хүссэн, зөвшөөрч захирсан нэмэлт баймж утгыг илтгэдэг байна. Жишээ нь:

– За, Ганцэцэг минь арван хоног сангийн аж ахуйнуудаар яваад ир дээ, хэсэг эмч нар... гээд дуугүй болов. (Т.Б.)

– Хэлсэн, хэлээгүй яах вэ? Та гар даа. (З.С.)

– За ингээд хэвтээд бай даа, хөөрхий. (Д.У.)

Гуйн хүсэх утгатай –аарай⁴ нөхцөлийн дараах –даа⁴ чимэх үг нь хэлэх зорилго, аялга, сэтгэлийн хөдөлгөөнөөс шалтгаалан даалгах, ерөөх, шаардах нэмэлт утга илэрхийлнэ.

– Орой болоход мордоход бэлэн болоорой доо. (Н.Б.)

– Энэ хэргийг гүйцэтгэхэд завшааныг чадвартайгаар гаргаж өгсөн хүнд та бас баярыг хүргээрэй дээ. (Н.Б.)

– Юун сэнтэг хөгшин бэ гэж бүү бодоорой доо. (З.Б.)

Мөн шаардан хүсэх утгатай –аач⁴ хэмээх нөхцөлийн дараа орох –даа⁴ чимэх үг нь гуйн хүсэх, шаардах утгаар нэмэн дэлгэрүүлдэг байна.

– Алив намайг нэг өндийлгөөд орхиоч дээ, юм хэлмээр байна. (О.Ц.)

– Эгиймаа минь, чи намайг итгээч дээ! хэмээн уйлан алдан дуу нь тасалдав. (С.Ж.)

- Биднийг бүгдийг нь нүүлгэж аваад яваач дээ. (Н.Н.)
- Битгий уйлаач дээ, уурхайч хүүтэй байхад гутамшигтай юм ер алга.

(З.С.)

Гуравдугаар биеэр төгсгөх зөвшин хүсэх утгатай –г; мөрөөдөн хүсэх утгатай –аасай⁴ нөхцөлүүдийн дараа –даа⁴ чимэх үг орсноор зөвшөөрсөн, ерөөсөн, машид хүсэн мөрөөдсөн, эсвэл мөрөөдөж цөхөрсөн нэмэлт баймж утгыг ч илтгэдэг ажээ.

- Өөрөө надтай уулзаг дээ. Ярилцаж байж болъё хэмээн дарга залуу хэлэв. (Ш.В.)

- Нэг нэгэндээ үг хэлээр ч болов нэмэр жийрэг болог доо гэхдээ хүүгээ явуулчихсан юм. (Б.Б.)

- Энэ эгч, энэ эгчийн түлсэн гал хоёр таныг дулаацуулаг дээ. (Д.М.)

- Энэ тэнгэрийн муухайд саадгүй л яваад хүрээсэй дээ гэж амандаа ганцаар ярин гэр өөдөө хандав. (С.Д.)

- Бушуухан наадам нь болоосой доо билээ, энэ хүүгийн сэтгэлийг нэг амраах юмсан. (С.У.)

- Надад ийм сайхан авъяас байдаг ч болоосой доо. (С.У.)

Дээрхээс үзэхэд, монгол өгүүлбэрийн захын бүтцэд хамаарах нэмэлт хэлбэрүүдийн дотроос дангаар орсон –даа⁴ чимэх үг нь биеэр төгсгөх 6 нөхцөлийн дараа даган утгыг нэмэн дэлгэрүүлж байгаа нь төрөл бүрийн баймж утга илтгэн мэдээллийн агуулгыг улам баялаг, олон талтай, яруу сайхан болгодог, хэрэглээний хувьд илүү үүрэгтэй, бүтээлч болох нь харагдаж байна.

Мөн үйлийн биеэр төгсгөх нөхцөлүүдэд баймж утга голлодог тул зарим нөхцөлд цөөн тооны чимэх үг дагалдан нэмэлт утга илрүүлжээ.

Биеэр төгсгөх нөхцөлөөр хэлбэржсэн өгүүлэхүүний дараа орсон даган чимэх үг бүхий өгүүлбэрийн дийлэнх хувь нь гуйсан, хүссэн, зөвшөөрсөн утга голлож, зөвлөсөн, шаардсан, цөхөрсөн утга нь дагалт шинжтэй байна.

Түүнчлэн –я, –е, –ё нөхцөлийн дараа –даа⁴ хэлбэр илүү олон тохиолдож байгаа нь тухайн нөхцөлийн дангаараа болон нэмэлт хэлбэрээр илрүүлэх баймж утгын багтаамж бусдаасаа их байна гэж үзэж байна.

Үүний адилаар бусад нэмэлт хэлбэрүүд биеэр төгсгөх нөхцөлийн дараа орж нэмэлт утга хэрхэн гаргаж байгааг хойшид дэлгэрүүлэн тайлбарлах болно.

Монгол хэлний өгүүлбэрийн бүтэц, утгын багтаамж, мэдээллийн цар хүрээ нь төвөөс зугтах чиглэлээр буюу өгүүлэхүүний дараа янз бүрийн нэмэлт хэлбэр дагуулахад улам өргөжин тэлдэг байна. Өөрөөр хэлбэл өгүүлбэрийн бүтцэд янз бүрийн оруулбар болон нэмэлт хэлбэр ороход өгүүлэмжийн бүтэц задарч утга нь баяжин мэдээллийн хүрээ тэлэх бөгөөд үүрэг нь тодорхой болдог ажээ.

Дүгнэлт

Монгол хэлний биеэр төгсгөх нөхцөл буюу үйлийн төгсгөх нөхцөл нь нэг, хоёр, гуравдугаар биед хамаатаж тодорхой утга илтгэхээс гадна тухайн нөхцөлийн дараа зарим сул үг орж тухайн өгүүлбэрийн илтгэх утгыг өргөн цар хүрээтэй болгон тэлдэг байна. Энэхүү өгүүлэлдээ жишээ болгон –даа⁴ хэмээх сул үгийг авч үзсэн бөгөөд гуйсан, хүссэн, зөвшөөрсөн утга нь голлож, баталсан, эргэлзсэн, зөвлөсөн, даалгасан, ерөөсөн, мөрөөдсөн, шаардсан, цөхөрсөн зэрэг утгууд дагалдан үүсдэг ажээ. Өгүүлбэрийн цөм утгыг хадгалж байдаг өгүүлэхүүн гишүүний дараа орж нэмэлт утга илрүүлж байгаа сул үгс нь тухайн өгүүлбэрийн өгүүлэмжийн агуулгыг баяжуулж, олон нэмэлт баймж утгыг илэрхийлдгээрээ онцлог талтай юм.

Ном зүй

1. Бямбасан 2006: Бямбасан П. Монгол хэлний онол, бүтцийн асуудалд. УБ., 2006.
2. Мөнх-Амгалан 1998: Мөнх-Амгалан Ю. Орчин цагийн монгол хэлний баймжийн ай. УБ., 1998.
3. Өнөрбаян 1996: Өнөрбаян Ц. Орчин цагийн монгол хэлний өгүүлбэрийн баймж чанар ба зарим чимэх үгийн утга, байр. МУБИС. Монгол хэл шинжлэл. 1996. №1.

Монголын орчин үеийн уран зохиолоос:

1. Банзрагч Н. “Сүүлчийн буу дуу”
2. Бааст Б. “Бэлтрэг Дорж”
3. Баатар Т. “Хайр”
4. Баттулга “Хүүхэн заяа”
5. Ванчаарай Ш. “Хүний мөс”
6. Дашдооров С. “Өндөр ээж”
7. Жаргалсайхан Сан. “Хайрын өглөө”
8. Маам С. “Газар шороо”
9. Надмид Н. “Хүний тавилан”
10. Сандагаа З. “Эр бор харцага”
11. Сандагаа З. “Хүний ганц”
12. Содов Л. “Заяа тавилангийн орчлон”
13. Урианхай Д. “Учрахуй, хагацахуй”
14. Удвал С. “Их хувь заяа”
15. Цэндсүрэн О. “Халуун салхи”

М. Otgonbayar

MODAL MEANING EXPRESSED BY AUXILIARY PARTICLE -DAA⁴ WITH IMPERATIVE VERBAL FORMS

Abstract. *This article is an attempt to reveal the meaning of particles (-daa⁴) in the Mongolian language in six positions with the imperative form of the verb. The meaning conveyed is: suggestions, advice, requests, confirmations, requirements and instructions.*

Keywords: *finite particle -daa⁴, auxiliary words, imperative, modal meaning*

ПАДЕЖНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ В СТАРОСИБИРСКОМ ОЙРАТСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Аннотация: В статье проанализирована морфология образования падежей в старосибирском ойратском диалекте XVIII в. Выявлено алломорфное варьирование их показателей. Определено место старосибирской ойратской падежной системы среди систем других северомонгольских языков.

Ключевые слова: ранние монгольские транскрипционные тексты, старосибирский ойратский диалект, падежные показатели.

Среди монгольских памятников XVII–XVIII вв. особую группу составляют транскрипционные тексты, записанные иностранцами. Несмотря на фонетические неточности и нередкие грамматические ошибки, они представляют большую ценность для науки, ибо избежали влияния многовековой письменной традиции и непосредственно отражают разговорную речь времени своего создания.

Помимо ранних форм калмыцкого, бурятского и собственно монгольского языков, среди таких записей обнаружены памятники, представляющие особый староойратский диалект, который, судя по географии записей, был в то время распространен в южной Сибири [Понарядов 2014]. Пока что обнаружено три таких памятника, причем определение их языка для самих оставивших их европейских авторов представляло определенную проблему: голландский ученый Н. Витсен называет его «даурским» [Witsen 1705, р. 68–73; ср. Найнал 1994; Омакаева, Бурыкин 2008], немецкий путешественник Г. Й. Гмелин «бурятским» [Kara 1966], а русский переводчик Посольского приказа П. И. Кульвинский просто «монгольским» [Рерих, Шастина 1960]. Вместе с представленными в этих памятниках общеойратскими особенностями наиболее заметным языковым явлением, позволяющим выделять их диалект как отдельную лингвистическую сущность, является регулярное развитие в нем древнего «долготного комплекса» *-ауи-* в долгий гласный *-ō-* (в то время как в синхронных калмыцких, бурятских и собственно монгольских записях на его месте уже появляется современный гласный *-й-*) [Понарядов 2014, с. 295].

Объем представленных в этих памятниках лингвистических материалов невелик, поэтому не все падежные показатели в них хорошо представлены. Отсутствуют примеры на употребление соединительного и направительного

падежей, и лишь один не вполне надежный пример имеется на употребление исходного падежа. Однако родительный, дательно-местный, винительный, орудный и совместный падежи засвидетельствованы очень хорошо, включая аллофоническое варьирование их показателей в зависимости от исхода лексической основы.

Приведем весь имеющийся в наличии материал. Поскольку оригинальные записи (составленные неадаптированным латинским алфавитом у Витсена и Гмелина, тибетским письмом у Кульвинского¹) фонетически несовершенны, после них в косых скобках дается предполагаемая фонематическая транскрипция рассматриваемых слов и фраз. Примеры из текстов Витсена, Гмелина и Кульвинского отмечены соответственно буквами В, Г и К.

Родительный падеж образуется с помощью суффиксов *-in*, *-ai/-ei*, *-ī*, *-n*:
-in (после согласных, кроме *n*): В *kolin tabak* /kōlin tabay/ 'плоскости ступни'; *kolin oezegey* /kōlin ös(ö)gei/ 'пятки'; К *apre-'in*, *i'i-pa-ri[n]*, *ip-rin* /ewrīn/ 'свой', *dur-min* /dūr(е)mīn/ 'высшего качества';

-ai/-ei (после *n*, один раз после *x*): В *manay* /manai/ 'мой'; *tere, keneu, koemin, kama, odoenay* /tere kenei kümün, kāmā odunai/? 'какой народ ездит там?'; *bi, tschiney, sain, toerki marthachoe, oegey* /bi činej sajn keregī martaxu ügei/ 'я не позабуду ваших хороших дел'; Г *urtu zachai* /uridu zachai/ 'южной стороны'; К *mā-na-yi, ma-na'i, mā-na'i* /manai/ 'наш', *tha-na'i, thā-na'i* /tanai/ 'ваш';

-ī (после *n*): В *jetschegeymeni* /ecegei minī/ 'мой отец'; *tschini* /čini/ 'твой'; *mani geretschi, baine* /manī gereči baiŋa/ 'у меня есть свидетели'; К *khā-ni, khān-nī* /xānī/ 'царя', *či-ni'i, čhī-ni, čhi-ni* /čini/ 'твой', *mi-ni'i* /minī/ 'мой';

-n (после дифтонгов): В *nochin, koin* /похоiŋ kōŋ/ 'собачий сын'.

Дательно-местный падеж образуется с помощью суффиксов *-du/-dū*, *-tu/-tū*: В *tschiridoe mordoba jere* /čirigtū mordoba ere/ 'мой муж уехал на военную службу'; *tschamadoe eme baynoe?* /čamadu eme bain-ū/ 'есть ли у вас жена?'; *jendo olon tolonay?* /yōndu olon tolonai/ 'почему вы считаете так много?'; *setkil tschamadoe baynoebi?* /sedkil čamadu bain-ū/ 'есть у вас ум?'; *setkil tamgatoe oegey* /sedkil tenegtū ügei/ 'у сумасшедшего нет ума'; *bida tschamadoe karanay oegey* /bida čamadu xaranai/ 'я вас не оскорбил'; *tschamadoe io koemaldoechoe baine?* /čamadu yō gömöldüxü/ 'что вы продаете?'; *joendo oelganay?* /yōndu ülyanai/ 'по-

¹ Примеры из записанного тибетским письмом текста П. И. Кульвинского ниже цитируются в романизированной передаче по [Рерих, Шастина 1960]. Следует отметить, что Кульвинский не всегда следует обычным правилам тибетской орфографии: употребляет знаки придыхательных согласных в конце слога, часто пропускает разделяющую слоги точку и др. Романизованная передача сохраняет все эти особенности.

чему вы плачете?»; *tandoe* /mandu/ ‘у меня’ (букв. ‘у нас’); *tschamadoe* ‘у вас’ (букв. ‘у тебя’); *jundo ireboe?* /yūndu irebe/ ‘почему вы идете?»; *ju, tschamadoe koetaldoe, bayne?* /yū čamadu xudalduxu baina/ ‘что у тебя есть продать?»; *bida, jamar sain, tschamadoe, oedzeba?* /bida yamar sain čamadu ačiba/ ‘чем мы вам заплатим за ваш товар?’ (букв. ‘какого хорошего мы вам нагрузим?’); *tana, tere koeminoedoe, soergoeba* /ta nar tere kümündü suryaba/ ‘вы хорошо учили этого человека’; *tschikendoe, keleksen?* /či kendü kelegsen/ ‘кому вы говорите?’ (букв. ‘кому ты говоришь’); *tandoe jadzi, irebe oegey?* /mandu yāji irebe ügei/ ‘почему вы никогда к нам не заходите?’; *Г arichin dogalfaba* /arxindu galzaba/ ‘опьянел от вина’; *adon doni* /adūndu-ni/ ‘среди коней’; *termedene* /termedü-ni/ ‘на стеной решетке (юрты)’; *K hañ-du* /xāndu/ ‘хану’; *čhi-ma-du, čha-mā-du, čha-ma-du, čhā-mā-du* /čamadu/ ‘тебе’; *khān-du, khañandu* /xāndu/ ‘царю’; *pičhikhthu* /bičigtü/ ‘в письме’; *Mos-ko-wa-du* /moskwadu/ ‘в Москве’; *è-čhi-gendu* /ecigendü/ ‘отцу’; *nu-tukh-thu* /nutuγtu/ ‘в область’; *Tho-pol-du* /toboldu/ ‘в Тобольск’; *thu-rel-tu* /töröldü/ ‘родичам’; *il-čhi-du* /ilčidü/ ‘послу’; *sa-ra-tu* /saradu/ ‘в месяц’.

Исключение составляет личное местоимение 1 л. ед. ч., всегда имеющее в дат.-мест. падеже форму /nada/: *B nada sain ketsch* /nada sain ki čī/ ‘сделай мне добро’; *nada atza* /nada ači/ ‘дай (букв. нагрузи) это мне’; *bainoenadatschamayjum kelekoe* /bajñaj nada čamaj yūm kelekü/ ‘у меня есть о чем поговорить с вами’; *K nā-da, na-da, na-dā, nā-dā* /nada/ ‘мне’.

Винительный падеж образуется с помощью суффиксов -ī, -i:

-ī (после согласных): *B bi, teoeni, medekoe, ogey* /bi tōñi medekü ügei/ ‘этого я не могу сделать’; *bi, tschiney, sain, toerki marthachoe, oegey* /bi činei sain keregī martaxu ügei/ ‘я не позабуду ваших хороших дел’; *Г abe töne baritŕche* /abu, tōñi bari čī/ ‘отец, пойми это’; *K čār-lā-gā'i* /zarliyi/ ‘указ’;

-i (после гласных): *B oeran, soerga, namay, nom bitschik* /uran, surya namai nom bičig/ ‘учитель, научите меня читать и писать’; *bainoenadatschamayjum kelekoe* /bajñaj nada čamaj yūm kelekü/ ‘у меня есть о чем поговорить с вами’ (букв. ‘у меня есть тебя что-то сказать’).

Орудный падеж образуется с помощью суффикса -ār/-ēr:

K čār-likhar /zarliyār/ ‘по указу’, *u-ner* /ünēr/ ‘верно’.

Совместный падеж образуется с помощью взаимозаменяемых суффиксов -tai/-tei и -tu/-tü:

-tai/-tei: *B koedinasittay dzonbayne?* /keden nasutaj bajña/ ‘сколько вам лет?’; *odo kerektey* /odō keregtei/ ‘мне сейчас нужно’; *K thu-re-the-yi* /töröltei/ ‘с родичами’, *khe-khe-the'i* /xūxedtei/ ‘с сыновьями’, *sā-yi-the'i* /saidtei/ ‘со служилыми людьми’, *no-khor-the-yi, ne-kher-the'i* /nōhörtei/ ‘с товарищами’, *mo sa-nā-tha'i čī-rikhte'i* /mō sanātai cerigtei/ ‘с коварными врагами (букв. воинами)’, *thā-na'i nu-thukh-ta'i* /tanaj nutugtai/ ‘с твоим (букв. вашим) владением’;

-tu/-tü: *B koiney kerektoe /xoiŋa keregtü/* ‘мне потом нужно’; *jarta morin / yartu morin/* ‘лошадь под седлом’¹; *K pakhsidu /baʃitu/* ‘с наставником’.

В целом система падежных показателей в старосибирском ойратском диалекте XVIII в. являет собой переходную стадию развития от среднемонгольского состояния к состоянию современных северомонгольских языков. Однако для него характерно также развитие некоторых специфических инноваций, которые в других монгольских идиомах не встречаются или встречаются редко. В частности, если показатель винительного падежа -i, используемый после согласных, представляет собой среднемонгольский архаизм, ныне полностью утраченный в ойратском ареале (хотя и сохраняющийся в некоторых современных собственно монгольских и бурятских диалектах), то употребляющийся после гласных показатель этого падежа -i̇ находит параллели лишь в хамниганском [Janhunen 2003, p. 89]. Совместный падеж образуется не только показателями -tai/-tei, как во всех современных северомонгольских языках, но и -tu/-tü. В среднемонгольскую эпоху с помощью обоих этих суффиксов образовывались прилагательные, причем последний из них сохраняет эту функцию и в современных северомонгольских языках, а старосибирский ойратский диалект, как видим, обнаруживает особую линию развития, сочетая их в падежной парадигме.

Таким образом, несмотря на большую близость рассмотренной системы падежных показателей к другим северомонгольским системам, некоторые ее детали являются своеобразными. Это позволяет дополнить фонетические и лексические критерии выделения старосибирского ойратского диалекта морфологическими.

Список литературы

1. Омакаева, Бурыкин 2008: Омакаева Э. У., Бурыкин А. А. Материалы по дагурскому языку XVII в. из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Татария» как лингвистический источник // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2008, № 1. С. 47–56.
2. Понарядов 2014: Понарядов В. В. Об одном забытом староойратском диалекте XVIII века // Материалы Международной научной конференции «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики», посвященной 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В.И. Рассадина (Элиста, 10–13 ноября 2014 г.). Элиста, 2014. С. 294–296.

¹ В старосибирском ойратском диалекте /yar/ ‘седло’ < тюрк.; ср. казах. уер, таг. iyär и др.

3. Рерих, Шастина 1960: *Рерих Ю. Н., Шастина Н. П.* Грамота царя Петра I к Лубсан-тайджи и ее составитель // Проблемы востоковедения, 1960, № 4. С. 140–150.
4. Hajnal 1994: *Hajnal L.* Witsen's «Dagur» material // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, T. XLVII, 1994, Fasc. 3. P. 279-326.
5. Janhunen 2003: *Janhunen J.* Khamnigan Mongol // The Mongolic Languages. London; New York, 2003. P. 83–101.
6. Kara 1966: *Kara G.* Un chanson «bouriate» du XVIIIe siècle // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, T. XIX, 1966, Fasc. 2. P. 201–210.
7. Witsen 1705: *Witsen N.* Noord en Oost Tartaryen. Eerste deel. Amsterdam, 1705.

V. V. Ponaryadov

CASE MARKERS IN THE OLD SIBERIAN OIRAT DIALECT

Abstract: *The article analyzes the morphology of case marking in the 18th century Old Siberian Oirat dialect. The allomorphic variation of case suffixes is determined. The place of the Old Siberian Oirat case system among the systems of other North Mongolian languages is established.*

Keywords: *early Mongolian transcriptional texts, Old Siberian Oirat dialect, case markers.*

ДВА МОНГОЛЬСКИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТА XIX В.

***Аннотация.** В статье приведены транслитерация и комментированный перевод двух служебных писем монгольских чиновников, датированных первой третью XIX в. Оба документа были привезены из Монголии А. М. Позднеевым. Их рукописные копии в 1898 г. были изданы Г. Ц. Цыбиковым в сборнике материалов, предназначенном в качестве учебного пособия по курсу практического монгольского языка. Ни то, ни другое письмо до сих пор не подвергались текстологическому или источниковедческому анализу. Вместе с тем, с точки зрения организации текста, эти документы представляют собой характерные образцы монгольской служебной переписки XIX в., а их содержание насыщено малоизвестными фактами о взаимоотношениях между властями северомонгольских хошунов и административными институтами, управлявшими шабинарами, приписанными к казне Джебзун Дамба-хутухты.*

***Ключевые слова:** официальные документы, монгольская администрация периода Империи Цин, А. М. Позднеев, Г. Ц. Цыбиков, халхаские хошуны, шабинары Джебдзун Дамба-хутухты.*

Документация многочисленных административных учреждений, существовавших в Северной Монголии в период ее пребывания в составе Империи Цин, составляет уникальную категорию исторических источников. Государственные законы, распоряжения властей, официальная переписка содержат в себе гигантский массив разнообразных сведений о жизни монгольского общества в конце XVII – начале XX в. Чиновники, составлявшие эти документы, в силу служебных обязанностей ежедневно собирали, систематизировали и передавали по инстанциям информацию о событиях, происходивших и в административных центрах, и в буддийских монастырях, и в сельской глубинке. Неудивительно, что ни одна из сфер современной им общественной действительности не прошла мимо их внимания. В текстах официальных бумаг за скупыми, следующими правилам казенного документооборота формулировками нередко проглядываются детальные подробности прошлой жизни и образы давно ушедших в небывшие людей с их устремлениями, заботами и переживаниями.

Первые публикации монгольских официальных документов были приняты отечественными монголоведами в конце XIX – начале XX в. Тогда

вышли в свет несколько сборников их копий. Они предназначались в качестве учебных пособий по курсам практического монгольского языка, которые читались в Санкт-Петербургском университете и Владивостокском Восточном институте профессором А. М. Позднеевым и его учеником Г. Ц. Цыбиковым [Позднеев 1883; Цыбиков 1907; Цыбиков 1908]. Вместе с тем, с академической точки зрения, значение этих публикаций далеко выходит за рамки обычного издания хрестоматийных материалов. Приведенные в них тексты образцов служебной документации во многом уникальны и единичны. При этом они насыщены многочисленными, зачастую малоизвестными сообщениями об административных, судебных, фискальных, имущественных, семейных отношениях в монгольском обществе в середине XVIII – второй половине XIX в. Однако возможность использования упомянутых нами сборников официальных документов в качестве исторических источников до сих пор остается лишь потенциальной. Ни отечественные, ни зарубежные исследователи не обращались к их источниковедческому изучению. Данная статья призвана сделать первый шаг к тому, чтобы вернуть эти ценные материалы по монгольской истории из незаслуженного забвения.

В качестве объекта для анализа нами выбран сборник монгольских официальных бумаг из коллекции А. М. Позднеева, изданный Г. Ц. Цыбиковым в 1898 г. [Цыбиков 1898]. В него вошли рукописные копии 32-х различных по тематике служебных распоряжений, донесений и докладов, датированных началом, серединой и концом XIX в. Сборник издан типографским способом, монгольские тексты включенных в него документов переписаны рукой Г. Ц. Цыбикова. Им же на русском языке составлен раздел «Содержание бумаг» [Цыбиков 1898, с. 76–77], в котором приведено краткое описание содержания каждого из вошедших в сборник образцов казенной документации. Два из них, по жанру представляющие собой казенные депеши (№№ XXII и XXIV по принятой издателем сборника порядковой нумерации), заинтересовали нас особо. Латинская транслитерация и комментированный перевод обоих документов приведены ниже. Построение их текстов, как, впрочем, и всех монгольских служебных писем того времени, в плане стилистики, терминологии, правил и порядка изложения содержащихся в них сведений опирается на нормы, действовавшие при составлении официальных бумаг в китайской бюрократической традиции¹.

Хотя авторство рассматриваемых нами писем принадлежит чиновникам двух разных подразделений государственного аппарата, они имеют один и тот же адресат, близки по датировке (первая треть XIX в.) и посвящены сходной тематике. И в той, и в другой депеше речь идет о малоизвестных особенностях взаимоотношений между хошунами Туше-

туханского аймака Северной Монголии (Халхи) и административными институтами, управлявшими имуществом буддийских монастырей и священнослужителей, а также приписанными к последним податными. Поиски оригиналов писем в архивных фондах Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, где в основном хранятся коллекции монгольских официальных документов, собранные А. М. Позднеевым, не принесли нам позитивных результатов. Впрочем, нет никаких оснований сомневаться в том, что при издании копий образцов монгольской служебной переписки Г. Ц. Цыбиков во всех случаях обеспечил их полное текстуальное сходство с оригиналами².

Документ XXII. Указание определенных мест для кочевьев шабинаров (с. 57–58)³

//57// Qalq-a-yin dumdaduki čirig-i ĵakiraqu tusalayči ĵangĵun arban ĵerge temdeglesen ĵasay-un törö-yin beyile. tusalayči tūsimed-ün bičig.

Jarliy-iyar ergümĵilegsen sasin-i mandayulqu amitan-i ĵiryaŷuluyči ĵibĵungdamba blam-a-yin kürien-ü kereg-i sitgekü šabinar-i bügüde ĵakiruyči erdeni šangĵotba sang-un qamuy kereg-i bayičayan ĵakiraqu ĵasay-un ulus-tur tusalayči güng da lamanar-dur ergün ilegebe. medegülün yabuyulqu učir. edüge man-u qosigun-u nutuytu sayuĵu bui erkim šabi siülengge sining-ün nigen otoĵun kümün nutuy-un dotor durabar tarqaĵu nutuyĵan aqui-dur ken-iyen tedен-ü onoydayсан alba ba ĵiči ulay-a onoyolqu ĵerge ĵüyil-dür alusulaqu-yin //58// tedüi ügei. qarin qosigun-u olan arad-luy-a neng qoličaldun ĵiyuruldan aĵu arsar kereg učir edükü böged ali nigen anu nutuyĵaqu-dur erkebiŷi tasuldan alba kereg-tür tusa ügei anu бүкүй-yin tulada. edüge-eče ekilen šabinar-i man-u nutuy-un ĵegün eteged ĵiq-a җаҗар-uud-yiar nigen ĵalay-a-bar nutuyĵayulun urida-yin adali tedен-ü öber öber-ün ĵoriy-iyar tarqaĵu nutuyĵayulqu ügei bolyasuyai kemen yabudal-i

erdeni šangĵotba güng da lamanar tan-a medegülün yabuyuluyad šabi siülengge sining-dür uqayulĵu tusiyalayad tegün-ü bey-e qariyatu nutuy-un šabinar-i abču bügüdeger nutuy-un ĵegün ĵiq-a-yin dotor-a nutuyĵayulun aĵu törögülsügei. egün-ü tula ergün ilegebe:

Письмо *хошунного правителя торийн-бэйлэ*⁴, состоящего в должности военного помощника сеймового страшины⁵, начальствующего над войсками центрального направления⁶, имеющего в послужном списке шестнадцать отметок об особых отличиях, и чиновников его хошунной канцелярии.

Настоящим с почтением обращаемся к эрдэни шандзотбе⁷, управляющему делами монастырей и распоряжающемуся шабинарами⁸ Джебдзун Дамба-ламы⁹, возведенного в сей сан высочайшим указом, возвышающего религию и приносящего радость и блаженство всем живым существам, к

владельческому улус-дур туслагчи гуну¹⁰, в чьем ведении состоит надзор и заведование казной сего высокочтимого хутухты, и к да-ламам¹¹.

Причины, побудившие нас направить настоящее отношение, состоят в следующем. Ныне в кочевьях нашего хошуна размещается отог¹² шуленги¹³ Синина, относящийся к ведомству шабинаров Джебдзун Дамба-хутухты. Народ из сего отога, расселившись в наших угодьях, разбрелся в них по собственному произволу. Для всех помянутых шабинаров вошло в обычай уклоняться от несения причитающихся им повинностей и от нарядов на казенный извоз¹⁴. К тому же по установившемся среди них обыкновению они в изрядном беспорядке перемешались с людьми, кои принадлежат к подведомственному нам хошуну¹⁵. Поскольку подобное положение дел не приносит пользы в делах, относящихся к несению обязательных для исполнения государственных служб, постольку мы настоящим доводим до сведения ваших превосходительств эрдэни шандзотбы, гуна и да-лам прошение о том, чтобы шабинары впредь были побуждены вами кочевать одним единым сообществом на землях по западному пределу нашего хошуна и не разбредаться, как прежде, повсюду по собственной воле. Просим вас указать шабинарскому шуленге Синину, дабы он собственным тщанием собрал воедино шабинаров из подведомственного ему отога и водворил их на жительство к западному пределу наших земель. В сих видах направляем настоящее отношение на ваше благоусмотрение.

Документ №XXIV. О перечислении в шабинары (с. 59–60)

//59// ʃasay-un terigün ʃerge tayiji baʃarsida-yin tamay-a-yi qamiyaruysan tusalayči tayiji yomboʃab tüsimed-ün bičig:

ʃarliy-yiar ergümjilegsen sasin-i mandayulqu amitan-i ʃiryayuluyči jibjungdamba blam-a-yin kürien-ü kereg-i //60// sitgekü šabinar-i bügüde ʃakiryuyči erdeni šangjotba. sang-un qamuy kereg-i bayicayan ʃakiraqu ʃasay-un ulus-tur tusalayči güng da lamanar tan-dur ergün ilegebe. medegülükü-yin učir. edüge man-u qosiyun-u arad kesig-tü-yin medegülügsen yajar-a. bi öber-ün köbegün lama lubsangyaldan-i degüü keüken süli-yin qamtu nige erüke qoyiar ama-yi qorin qoyiar boda arban tabun qonin-u qamtubar

Gegegen tan-a ergüjü šabi bolʃay-a kemen sanaysan bile kemen yuyuyusan-i yosuyar bolʃaju egün-i erdeni šangjotba. güng. da lama-nar tan-a medegülün egün-ü tula ergün ilegebe:

trö gereltü arban tabuduyar on qoyiar sara-yin yučin-a:

Письмо туслагчи-тайджи¹⁶ Гомбожаба, исполняющего должность управляющего хошуном тайджи 1-й степени Бадзаршида¹⁷, и чиновников его хошунной канцелярии.

Настоящим с почтением адресуемся к эрдэни шандзотбе, управляющему делами монастырей и распоряжающемуся шабинарами Джебдзун Дамба-ламы, возведенного в сей сан высочайшим указом, возвышающего религию и приносящего радость и блаженство всем живым существам, к владетельному улус-дур туслагчи гуно, в чьем ведении состоит надзор и заведование казной сего высокочтимого хутухты, и к да-ламам. Причины, побудившие нас направить настоящую депешу, состоят в следующем. Ныне арат из нашего хошуна по имени Хишиг обратился к нам с прошением, в коем сказано: «Я вознамерился поднести в дар его святейшеству Джебдзун Дамба-ламе и обратиться в шабинаров одно податное семейство¹⁸ из двух душ – собственного моего сына ламы Лувсангалдана вместе с младшей моей дочерью Сули, при коих имеются 22 бодо¹⁹ скота и 15 голов овец». Решено было поступить согласно тому, что испрошено²⁰, о чем настоящим с почтением доводим до сведения ваших превосходительств эрдэни шандзотбы, гуна и да-лам.

30-го дня второго месяца 15-го года правления под девизом Торо Гэ-рэлту²¹.

¹ Прежде всего, речь идет о нормах составления докладов жанра «цзоучжэ» (奏折), которые представлялись по каждодневным, оперативным и срочным вопросам нижестоящими административными инстанциями в адрес вышестоящих (вплоть до императора).

² Косвенным подтверждением сказанному может служить сопоставление с оригиналами иных вошедших в рассматриваемый нами сборник документов, которые не являются предметом исследования в данной статье. К числу таких документов, например, принадлежит распоряжение цинских имперских властей, запрещающее переносить повинности, причитающиеся с одного аймака на другой (№ XXV по принятой в сборнике порядковой нумерации, [Цыби-ков 1898, с. 60–61]). Его оригинал обнаружен нами в монгольском фонде отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН в составе хранящегося там собрания выписок из текстов официальных бумаг XVIII–XIX вв., сделанных в Монголии специально для А. М. Позднеева [sayisiyaltu irügel'tü-yin yurbaduyar on, л. 35a].

³ Римская цифра указывает место документа в порядковой нумерации, присвоенной ему издателем сборника. Заглавие документа приведено в соответствии с разделом «Содержание бумаг». В скобках указаны номера страниц, на которых расположен документ.

⁴ Документ составлен чиновниками канцелярии одного из хошунов Тушетуханского аймака Халхи от имени *управлявшего этим хошуном с 1790 по 1816 г.*

князя 3-й степени (монг.: *törö-yin beyile*, кит.: 多罗贝勒) Гомобоцэрэна. Генеалогию аристократического рода, к которому он принадлежал, см.: [Шархуу 1984, р. 177].

⁵ Должности помощников сеймовых старшин, ведавших военно-административными делами (монг.: *tusalayči jangjun*; кит.: 副将军), были учреждены в северомонгольских аймаках в 1724 г. указом императора Юнчжэна [Qianlong chao «Lifanyuan zeli» 1988, с. 96; Позднеев 1883а, с. 312]. Первоначально назначенным на эти должности монгольским князьям было вверено командование войсками халхаских аймаков, но только в военное время и только теми контингентами, которые состояли на действительной службе и не числились в резерве. В дальнейшем полномочия аймачных туслагчи-цзянцзюней были существенно расширены. Они были дополнены обязанностями по постоянному контролю за поддержанием боеготовности халхаского ополчения, в котором числилось все служилое население («сомонные люди»; монг.: *suman-u arad*, кит.: 苏木兵丁), в мирное время пребывавшее в местах постоянного жительства. основополагающим кодексом цинских законов «Дай Цин хуэйдянь» (大清会典), в редакции относящейся ко временам правления императора Цзяцина (1796–1820), статус интересующей нас чиновной должности был определен следующим образом: «В каждом из четырех халхаских аймаков назначить по одному помощнику старшины сейма по военным делам и к каждому из указанных сановников по одному заместителю (монг.: *kebei jangjun*; кит. 参赞). В двух крыльях [западномонгольских. – А. П.] дурбэтов установить по одной должности помощника старшины по военным делам. Для сего представить на высочайшее благоусмотрение списки всех состоящих в вышеупомянутых аймаках и крыльях правителей хошунов, на основании коих испросить императорский указ о назначении из их числа сановников на перечисленные должности. Сим сановникам вменить в обязанность ежегодные проверки состояния войск и воинского оружия в каждом из хошунов. При отсутствии назначений на должности помощников старшин по военным делам и их заместителей обязанность по проверке состояния войск возложить на сеймовых старшин, а при отсутствии назначений на должности последних – на правителей подлежащих хошунов» [Jiaqing chao Lifanyuan ziliao 1988, с. 78]. Аймачные туслагчи-цзянцзюни находились в непосредственном подчинении цинских наместников в Северной Монголии и в военно-административной области имели полномочия, равные по значению правам и обязанностям старшин сеймов. За исполнение своих должностей военные помощники сеймовых старшин (как и сами старшины) не получали специального вознаграждения. Жалованье от цинской казны им назначалось сообразно аристократическому титулу наравне с прочими хошунными правителями [Содномдагва 1961, с. 56, 57].

⁶ Воинские контингенты, за формирование которых отвечал Тушетуханский аймак, в цинской административной терминологии именовались «*халхаскими войсками центрального направления*» (монг.: *Qalq-a-yin dumdadaki čirig*; кит.: 喀尔喀中路军).

⁷ *Эрдэни шандзотба* (монг.: *erdeni šangjotba*; кит.: 额尔德尼商卓忒巴) – должностное лицо, ведавшее делами монастырей ургинского Джебдзун Дамба-хутухты и начальствовавшее над подчиненным ему *шабинарами* (см. прим. 8). Наиболее ранние упоминания об эрдэни шандзотбах относятся к 1650 г. [Насанбалжир 1969, с 143]. Первоначально выбор кандидатов на эту должность из числа халхаских лам осуществлял сам Джебдзун Дамба-хутухта. Но с 1723 г. право назначения эрдэни шандзотбы перешло в сферу полномочий центральных цинских властей. Тогда император Юнчжэн пожаловал упомянутым рангом ламу Дорживанчига, коему был поручен надзор за состоянием монастырей хутухты и за «людьми, его сопровождавшими» (кит.: 徒众). Одновременно для заведования «делами, связанными с вероучением, и для управления священнослужителями, возведенными в монашеский сан», при особе Джебдзун Дамба-хутухты была учреждена должность главного настоятеля его монастырей с титулом хамбо номун-хан [Qianlong chao «Lifanyuan zeli», с. 111]. В 1754 г. управление всеми шабинарами ургинских хутухт перешло в ведение особого «шабинского» ведомства (монг.: «*yeke šabi*», «*erkim šabi*» или «*boγdo-yin šabi*») во главе с эрдэни шандзотбой, в связи с чем на эту должность был назначен лама Сундуб-дорджи с титулом Сэцэн-тойн [Позднеев 1896, с. 66]. Первоначально деятельность эрдэни шандзотбы и подчиненных ему административных структур напрямую контролировалась имперскими властями. Но с учреждением в 1758 г. института цинских наместников (амбаней) в Да Хурээ (кит.: 钦定库伦办事大臣, монг.: *jarliy-iyar jaruγsan kürien-dür següjü kereg sitgegči sayid*) надзор за шабинским ведомством перешел к этим сановникам. В 1822 г. шабинское ведомство по административному статусу было приравнено к канцеляриям четырех халхаских аймачных сеймов. По численности населения и по экономическому значению территорий, находившихся под его управлением, шабинское ведомство в XIX в. также было сопоставимо с аймаком [Bat-Ochir Bold 2001, p. 139]. Возглавлявший это ведомство эрдэни шандзотба не состоял на государственном финансовом довольствии, но имел официальное разрешение пользоваться всем, что было ему необходимо, за счет средств казны Джебдзун Дамба-хутухты [Позднеев 1887, с. 167].

⁸ *Шабинары* (монг.: *šabi-nar*, кит.: 沙毕) – букв. «ученики» или «последователи». Сословие монгольского податного и трудообязанного населения. Шабинары были подведомственны казне хутухт (монг.: *sang*) – буддийских священнослужителей высших рангов, распоряжавшейся индивидуальной собственностью последних. Отличительной чертой казны хутухт, по сравнению с собственно-

стью обычных монахов, было существование шабинаров наряду с имуществом и скотом [Скрынникова 1988, с. 55]. Правовым источником возникновения сословия шаби явились канонические буддийские принципы взаимоотношений «ученик – учитель». Первые упоминания о шабинарах Джебдзун Дамба-хутухты относятся к 1640 г. [Нацагдорж 1978, с. 202]. Первоначально в первой половине XVII в. социальный состав упомянутого сословия был весьма неоднороден. Среди шабинаров встречались представители невладелельной аристократии и даже священнослужители, обладавшие духовным саном хубилганов (перерождений буддийских святых) [Кузьмин, 2016, с. 52, 53]. Но главным образом контингенты податных, приписанных к казне высших буддийских иерархов, пополнялись за счет «дарений» монгольскими князьями собственных подданных, за счет добровольного перехода многочисленных представителей просто-народья в сословие шабинаров и за счет перевода в распоряжение хутухт лиц, находившейся в рабской зависимости у светских хозяев. Шабинарами также становились неимущие бедняки и бродяги [Нацагдорж 1978, с. 202]. С распространением на Монголию административного контроля Империи Цин «самовольный», т.е. не санкционированный имперскими властями переход светского населения в сословие шабинаров был запрещен. Данный запрет был установлен специальной статьей, содержащейся в первой (1817) и последующих редакциях «Уложения Лифаньюань» – основного кодекса цинских законов, предназначенных для управления монголами: «Что касается шабинаров, состоящих при духовных лицах ламского звания, то к числу указанных шабинаров не дозволяется прибавлять новых людей, кроме тех, кто означен в реестрах, содержащихся в Палате [по делам управления Внешней Монголией, т.е. в Лифаньюань. – А. П.]» [qauli jüyil-ün bičig 1817, цз. 59, л. 12а].

⁹ *Джебдзун Дамба-лама* или *Джебдзун Дамба-хутухта* – линия реинкарнаций буддийских святых, существовавшая в Северной Монголии с 1639 по 1924 г. и известная среди халхасцев также под именем Богдо-гэгэн, а среди южных монголов под именем Ар (т.е. Северный) Богдо. В буддийском пантеоне Джебдзун Дамба-хутухты считались продолжением перерождений выдающегося тибетского ламы Таранатхи (1575–1634) [Скрынникова 1988, с. 39; Atwood 2004, p. 267]. Несмотря на это, порядковые обозначения, присутствовавшие в их титулах, начинались с первой монгольской реинкарнации. Всего известно о восьми перерождениях Джебдзун Дамба-хутухт, причем два первых были выявлены в Халха-Монголии соответственно в 1649 и 1737 г. Последующие реинкарнации этих святых по правилам, введенным властями Империи Цин, происходили исключительно в Тибете. Интересующий нас документ, судя по означенным в нем именам монгольских князей (см. прим. 1), скорее всего, был составлен в годы пребывания на престоле IV Джебдзун Дамба-хутухты Лубсан Тувдан Ванчога (1775–1813).

¹⁰ С учреждением ведомства наместников в Да Хурээ (см. прим. 7) при нем был установлен *порядок служебного дежурства* (монг.: *jisiy-a*; кит.: 年班) монгольских владетельных князей и чиновников из двух восточных аймаков Халхи (Тушетуханского и Сэцэнханского). Дежурство сроком в 4 месяца исполнялось ими по установленной очереди [Содномдагва 1961, с. 36]. К числу должностей, замещаемых в подобном порядке, относился и пост чиновника, надзиравшего за состоянием казны или собственного имущества Джебдзун Дамба-хутухты, которым последний владел отдельно от имущества возглавляемых им монастырей. Кто именно из тринадцати представителей халхаской аристократии, состоявших в упомянутых аймаках в ранге управляющего хошуном князя 6-й степени (монг.: *ulus-tur tusalayci güng*; кит.: 輔国公), в момент составления интересующего нас документа нес очередное дежурство по надзору за казной хутухты, нам установить не удалось.

¹¹ *Да-лама* – наименование должностей двух помощников, состоявших при эрдэни шанцзотбе [Позднеев 1887, с. 168].

¹² *Отог* (монг.: *otoy*) – в Монголии XV – XVII вв. «известная группа кочевых айлов, объединенная тем, что занимала определенную территорию под свои раскочевки... Отог в рассматриваемую пору и являлся основной социальной и хозяйственной единицей» [Владимирцов 1934, с. 132]. В цинский период в халхаских аймаках термин «отог» трансформировался в обозначение основной единицы территориального деления и административной организации шабинаров Джебдзун Дамба-хутухты. К 1830 г. в составе шабинского ведомства насчитывалось 114 таких единиц [Atwood 2004, p. 211].

¹³ *Шулэнга* (монг.: *siülengge*) – в Монголии XVII в. – чиновник, сборщик податей [Владимирцов 1934, с. 140]. В цинский период в Халхе – наименование должности чиновника, начальствовавшего над шабинарским отогом.

¹⁴ Случай, отмеченный нами в тексте документа, определенно, не являлся единичным. Во второй половине XVIII – середине XIX в. подобные коллизии нередко осложняли жизнь монгольским чиновникам, как надзиравшим за шабинарами Джебдзун Дамба-хутухты, так и служившим в администрации халхаских аймаков и хошунов. Подтверждает сказанное содержание их служебной переписки. Для примера сошлемся на датированную весной 55-го года правления императора Цяньлуна (1790) депешу, направленную старшиной сейма Тушетуханского аймака бэйсэ Сундэвдрожу в адрес цинского наместника в Да Хурээ. Обращаясь к вышестоящему начальству, бэйсэ жаловался на заведенный порядок, который налагал запрет на использование подвод, снаряженных силами кочующих в аймаке шабинаров, для дальних, многодневных служебных поездок. Транспорт, предоставленный шабинарами, разрешалось употреблять лишь для краткосрочных поездок внутри хошунов. По

свидетельству Сундэвдоржи, прочее население использует подобные правила для того, чтобы систематически уклоняться от обязанности по обеспечению дальних перевозок, для чего ложно выдает свой скот за шабинарский, тем самым создавая притворное впечатление собственной бедности и неспособности к несению казенной службы. «Понять же, где чей скот невозможно, – писал сеймовый старшина, – посему возникают помехи в отправлении служебных дел». По жалобе бэйсэ Сундэвдоржи было проведено расследование, результатом которого стала отмена предоставленных шабинарам податных льгот. При этом хурэнский амбань подтвердил, что стада, принадлежащие казне Джебдзун Дамба-хутухты, освобождаются от обязательных поставок скота по нарядам на казенный извоз и для прочих служебных надобностей [jarlaju toytaγsan qauli, л. 5а-б].

¹⁵ Выделенный фрагмент текста документа интересен с учетом тех обстоятельств, что шабинары Джебдзун Дамба-хутухты традиционно пользовались правом свободного кочевания по всей территории Халхи, и на них не распространялись запреты на пересечение хошунных границ. Ш. Нацагдорж упоминает о существовании среди монголов поговорки, в которой шабинары сравнивались с белыми антилопами, «поскольку и те, и другие не имеют постоянного нутуга (т.е. мест кочевания. – А. П.)» [Нацагдорж 1972, с. 47]. Вполне естественно, что такое положение дел являлось источником постоянных споров и конфликтов из-за пастбищ, в которые шабинары вступали с постоянными жителями аймаков и хошунов. Для того чтобы уберечься от таких проблем и исключить упомянутое в рассматриваемом нами документе «перемешивание» разных категорий населения, в 1826 г. старшинами четырех халхаский аймачных сеймов было принято утвержденное Лифаньюань решение о том, что постоянно проживающие в хошунах люди «не должны по своей прихоти стогнать шабинаров с занимаемых ими пастбищ, а шабинарам не следует занимать земли, на которых исстари кочуют хошунные обыватели» [Нацагдорж 1972, с. 47]. При этом шабинарам в качестве постоянных мест жительства отводились так называемые «реестровые» пастбища [там же]. Комментируемый нами источник свидетельствует о том, насколько сложно было водворить подобный порядок в повседневных условиях жизни халхаских хошунов в первой трети XIX в. Очевидно, что с подобными сложностями местные монгольские власти продолжали сталкиваться и в дальнейшем. Подтверждает сказанное содержание доклада, который старшины четырех северомонгольских аймачных сеймов направили в Лифаньюань в 1849 г. Они просили правительственные инстанции утвердить следующее их совместное решение: «Отныне и впредь шабинарам Джебдзун Дамба-хутухты, которые располагаются повсеместно, надлежит кочевать в тех же местностях, где они кочуют ныне. Впредь следует прекратить самовольные устремления к тому,

чтобы выселить их за пределы аймаков и хошунов. Если же произойдет засуха и шабинарам понадобится перекочевать в иные места, то ведомству эрдэни шандзотбы предлагается вменить в обязанность, по проведении тщательной проверки всех обстоятельств, выяснить действительные потребности в перекочевке и определить, в какой именно аймак и какой именно хошун должно быть направлено пострадавшее население. К сему надлежит заранее уведомить власти, причастные к такого рода делам, об означенной перекочевке. Властям же и жителям четырех аймаков следует запретить стогнать с пастбищ перекочевавших к ним шабинаров и указать им, чтобы они, напротив, проживали с ними в мире и согласии. При исправлении положения дел в подвергшихся засухе кочевьях, шабинаров надлежит вернуть к прежним местам их жительства» [urida sitgen önggereregülügen kereg-üüd anu, л. 1296].

¹⁶ *Туслагчи-тайджи* (монг.: *tusalayçi tayiji*; кит.: 协理旗务台吉) – наименование должности помощника правителя хошуна в Монголии цинского периода. В административную структуру эта должность была включена в 1682 г. указом императора Канси [Dai Qind huidian zeli, цз. 140, л. 186]. В дальнейшем содержание указа вошло во все основные сборники цинского законодательства, связанного с управлением Монголией, в частности, в «Уложение Лифаньюань»: «Во всех монгольских аймаках, в каждом хошуне установить должность тайджи, помогающего в делах управления хошуном. Сим тайджи постановляется в обязанность содействовать хошунным правителям в делах управления хошунами. При открытии по данной должности вакансии подлежащему хошунному правителю надлежит избрать двух отличающихся способностями и добродетельностью кандидатов из числа состоящих в его хошуне неслужилых князей рангом от вана до тайджи, так чтобы кандидатам было по силам справляться с обязанностями по указанной должности. Избрав из кандидатов первого и второго, следует доложить о них старшине подлежащего аймачного сейма, сопроводив доклад аттестацией их способностей и поведения. Сеймовому старшине надлежит препроводить сей доклад в Лифаньюань. Последней же палате постановляется в обязанность, изучив все причастные к делу обстоятельства, вызвать кандидатов в Пекин и представить их назначению на высочайшее благоусмотрение» [qauli jüyil-ün biçig 1817, цз. 6, л. 16а-б]. В источниках содержится достаточно свидетельств тому, что имперские власти широко пользовались имевшимся у них правом отбора и утверждения кандидатов на должности помощников правителей хошунов. Приведем один лишь пример. В 20-м году правления под девизом Цзяцин (1815) старшина сейма Сайнной-онханского аймака Халхи в письме, адресованном в Лифаньюань, просил утвердить решение об увольнении со службы туслагчи-тайджи Жамьяндоржи из хошуна цзюнь-вана Бату-Очира. Мотивировка этого решения состояла в том, что Жамьяндоржи беден, не имеет скота и имущества, а посему не спосо-

бен помогать цзюнь-вану в делах управления хошуном. В ответ Лифаньюань постановила: «Поскольку нет закона, согласно коему за бедность и неспособность поддерживать собственное существование одних отправляли бы в отставку и вместо них назначали других, постольку туслакчи Жамьяндоржи при прежней должности оставить и выборов кандидатов на его место не проводить» [urida sitgen önggeregülgüsen kereg-üüd anu, л. 56a].

¹⁷ *Тайджи 1-й степени Бадзаршида* состоял в должности правителя хошуна в Тушетуханском аймаке с 1830 по 1862 г. [Шархуу 1984, р. 121].

¹⁸ *Податное семейство* (монг.: *erüke*) – в монгольской административной терминологии цинского периода обозначение условной единицы разверстки государственных служб, равной двум военнообязанным «душам мужского пола» [alba tegsitgesen dangs-a 1962, с. 6]. Вместе с тем понятие «*erüke*» в XIX в. существовало и в иной, традиционной для монголов семантике – «войлок, покрывающий дымник юрты, т.е. верхнее отверстие в юрте, дом – семья, семейство, дом – хозяйство, имущество т.е. юрта и пр.» [Монгольско-русский словарь 1895, с. 110].

¹⁹ *Бодо* (монг.: *boda*) – крупный скот; условная единица, употребляемая при подсчете скота разных видов в переводе на одну голову крупного скота. Например, одно бодо равно одному коню, одной корове и пяти овцам; два бодо равны одному верблюду [Халха Джирум 1965, с. 104].

²⁰ Исследуемый документ интересен, прежде всего, содержащимися в нем свидетельствами практической действенности норм цинского законодательства, запрещавших не контролируемый имперской администрацией переход светского военно и трудообязанного монгольского населения (монг.: *suman-i arad*; кит.: 苏木兵丁) в разряд буддийских монахов или в шабинарское сословие (см. прим. 8). О пристальном внимании, которое центральные власти Империи Цин в первой половине XIX в. уделяли совершенствованию юридических барьеров, препятствовавших размыванию слоя государственных податных, говорит указ императора Даогуана, изданный через два года после того, как было составлено рассматриваемое нами официальное письмо. Этот указ появился на свет зимой 1836 г. в результате расследования жалобы, поступившей в Лифаньюань от некоего тайджи Гончикжава, проживавшего в хошуне дзасак-тайджи Намжилдоржи из Сайннойонханского аймака Халхи. В жалобе правитель хошуна обвинялся в том, что по собственному почину перевел в сословие шабинаров Джебдзун Дамба-хутухты нескольких подведомственных ему аратов, которых доноситель называет богатыми и имевшими в достатке скот. В жалобе также было указано на то, что хозяйства причисленных к шабинарам людей по распоряжению дзасак-тайджи Намжилдоржи были пополнены скотом, содержащимся в хошуне для использования по на-

добностям казенной службы. Рассмотрев изложенные тайджи Гончикжавом факты, сановники Лифаньюань обратились с докладом «на высочайшее имя», в котором писали: «Прежде установленные правила, согласно каковым следует со всем тщанием и прилежанием проверять, кто из людей переходит в шабинары Джебдзун Дамба-хутухты, не исполняются. Перевод в шабинары производится тем же порядком, каковой существовал до установления названных правил. Посему на высочайшее благоусмотрение выносятся предложение о возможности дополнения действующих в Монголии законов следующими положениями. Отныне и впредь следует установить запрет на то, чтобы унаследовавшие титулы тайджи и состоящие в сомонах простолюдины передавались в шабинары ко всем имеющим ранги хутухтам и ламам. Ежели среди людей, отданных в услужение к монгольским ванам, гунам и дзасак-тайджи [в тексте документа отданные в услужение люди именуются «домашней прислугой» (ger-ün kümün). Иное их название «хамджилга» (qamjily-a). – А. П.], среди состоящих в сомонах престарелых и неслужилых простолюдинов, среди незаконнорожденных сыновей, среди не имеющих кормильцев женщин и их дочерей, среди несовершеннолетних тайжи и тайджи-лам найдутся люди, каковые по своей воле пожелают пойти в услужение к какому-либо хутухте или ламе, то надлежащей хошунной канцелярии следует по получении доподлинных сведений обо всех указанных людях посылать запросы по их делам в Лифаньюань. Названную палату после проверки всех касающихся подобных дел обстоятельств необходимо наделить полномочиями выносить по таким делам окончательные решения, каковые доводить до сведения надлежащих властей. При получении из палаты разрешений на переход в шабинары соответствующим хошунным правителям следует выдавать переходящим людям удостоверения с печатями. По установлении таковых правил монголам будет несложно, сообразуясь с ними, действовать при исполнении указанной категории административных дел. Помимо того настоящие правила позволят избавиться от ущерба, наносимого исполнению казенных служб» [urida sitgen önggeregülүgsen kereg-үүд ану, л. 105а]. Император утвердил представленные ему предложения, результатом чего явилась включенная в 4-е издание «Уложения Лифаньюань» (1842) законодательная статья следующего содержания: «Тайджи, имеющих ранги, и состоящих в сомонах простолюдинов в четырех аймаках Халхи запрещается передавать в казну хутухт и обращать в шабинаров. Всем монгольским ханам, ванам, бэйлэ, бэйсэ, гунам и управляющим хошунами тайджи из четырех халхаских аймаков запрещается передавать находящихся под их управлением тайджи, имеющих ранги, и аратов, состоящих в сомонах, в распоряжение казны хутухт и зачислять в шабинары. Тех, кто перейдет в шабинары в нарушение сего постановления, силой обращать в прежнее состояние. Хошунных правителей, коим подведомственны такие

люди, предавать суду на основании свода установлений о нарушении высочайше установленного законодательства. Однако же буде кто из находящихся под управлением названных хошунных правителей несовершеннолетних тайджи, тайджи-лам, или из состоящих в ламском сословии совершеннолетних княжеских служителей, или из не достигших совершеннолетия или состарившихся неслужилых сомонных простолюдинов, или из незаконно-рожденных сыновей, или из не имеющих кормильцев женщин и их дочерей захочет по своей воле стать шаби у лам, состоящих в монастырях, то пусть все означенные люди поступают по своему желанию. Правителям хошунов, коим подведомственны таковые люди, надлежит донести об их желании в Лифаньюань. Названная палата после проверки содержания докладов, полученных ею по сего рода делам, принимает решение об удовлетворении прошений о переходе в шабинеры и предписывает надлежащим властям на основании законоустановлений выдать каждому из переходящих документ, разрешающий выход из хошуна. [qauli jüyil-ün biçig 1842, цз. 53, л. 11а-б].

²¹ *Торо Герелту* (монг.: *törö gereltü*) – монгольское наименование девиза правления «Даогуан» (道光), под которым восьмой цинский император Мяннин находился на престоле с 1820 по 1850 г.

Список источников

1. Dai Qind huidian zeli – Qinding Dai Qind huidian zeli. 钦定大清会典则例 (Высочайше утвержденное собрание узаконений к своду законов Великой империи Цин). Б.м., 1748. Ксилограф. Восточный отдел Научной библиотеки им. А.М. Горького Санкт-Петербургского Государственного университета. Фонд китайских рукописей и ксилографов. Хул F-40.

2. qauli jüyil-ün biçig 1817 – Jarliy-iyar toytaγsan yadaγadu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün biçig (Высочайше утвержденное уложение Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии). Б.м. 1817. Ксилограф. Восточный отдел Научной библиотеки им. А.М. Горького Санкт-Петербургского Государственного университета. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong B-1.

3. qauli jüyil-ün biçig 1842 – Jarliy-iyar toytaγsan yadaγadu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün biçig (Высочайше утвержденное уложение Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии). Б.м., 1842. Ксилограф. Восточный отдел Научной библиотеки им. А.М. Горького Санкт-Петербургского Государственного университета. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong C-4.

4. jarlaγu toytaγsan qauli – qayudasu-bar jarlaγu toytaγsan qauli ene bolai (Законоположения, кои разосланы в списках для всеобщего уведомления).

Собрание рукописных копий монгольских официальных документов XVIII–XIX вв. Б. м. Б. г. Рукопись. Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. F-187 (описание см.: [Пучковский 1957, с. 167,168]).

5. *sayisiyaltu irügelü-yin yurbaduᠢᠶar on* – [начало:] *sayisiyaltu irügelü-yin yurbaduᠢᠶar on-dur...* (Без заглавия. Текст начинается словами: «В 3-ем году правления под девизом Цзяцин... Собрание рукописных копий монгольских официальных документов XIX в.). Б. м. Б. г. Рукопись. Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. F-223 (описание см.: [Пучковский 1957, с. 175,176]).

6. *urida sitgen önggeregülүgsen kereg-үүд anu: urida sitgen önggeregülүgsen kereg-үүд anu* (Дела, решенные в прежние времена). Собрание рукописных копий монгольских официальных документов XIX в. Б. м. Б. г. Рукопись. Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. F-523 (описание см.: [Пучковский 1957, с. 173,174]).

Список литературы

1. *alba tegsitgesen dangs-a 1962: dörben ayimaᠮ-un alba tegsitgesen dangs-a*. Хэвлэлд бэлтгэгсэн Ц. Насанбалжир (Реестры, содержащие записи решений относительно уравнения повинностей по четырем аймакам Халхи. Подготовил к изданию Ц. Насанбалжир) // *Monumenta historica*, Т. IV. Fasc. 2. Улаанбаатар, 1962.

2. Владимирцов 1934: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

3. Кузьмин 2016: *Кузьмин С.Л.* Теократическая государственность и буддийская церковь в Монголии в начале XX в. М., 2016.

4. Монгольско-русский словарь 1895: Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К.Ф. Голстунским. Т. 1. СПб., 1895.

5. Насанбалжир 1969: *Насанбалжир Ц.* Живзундамба хутагтын сан (Казна Джебдзун Дамба-хутухты) // Түүхийн судлал. Улаанбаатар, 1969. Fasc. 13-24.

6. Нацагдорж 1972: *Нацагдорж Ш.* Сум, хамжлага, шавь ард (Араты сононные, шабинары и хамджилга). Улаанбаатар, 1972.

7. Нацагдорж 1978: *Нацагдорж Ш.* Монголын феодализмын үндсэн замнал. Түүхэн найруулал (Основной путь монгольского феодализма. Исторический очерк). Улаанбаатар, 1978.

8. Позднеев 1883: *Позднеев А. М.* Официальные бумаги монгольского гражданского и уголовного делопроизводства. СПб., 1883.

9. Позднеев 1883а: *Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 г. по 1736 г. СПб., 1883.

10. Позднеев 1887: *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу // Записки Имп. Рус. геогр. о-ва по отд. этнографии. Т. 26. СПб., 1887.

11. Позднеев 1896: *Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1. СПб., 1896.

12. Пучковский 1957: *Пучковский Л.С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. I. История, право. Л., 1957.

13. Скрынникова 1988: *Скрынникова Т. Д.* Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI – начало XX в. Новосибирск, 1988.

14. Содномдагва 1961: *Содномдагва Ц.* Манжийн захиргаанд байсан үеийн Ар Монголын засаг захиргааны зохион байгуулалт (1691–1911) (Административное устройство Северной Монголии в период маньчжурского господства). Улаанбаатар, 1961.

15. Халха Джирум 1965: *Халха Джирум.* Памятник монгольского феодального права XVII в. Сводный текст и перевод Ц. Ж. Жамцарано. Подготовка текста к изданию, редакция перевода, введение и примечания С. Д. Дылыкова. М., 1965.

16. Цыбиков 1898: Монгольские официальные бумаги, собранные ординарным профессором А.М. Позднеевым. Издал студент Г. Цыбиков. СПб., 1898.

17. Цыбиков 1907: *Цыбиков Г. Ц.* Пособие для практического изучения монгольского языка. Владивосток, 1907.

18. Цыбиков 1908: *Цыбиков Г. Ц.* Монгольские тексты: образцы слога и орфографии современного делопроизводства для чтения 3-го курса Восточного ин-та. Владивосток, 1908.

19. Шархуу 1984: *Шархуу Ц.* Дөрвөн аймгийн засаг ноёдын товч шастир (Краткий свод родословных списков князей – правителей хошунов четырех аймаков Халхи) // *Mongoru Kenkü. Vol 7. Osaka. 1984. P. 119-210.*

20. Atwood 2004: *Atwood C.P.* Encyclopedia of Mongolia and Mongolian Empire. New York, 2004.

21. Bat-Ochir Bold 2001: *Bat-Ochir Bold.* Mongolian Nomadic Society: a reconstruction of the ‘medieval’ history of Mongolia. Richmond. Surrey, 2001.

22. Jiaqing chao Lifanyuan ziliao 1988: Jiaqing chao «Dai Cing huidian» zhongde Lifanyuan ziliao // Qingdai Lifanyuan ziliao jilu // Zhongguo bianzang shidi ziliao congkan. *Lu Yiran Ma Dazheng zhubian*. Lanzhou, 1988. 嘉庆朝“大清会典”中的理藩院资料 // 清代理藩院资料辑录 // 中国边疆史地资料丛刊. 吕一燃 马大正 主编. 兰州, 1988 (Материалы по ведомству Лифаньюань в кодексе законов «Дай Цин хуэйдянь» в период правления императора Цзяцина // Сборник материалов Лифаньюань, относящихся ко временам правления династии Цин // Собрание историко-географических материалов о пограничных регионах Китая. Ред. Лу Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу, 1988).

23. Qianlong chao «Lifanyuan zeli» 1988: Qianlong chao neifu chaoben «Lifanyuan zeli» // Qingdai Lifanyuan ziliao jilu // Zhongguo bianzang shidi ziliao congkan. *Lu Yiran Ma Dazheng zhubian*. Lanzhou, 1988. 乾隆朝内府抄本《理藩院则例》 // 清代理藩院资料辑录 // 中国边疆史地资料丛刊. 吕一燃 马大正 主编. 兰州, 1988 (Свод копий императорских указов, исполненный Государственной канцелярией во времена правления под девизом Цяньлун и предназначенный для составления «Уложения Лифаньюань» // Сборник материалов Лифаньюань, относящихся ко временам правления династии Цин // Собрание историко-географических материалов о пограничных регионах Китая. Ред. Лу Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу, 1988).

A. V. Popov

TWO MONGOLIAN OFFICIAL LETTERS DATED TO THE XIX CENTURY

Abstract. *The article presents a transliteration and commented translation of two official letters written by Mongolian administrative functionaries in the first third of the XIX century. Both were brought from Mongolia by A. M. Pozdneevev. Their handwritten copies in 1898 was published by G. Dz. Tsiibikov in the collection of materials, intended as a training manual for the practical course in Mongolian language. The above mentioned letters still have not been subjected to any kind of analysis. However, these documents represent a typical examples of Mongolian official correspondence dated to the XIX century. Moreover they are abandoned of little-known facts about the relationship between the authorities of the North Mongolian banners and administrative structures, constituted the personal subjects assigned to the Treasury of Jibzundamba Khutugtu (the Shabi).*

Keywords: *official documents, Mongolian administration in the Qing period, A. M. Pozdneevev, G. Dz. Tsiibikov, the North Mongolian banners, the Shabi of Jibzundamba Khutugtu.*

О РОЛИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ В ОБРАЗОВАНИИ ГЛАГОЛОВ ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В данной статье речь идет о большой роли, которую сыграли изобразительные слова в истории развития глагольной системы монгольских языков, которая зародилась еще в древности в монгольском праязыке. Уже в древний период становления монгольского праязыка в нем выделилась особая система, передающая средствами языка образы от звукового и образного восприятия человеком окружающей его объективной действительности, а также образы от результатов некоторых действий, что создало специфику строя монгольских языков, что хорошо видно на примере халха-монгольского языка.

Ключевые слова: монгольские языки, тип лексического значения, изобразительные слова, звукоподражательные слова, образные слова, образ действий по результату, аналитические формы, роль глагола *kikii*, роль глагола *gekii*, видовые формы образных глаголов, роль аффикса *-la*, роль аффикса *-ra*, общемонгольский характер изобразительных слов.

Грамматический строй монгольского языка, в том числе и система глаголов, стали изучаться достаточно давно, начиная с первых научных грамматик века, составленных Я. Шмидтом [1832], отцом [1835] и сыном [1849] Бобровниковыми, О. Ковалевским [1835], А. Орловым [1878], А. Поповым [1847] и некоторыми другими. В этих работах рассматривались наряду с теоретическими вопросами грамматики монгольского языка также некоторые аспекты образования новых слов в том числе и глаголов, причем затрагивались в основном словообразовательные аффиксы. В дальнейшем по мере изучения различных живых монгольских языков, в том числе и халха-монгольского, вопросам словообразования глаголов стали уделять больше внимание, но главным образом в синхронном аспекте, причем внимание ученых привлекало в основном аффиксальный способ образования глаголов. Меньше внимания уделялось другим способам словообразования, при этом приоритетом пользовались главным образом назывные слова. Другим лексико-грамматическим группам монгольских слов уделялось недостаточное внимание. Наименее изучен исторический аспект словообразования глаголов, причем недостаточно изучена роль изобразительных слов в системе словообразования глаголов монгольского языка. По нашему

мнению, прежде чем рассматривать роль изобразительных слов в процессах словообразования глаголов монгольского языка необходимо четко определить место этих слов в системе частей речи монгольского языка и выяснить, какие словообразовательные модели представлены в системе этих слов.

Изучая систему частей речи монгольского языка, мы пришли к убеждению, что основным критерием той или иной части речи в монгольском языке является семантический критерий. Морфологический и синтаксический критерии являются вторичными и зависимыми от семантического критерия. Так, например, если взять отдельные изолированные словоформы монгольского языка типа *тавь* или *хар*, *тавиад*, *хад* и т.п., то, не определив значения этих слов, останется непонятным, к какой части речи они относятся. Если слово *тавь* означает «пятьдесят», то это числительное и его словоизменение будет идти по типу числительного равно как и форма *тавиад*, являющаяся числительным, оформленным аффиксом *-aad*, характерным для числительных, образующих формы приблизительных и разделительных числительных. Если слово *тавь* будет означать «поставь», то это повелительная форма глагола *тавих* «ставить», дальнейшее словоизменение его идет по глагольному типу, при котором форма с аффиксом *-aad* является разделительным деепричастием и эта словоформа уже означает «поставив». Если *хар* означает «черный», то это слово изменяется по типу прилагательного, а если означает «смотри», то изменяется по глагольному типу. Если слово *хад* означает «забей гвоздь», то его дальнейшее словоизменение идет по глагольному типу, а если означает «скала», то дальше изменяется по типу существительного. Таким образом, определяющим является семантический критерий, причем для определения частеречной принадлежности монгольских слов решающим будет тип значения.

Класс назывных слов имеет вещественное лексическое значение, класс служебных слов имеет грамматическое значение, класс модальных слов имеет модальное значение, класс междометий имеет аффектное значение, класс изобразительных слов имеет образное значение, при котором средствами языка передают образы слухового восприятия, образы зрительного и чувственного восприятия, а также образы результата действий, причем каждая из этих групп имеет свои, характерные только для нее, способы образования от них глаголов и введения тем самым в систему глаголов назывных слов.

В монгольских языках согласно особенностям его строя процесс словообразования прослеживается лишь в двух классах слов – в классе назывных и классе изобразительных слов, что свидетельствует о большой роли изобразительных слов в процессе словотворчества. Здесь хотелось бы рассмотреть ту роль, которую играют изобразительные слова при образовании от них

новых словоформ, входящих в грамматическую систему языка на уровне номинативных слов, поскольку изобразительные слова – это особые слова, которые передают средствами языка различные образы, поступающие из окружающей человека объективной действительности. Как указано выше, это звукоподражательные слова, образные слова и группа особых слов-превербов, передающих образы действий по их результату. Каждая из этих групп имеет свою исторически сложившуюся систему образования от них глаголов, имеющих в грамматической системе языка тот же статус, что и глаголы, образованные от назывных слов.

Ниже рассмотрим подробнее систему образования глаголов от каждой из этих изобразительных слов. Так, звукоподражательные слова сами по себе передают лишь образы различных звуков, поступающих извне и воспринимаемых человеком на слух. Это могут быть звуки, издаваемые как предметами неживой природы, так и живыми существами. Сами по себе эти слова не имеют грамматического оформления и не имеют словоизменительной и формообразовательной систем. Войти в эти системы звукоподражательные слова в монгольских языках могут лишь путем образования от них глаголов, через которые и входят в эти системы. Данный процесс начался в монгольских языках достаточно давно, еще на уровне праязыка и сохраняется до сих пор во всех монгольских языках, в том числе и в халха-монгольском. Поскольку звукоподражательные слова распадаются на две группы, то и способы образования глаголов от них бывают двух типов: аналитический и синтетический. Аналитический тип представлен у звукоподражательных слов, передающих образы звуков неживой природы. В истории монгольских языков с такими словами использовались в качестве служебных слов глаголы *kikü* «делать» и *gekü* «говорить, издавать звук». Присоединяясь к таким звукоподражательным словам, они образовали аналитические формы типа **šaa kikü* «шуметь – о падающем дожде» и **šuu kikü* «шуметь – о неясном звуке» и т.п. Путем слияния этих двух элементов данных конструкций и озвончения слога *ki-* в *gi-* образовались словоформы типа *šaagikü*, *šuuigikü*, давшие в современном халха-монгольском языке глаголы *шаагих* «шуметь – о падающем дожде», *шуугих* «раздаваться – о неясном шуме» и таких слов достаточно много. В некоторых случаях аналитические конструкции используются и с глаголом *gekü* (> соврем. *гэх*). При этом слияние этого глагола со звукоподражательным словом могло произойти, а могло и не произойти. Так, например, слово *жир* «подражание щебету птиц, нир «подражание грохоту грома» и т.п., присоединяя глагол *гэх*, образовали новые словоформы двоякого типа: *жир гэх* и *жиргэх* «щебетать», *нир гэх* и *ниргэх* «грохотать».

В современном халха-монгольском языке продолжает сохраняться эта аналитическая конструкция, в которой наряду с глаголом *гэх* в ряде случаев представлены некоторые звукоподражательные слова с глаголом *хийх* «делать» (< *kikiü*), в результате чего получаются словоформы типа *хар хийх* «скрежетать», *хард хийх* «скрежетнуть» и т.п. В данном случае не произошло фонетического слияния двух элементов словоформ.

Со звукоподражательными словами, придающими образы звуков, исходящих от живых существ, включая человека, глаголы образуются с использованием особых аффиксов *kira=/kire=*, что дало в современном языке варианты *хир=/гир=/гэр=*, например, халха-монгольское *хурхирах* «храпеть» образовано от *qurkiraqi* < *qur* «подражание храпу», *исгэрэх* «свистеть» образовано от *isgerekiü* «свистеть» < *is* «подражание звуку свиста», *хашгирах* «кричать» образовано от *qaskiraqi* при помощи суффикса *гир=* от *хаш* «подражание крику человека».

Путем повторов звукоподражательного слова передается многократность, а также длительность действия, например, *хар хийх* означает «раздаваться вообще о скрежете», но *хар хар хийх* означает уже либо «раздаваться о скрежете нескольких предметов», либо «раздаваться о скрежете в течение длительного времени одного предмета», интенсивность действия и его мгновенная кратность достигается добавлением звука -д к звукоподражательному слову, например, *хард хийх* означает «моментальный, быстрый, многократный скрежет», *хард хард хийх* «совершающееся несколько раз подряд, быстрое, моментальное обрывистое скрежетание предмета».

Другой тип изобразительных слов – образные слова – передают средствами языка образы внешних характерных признаков предметов, воспринимаемых зрительно. Этот тип имеет свои словообразовательные средства. Так, слова типа **anga* передают образ от зияющей плоской щели, **onjo* – образ от зияющей круглой щели, **arba* – образ от растопыренных когтистых лап хищной птицы или зверя, приготовившихся схватить добычу, **mali* – образ от широкого скуластого лица, **oni* – образ от лица с очень узкими глазами или образ прищурившегося человека. Сами по себе слова этого типа не являются назывными и не представляют собой ни существительных, ни прилагательных, ни наречий, ни глаголов, а передают только образы зрительного восприятия. Чтобы ввести их в грамматическую систему назывных слов, монгольские языки уже в древности выработали ряд способов образования от них глаголов, а затем уже от этих глаголов образованы другие словоформы. Добавляя к этим словам звуки *с*, *т*, *б*, сообщают этим образам некоторую динамику, связанную с моментальностью, однократностью восприятия этого образа. В сочетании с глаголом *kikiü* «де-

лать» эти слова образуют глагольные аналитические формы, передающие различные видовые характеристики действий, связанных с этими образами. Так, например, сочетание *arba kikü* означает «иметь вид с растопыренными когтями», *anga kikü* «иметь вид зияющей плоской щели» и т.д.

Повтором образного слова в этой аналитической конструкции достигается либо многократность действия этого образа, либо длительность этого движения, например, *arba arba kikü* «часто растопыривать когти», добавив к образному слову звук *c* получаем конструкцию *arbas kikü*, которое означает уже «моментально, однократно растопырить когтистую лапу». Повтор словоформы *arbas arbas kikü* передает уже то, что когтистая лапа быстро и моментально растопыривается несколько раз подряд. Сочетание *gilt kikü* означает «быстро однократно вспыхнуть – о ярком свете», форма *gilt gilt kikü* означает уже «несколько раз однократно вспыхивать - о ярком свете», *onib kikü* – быстро один раз прищуриться или быстро мелькнуть узкоглазым лицом. Повтор *onib onib kikü* означает «быстро несколько раз прищуриваться или мелькнуть несколько раз узкоглазым лицом». А добавление к этому образительному слову согласного *-н* придает образу ритмичность проявления его в движении, которое оформляется при помощи словообразовательного аффикса *=la*, что дает словоформы типа **arbanla=*, *giltanla=* и т.п. В результате ассимиляции по назализации сочетание согласных дает *-һн-*, поэтому на месте *arbanla=* образуется *arbaһна=*, на месте *giltanla=* – *giltaһна=*.

Кроме того, для придания ритмичности действия в движении используются глагольные словообразовательные аффиксы *=lja*, *=balja*, например, *gilalja=*, *gilbalja=* «блестеть в движении».

В процессе исторического развития древнемонгольского языка на месте аналитических словообразовательных моделей образовались формы типа *arbajiqu*, *ануajiqu*, *оһуojiqu talijiqu*, *onijiqu* и т.п. За счет озвончения слога *-ki* в *-gi* в служебном глаголе *kikü* образовавшаяся словоформа типа *arba kikü* затем ослабилась и в результате на месте слога *-gi-* возник слог *-ji-*, что дало *arbajiqu*. Именно по этой причине древние аналитические формы типа *arba kikü* превратились в старомонгольском в *arbajiqu*, что дало современное *арвайх*. Так образовались современные образные глаголы типа *ангайх*, *он-гойх*, *малийх*, *онийх*, *далайх* и т.п. На месте составного глаголообразующего аффикса *=һна* в современном языке образовался аффикс *=гана*, например, *гялтганах*, аффиксы *=lja*, *=balja* дали соответственно *=лз* и *=балз*. Аффикс *=s* и *kikü* слились в один составной аффикс *=схий*, который стал употребляться и с назывными глаголами, обозначая моментальность, однократность действия типа *явсхийх* «быстро сходить или съездить куда-нибудь», *мартсхийх* «на миг забыть что-нибудь», *уйласхийх* «на миг всплакнуть» и т.п.

Аффикс *=уна*, передающий ритмичность действий, превратился в современном языке в *=гна*, например, *мартагнах* «постоянно забывать все», *уйлагнах* «постоянно всплакивать».

Третья группа изобразительных слов касается образа некоторых действий по их результату. Подобная система изобразительных слов представлена еще в русском языке, но в отличие от монгольских языков русские изобразительные слова представляют действия по его процессу, например, *шмыг* – *шмыгнуть*, *юрк* – *юркнуть*, *шмяк* – *шмякнуть* и т.п. Монгольские же по результату, например, *цоо* – образ от действия, при помощи которого проделывается отверстие, *хага* – образ от действия, при помощи которого плоский предмет переламывается, *хуга* – образ от действия, при помощи которого переламывается предмет типа палки, *угз* – образ от действия, при помощи которого какой-либо предмет резко выдергивается, *зад* – образ от действия, при помощи которого предмет разбивается на части и т.п.

Если от русских образных слов этого типа глагол образуется при помощи прибавления к ним обычных глаголообразующих суффиксов *=а* или *=ну* в зависимости от того, какая нужна видовая характеристика, то монгольские изобразительные слова этого типа вводятся в систему глаголов разными способами, во-первых, они подобно наречиям определяют глаголы с подходящей семантикой типа *цохих* «бить», *татах* «тянуть», образуя с такими глаголами аналитические формы, показывающие образ результата соответствующего действия. Например, *цоо цохих* «ударом пробить отверстие», *хага цохих* «ударом разломить что-либо плоское», *хуга цохих* «ударом перебить, например, палку», *зад цохих* «ударить так, что вещь рассыпится на составные части», *угз татах* «резко выдернуть что-либо застрявшее» и т.п.

Другим способом введения их в систему глаголов является аффиксальный способ. При помощи обычного словообразовательного аффикса *=ла/лэ* образуются глаголы с семантикой прямого действия, на результат которого указывает семантика соответствующего изобразительного слова. Например, *цоолох* «проделать отверстие», *хагалах* «разломать что-либо плоское», *хугалах* «сломать что-либо типа палки», *задрах* «разобрать на составные части» и т.п.

Прибавив к этим словам аффикс *=ра/рэ*, получают глаголы с семантикой того, что соответствующее действие произошло само по себе. Например, *цоорох* «образоваться – об отверстии», *хагарах* «разломаться – о чем-либо плоском», *хугарах* «сломаться – о предмете типа палки», *задрах* «рассыпаться на составные части» и т.п.

Таким образом, даже этот краткий анализ хорошо показывает, что уже в прамонгольском языке сложилась достаточно развитая и разветвлённая

система изобразительных слов, которые средствами языка дают образы предметов, воспринимаемые слухом и глазами, а также образы результатов некоторых действий. Уже в монгольском праязыке сложилась достаточно развитая система образования глаголов от этих изобразительных слов, причём как система аналитических форм, так и система синтетических форм с рядом специальных словообразовательных аффиксов. Система изобразительных слов и образование от них глаголов сыграли большую роль в становлении глагольной системы монгольских языков, заметным образом её обогатив.

Список литературы

1. Бобровников 1835: *Бобровников А.* Грамматика монгольского языка. С.-Пб., 1835.
2. Бобровников 1849: *Бобровников А. А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
3. Ковалевский 1835: *Ковалевский О. М.* Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835.
4. Орлов 1878: *Орлов А.* Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878.
5. Попов 1847: *Попов А.* Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.
6. Шмидт 1832: *Шмидт Я.* Грамматика монгольского языка. СПб., 1832.

V. I. Rassadin

ON THE ROLE OF IMITATIVE WORDS IN THE KHALKHA MONGOLIAN VERB DERIVATION

Abstract. *This article is about an important role of imitative words in the history of the verbal system development in the Mongolian languages. A special system to transmit images of sounds and human perception of the surrounding reality, as well as images of the results of some human actions originated in the Proto-Mongolian language. This system is characteristic to the Mongolian languages and Khalkha Mongolian in particular.*

Keywords: *Mongolian languages, imitative words, onomatopoeic words, analytic forms of the verbs, verb kikü, verb gekü, aspect forms of imitative verbs, affix -la, affix -ra, All-Mongolian character of imitatives.*

ЛЕТНИЕ КОМАНДИРОВКИ В КАЛМЫЦКИЕ СТЕПИ СТУДЕНТОВ ИМПЕРАТОРСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПОД РУКОВОДСТВОМ В. Л. КОТВИЧА (ПО МАТЕРИАЛАМ АВ ИВР РАН)

Аннотация. В статье рассматриваются две студенческие работы в виде отчетов о поездках в калмыцкие степи. Эти материалы интересны и как полевые этнографические исследования, и как опыт изучения калмыцкого языка. Их можно расценивать как квалификационные или курсовые работы студентов, преследующих определенную цель. Они дают возможность проследить особенности устной речи калмыков в начале XX века, которая в сравнении с письменным ойратским языком претерпела некоторые изменения.

Ключевые слова: отчет, архив, степь, калмыцкий язык, хурул.

В Архиве востоковедов ИВР РАН хранятся два отчета о поездках в калмыцкие степи студентов Санкт-Петербургского университета, датированные началом XX века. Эти материалы представлены в коллекции «Буряты и Калмыки» Разряд II¹, опись I, 392 дела. Данную коллекцию составляют официальная переписка и материалы исследовательского плана. Известно, что В. Л. Котвич² с 1919 года вплоть до 1924 года, до отъезда в Польшу был заведующим архивом Азиатского музея [Чугуевский 1990, с. 11]. Можно предположить, что эти студенческие работы поступили в архив от него, так как в этой же коллекции хранятся «Калмыцкие материалы, принадлежавшие протестантским миссионерам начала XIX в. в Сарепте и доставленные в Петербург сыном Сарептского аптекаря Гольдбаха в начале XX в.», которые поступили через В. Л. Котвича.

---

¹ Разряд II (описи 1–7) – состоит из материалов, касающихся изучения стран и народов Средней Азии, Кавказа, Поволжья и Сибири. [Чугуевский 1990, с.65]

² Владислав Людвигович Котвич (1872–1944) – русский и польский лингвист (работал в 1891–1924 в России). Согласно документам, из ЦГИА ф.14; оп.3; дело № 124125 «Отчеты, объяснительные записки, проекты» (л. 40–56 личный состав Императорского С-Петербургского Университета 1908 г.) Котвич В. Л. состоял на службе в университете в качестве внештатного сотрудника по монгольской и маньчжурской словесности с 1 января 1898 г. Имел награды, 1 января 1904 г. получил чин надворного советника.

Система образования в Петербургском университете предполагала возможность научных командировок, как для преподавателей, так и для студентов с целью совершенствования знаний, сбора материалов для исследований. Известно, что такие поездки в летнее время преподавателей и студентов осуществлялись и в бытность К. Ф. Голстунского (1831–1899) [Голстунский 2014, с. 75–86]. На такие мероприятия выделялась определенная сумма денег, так, например, автору одного из отчетов было выделено университетом 150 рублей¹. Хронологически первым, а именно в 1906 г. совершил свою поездку Готфрид Вевер, его отчет состоит из двух частей: путевые заметки (дневник) и записи по калмыцкому языку².

В первой части автор описывает события, произошедшие с ним во время пребывания в Малодербетовском улусе с 14-го мая по 13-ое сентября. Здесь

¹ Л.30: Ведомость расходам, произведенным за лето 1906 г. за время поездки в калмыцкую степь. Получил от Университета 150 рублей.

Проезд в Рыбинск по жел.[езной] дор.[оге] – 5 р.[ублей] 90 к.[опеек]

Проезд из Рыбинска в Сарепту – 15 р.[ублей] 30 к.[опеек]

Проезд из Сарепты в Червленную – 40к.[опеек]

Проезд из Червленной в Ставку – 4 р.[убля]

-----
25 р.[ублей] 60 к.[опеек]

Расходы в пути от СПб до ставки – 31 р.[ублей]

(пропитание, почтовые расходы, дорожные расходы, расходы в Сарепте, закупки для степи.)

Расходы в степи по поездке в дунду-хурул – 2 р.[убля]

Продовольствие 1½ мес.[яца] у Козина – 20 р.[ублей]

Занятия с учителем калмыком – 20 р.[ублей]

Расходы в Ставке по пропитанию и др.[угие] мелк. расх. – 10 р.[ублей]

1 ая поездка в Туктуны – 4 р.[убля]

2 ая поездка в Туктуны – 15 р.[ублей]

Пропитание в Туктунах – 8 р.[ублей]

Заплатил хурулу – 7 р.[ублей]

Проезд обратно в СПб – 29 р.[ублей]

(проезд – 18р., дорожные расходы – 7 р., пропитание в пути – 4 р.)

Почтовые расходы; приготовительные расходы в Петербурге по одежде – 25 р.[ублей]

Расходы в общей сложности составили 181 руб. 60 коп.

² Отчет по поездке в Калмыцкие степи летом 1906 г. студента Готфрида Вевер.

Шифр: разряд II, оп. № 1, ед.хр. № 341. Автогр., тетрадь в твердом переплете, размер первых 30 листов текста меньше чем последующие листы от 31-го до 49-го: 27×21,5см.; 36×22см., всего 49 листов.

есть упоминание об Андрее Дмитриевиче Рудневе¹, который дал автору отчета рекомендательные письма. Согласно документам из Центрального Государственного Исторического Архива, под названием «Отчеты, объяснительные записки, проекты» А. Д. Руднев состоял на службе в Императорском Санкт-Петербургском университете в качестве внештатного сотрудника по монгольской словесности². В Малодербетовском улусе в то время попечителем работал Козин С. А.³, о котором Готфрид Вевер пишет следующее: «попечитель Козин, наш бывший восточник, оказался милым простым человеком»⁴. Здесь же в управлении попечителя автор договорился с писцом калмыком о занятиях по калмыцкому языку за 10 рублей в месяц. Дневниковые записи менее содержательны в отношении жизни и быта калмыков, большое внимание уделено внешним проявлениям жизни в степи, т.е. гигиене, предпочтениям в еде, вредным привычкам и т.д. Автор дает краткие сведения о содержании почтовых станций, пишет, что сделал 5 снимков: 1) группа калмыков возле хурула, 2) вид хурула издали, 3) группа моего знакомого Убаши с братом, 4) группа гелюнгов и манжиков, 5) группа калмыцких девушек. К сожалению, нам пока не удалось обнаружить эти снимки среди фотоматериалов, имеющихся в Архиве востоковедов. В конце июля, а именно 23-го числа автор пишет: «за это время я успел сделать много интересных наблюдений, как в бытовом, так и в общественном отношении жизни калмыков. Удалось иметь большую практику языка. Вообще в этой поездке я имел лишь одну цель, которую мне указал В. Л. Котвич, – именно – изучить разговорный язык, – и только».

Вторая часть отчета называется «Записи по калмыцкому языку»⁵. Это своего рода рабочая тетрадь, в которой очень кратко дано описание грамматики разговорного калмыцкого языка с соответствующими примерами.

Она состоит из двух частей: глагол и имена. В первую очередь автор обращает внимание на то, что «для транскрибирования звуков калмыцкой речи использовал помимо русских букв следующие условные знаки: ä; ü; ä;

¹ Руднев А. Д. (1878–1958) русский ученый, монголовед и фольклорист. Занимался записями музыкального фольклора монголов, бурят и калмыков.

² ЦГИА, ф. 14; оп. 3; дело № 124125 «Отчеты, объяснительные записки, проекты»: брошюра лл. 40–56 «Личный состав Императорского С.-Петербургского Университета. 1908 г.»

³ Козин С. А. (1879–1956) советский монголовед, с 1943 года академик АН.

⁴ ЦГИА, ф. 14; оп. 3; дело № 34899 «Личное дело Козина Сергея Андреевича. 1898 г.»

⁵ Отчет по поездке в Калмыцкие степи летом 1906 г. студента Готфрида Вевер. Шифр: разряд II, оп. № 1, ед.хр. № 341. Л. 31–49.

ö; ү; зн.[ак] ˇ. Маленькие гласные [буквы] сверху – едва слышные [звуки], например, са́н. Знак օ – для слогаобразующего – напр. мо́рօ.н. Л – в небных сочетаниях – более мягкое, чем русское л.

По поводу ударения, он пишет, что его трудно отличить; скорее оно тяготеет к началу [слова] чем к концу. Сами калмыки говорят, что ударение у них ложится равномерно на каждый слог слова, за исключением, конечно, слогаобразующего».

Собственно записи начинаются с описания спряжения глагольных форм, о котором автор пишет следующее: «в отношении спряжения калмыцкий разговорный язык имеет свои особенности. В спряжении глагольных форм наблюдается наклонность к вполне определенным окончаниям – в виде присоединения личных местоимений в конце глагольной формы, так что всякое спряжение состоит как бы из суффикса спряжения и определенных флексий (флексий для лиц)». Далее описаны все формы повелительного наклонения с различными оттенками побуждения к действию и конкретными примерами. По поводу изъявительного наклонения дана краткая справка: «в спряжении наблюдается наклонность к флексированию в виде присоединения личных местоимений, и всякая форма, таким образом, состоит как бы из суффикса образования данного времени и определенных флексий спряжения». Даны примеры спряжения глаголов настоящего и прошедшего времен, отрицательных, вопросительных форм глаголов. Способы образования глаголов, именные формы глаголов, в частности все типы причастий и деепричастий с примерами из разговорного калмыцкого языка. Следующий большой набор примеров посвящен именам. Здесь выделены следующие подпункты: числительные, местоимения, склонение местоимений, множественное число, падежи, частицы.

Данный опыт изучения калмыцкого языка, отражающий грамматические аспекты разговорной речи калмыков Малодербетовского улуса, является ценным источником для лингвистов, изучающих историю калмыцкого языка. Современная ситуация с калмыцким языком вообще и разговорной речью в частности настолько плачевна, что публикация и исследование архивных материалов по калмыцкому языку могут положительно повлиять на процесс сохранения калмыцкого языка.

Следующий документ, не менее интересный по содержанию, называется «Отчет о летней командировке студента А. Бордзинкевича в калмыцкие кочевья Астраханской губернии»¹.

¹ Автогр. 1909, тетрадь в переплете, 29×22,5 см.; 24лл. Шифр: разряд II, оп. № 1; ед.хр. № 343.

На первом листе нарисованная от руки автором миниатюра Яндыко-Мочажного улуса, здесь же есть приписка, сделанная карандашом: пробыл в степи с 11 июня 1909 г. по 19 августа того же года.

Анатолий Иванович Бордзинкевич¹, будучи студентом факультета восточных языков Петербургского Императорского университета, совершил поездку в калмыцкие степи. К сожалению, нам не удалось найти его личное дело в Центральном Государственном Историческом Архиве С-Петербурга. Единственное, что удалось выявить это то, что он числился в списке студентов факультета восточных языков 1905–1906 гг.² Что касается Анатолия Ивановича, то после окончания университета, он устроился работать в издательство Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в качестве сотрудника.

В частности, он посетил Яндыко-мочажный улус и пишет, что «поставил себе задачей ознакомиться с письменным калмыцким языком и с его фонетикой сравнительно с современной живой речью». В поездках по степи он записал несколько образцов народного калмыцкого творчества: именно двадцать песен, из них несколько рыболовецких, распеваемых калмыками, работающими на рыбных промыслах; несколько старинных песен; несколько песен, сложенных народом про тех или иных замечательных в каком-либо отношении калмыков и одну сказку. Далее он пишет: «кроме того в бытность мою в Ики-багутовском хуруле мне удалось упробить калмыков снять для меня копии с оставшихся после бакши этого хурула Цюрюма Ширипова, ездившего в Монголию, двух сложенных им песен, в которых описываются впечатления этого путешествия».

Главный интерес, по мнению автора, в степи представляют хурулы или монастыри. Всего хурулов в этом улусе в 1909 году официально насчитывалось 12: 2 больших и 10 малых. На самом деле их число могло варьироваться в силу разных причин в большую или меньшую сторону. Анатолий Иванович дает полный список буддийских монастырей, их местонахождение, название местности на калмыцком языке, на каком расстоянии от ставки улуса они находятся. В то время в данном улусе было зарегистрировано 10 бакшей (настоятелей храмов), 87 гелюнгов, 67 гецулей и 63 манжика (по-

¹ А И Б – Бордзинкевич Анатолий Иванович – сотрудник «Нового энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона» [Масанов 1956, с. 41]. Немного сведений о деятельности А. И. Бордзинкевича удалось узнать из статьи Бородаева В. Б. и Контева А. В. «Шведский артиллерист И. Г. Ренат и его ойратские карты» [Бородаев, Контев 2010, с. 398].

² ЦГИА, ф.14, оп.3, д. 15660. Список студентов восточного факультета с 1899–1917 гг.

слушников), что, в общей сложности, составляло 227 человек. Содержались они за счет добровольных подношений прихожан. Представляем вашему вниманию описание большого Яндыковского хурула: «здания молельни и гелюнгов все одноэтажные деревянные расположены четырехугольником, образуя площадь, на которую нельзя выезжать на лошадях, курить, идти с кнутом или палкой». Интересны сведения Бордзинкевича о том, как приводили к присяге калмыков, дающих свидетельские показания по разным кражам: «бакша читал текст присяги, а приводимый к ней благоговейно повторял за ним, держа перед лицом сложенные в ладонях руки и смотря на изображение маленького литого бурхана; затем калмык бухал три раза перед идолом на колени, прикасаясь лбом к земле, божка подносили к его лбу, и присяга кончалась». То есть в обязанности буддийской церкви помимо отправления религиозных нужд, стало входить и помощь в решении мирских дел. Находясь на территории этого улуса, автор отчета посетил также и «замутский хурул». Здесь он упоминает, что утром как призыв к началу богослужения два монаха трубят в священную раковину. На их зов приходят те из лам, кто должен участвовать в проведении утренней службы. Старшие чины одеты в «лапшик» – верхний желтый халат, младшие в простых камзолах, и те, и другие поверх своей одежды одеты в «оркимджи». Из описания наблюдений, сделанных Бордзинкевичем, можно вынести сведения об устройстве монастыря: «среди 12-ти голосов заметно выделялся бас «гунзута» – запевалы, – калмыка саженого роста. Когда богослужение было кончено, первым встал исполняющий обязанности «гекбу» и по мановению его руки поднялись сначала сидящие по правую сторону, а потом – по левую».

Следует отметить, что «замутских хурулов» было два: один на территории Яндыко-мочажного улуса, другой на территории Ики-цохуровского улуса. Во второй половине августа Бордзинкевич посетил последний и присутствовал на торжественном богослужении, в честь Будды Майтреи. Описание данного мероприятия напоминает молебен «шутэн геген» или освящение святыни. Известно, что в каждом монастыре был свой шутэн или божество, которого особо почитали, имели его изображение в виде огромного полотна, и каждый год в середине августа выносили его, крепили на высоких шестах и таким образом совершали обряд освящения. В данном случае, можно предположить, что божеством хранителем замутского хурула был Будда Майтрея.

Наблюдения, сделанные автором отчета, действительно очень интересны, в них есть сведения об административном управлении калмыками, о судопроизводстве, о буддийской церкви, о жизни и быте калмыков. Не

менее интересны 21 фразы, полезные при первом знакомстве с калмыками. Сначала фраза на русском языке, затем перевод этой фразы на русский язык в транскрипции кириллицей. Краткий перечень слов, по преимуществу употреблявшихся в посещенной им местности. Всего 50 слов. Это слова, характерные для этой местности, например, ашать (употребляется одинаково как русскими, так и калмыками) – есть. Баткак – вязкое место ильмена; по калм. – ба́чик. Бодакчей – посредник при продаже скота; лица, взыскивающие денежные сборы с калмыков, проживающих постоянно на калмыцком базаре, и прибывающих для сбыта скота. Косная лодка – весловая. Култук – сенокос у воды. Куря – хурул (говорят так русские крестьяне).

Русские слова, вошедшие в калмыцкий обиход. 46 слов. Арбуз – калмыки называют тарws. Аршин – арчим. Будка – будка гер. Мешок – мишк. И т.д.

Следующий пункт, объяснение условных знаков в транскрипции калмыцких слов.

В качестве приложения к теоретической части представлена «Транскрипция русской лингвистической азбукой калмыцкого текста «Краткая история калмыцких ханов» из Калмыцкой хрестоматии А. М. Позднеева изд. 1892 г.

Данная работа в полной мере отражает ту задачу, которую поставил перед собой автор, а именно «ознакомиться с письменным калмыцким языком и с его фонетикой сравнительно с современной живой речью». Это оригинальная рукопись, написанная чернилами. Читается хорошо. Авторская пагинация постраничная, но в соответствии с нормами архивного дела, данный материал разделен на листы, всего листов 24. Примеры из разговорной речи калмыков даны в транскрипции кириллицей с использованием условных знаков. Система фонетической транскрипции, использованная для письменного и разговорного калмыцкого языка, во многом сходна с концепцией описания фонетики и письменности языков выдающегося монголоведа Б. Я Владимирцова (1884–1931) [Владимирцов 1989, с. XII; 85]. Это и неудивительно, годы учебы в университете Анатолия Ивановича и Бориса Яковлевича приходятся на начало XX века, и они были учениками В. Л. Котвича и А. Д. Руднева.

Для передачи всех особенностей живой речи автор воспользовался целым рядом знаков.

Объяснение некоторых условных знаков.

1. " – (главное) ударение (в слове и) и в предложении.
' – (второстепенное) ударение в слове.
2. ´ – знак палатализации согласных, равняется – ь (мягкому знаку).
3. _ – черта под согласной – данный звук нужно произносить особенно энергично, задерживая смыкание и затем с силой взрывая его; черта

под гласной – следующий гласный всегда неясен. Черта над согласной буквой – удвоение звука, ею обозначаемого: $\bar{l}$ =лл.

4. ◦ – кружок под согласной – знак слогаобразующего.
5. ь – мягкий знак – весьма краткое «е».
6. χ – глубокозаднеязычный звук (х); происхождение из письменного г; не обозначаю его ħ, потому что он уже, чем ħ.
7. χ̣ – увулярное х; места артикуляции – задняя часть языка и язычок (uvula); звук еврейского жаргона, парижское картавое «р», но без-голосое.
8. маленькие гласные, пишущиеся над строкой – весьма кратко произносимые.

Не ставлю долготу там, где она в разговоре не слышится, хотя бы в письменном языке ее и имела.

Ниже сделана попытка переложить на современный калмыцкий язык небольшой отрывок из транскрипции, сделанной Бордзинкевичем. С полной версией отчета можно ознакомиться в журнале *Mongolica*–XVI [Бордзинкевич 2016, с. 60–78].

Халимгуудын хаадын ахр туужуи

Хальмг хаадын туужиги хураажи бичиксн товч оршва. Өдгэ цакт ижил голын (в тексте мөрин) шидр бээх монгол үзүртэ// бас теднлэ нег шажинта нег келтэ хальмг улснь// ертни эк нутган оркжи// Орсын дунд иржи сууксн кемээвэсэ// зүнггарын дөрвн өрдг эвдрл болксн цакт// торһудын тээшнь (тайша) Хо-өрлюк кемэкчэр тер мет нег негэн алжи// алавтнран баркснас хол газр очи// хар яста улсын өөр суужуи// теднлэ дээлдүн олз авч йоваса// деер болйя кемэн седэд// шора мөрн жилд (1618) каспин далаан зүг сэкүлгэви// тенд газр езн уга кемэн лав медэд// шора лу жилд (1628) еврэн алавт торһуд ба// хошууд кигэд// дөрвн тавн түмн өрк улс авч// зурһан көвүһән дахулн// зүнггартк нутган оркад// нарн шингекү зүгт мордва// зээ мөрин (гол) күрүл үгегүйе ем-бе голын дергеде нутгт акчи негн бөлөк татармуд оруулад// зээ гетүлжи (теперь говорят гатлжи) наһа// хата// хавчик// житшн кемэкү таттармудиги еркдэн орулжи// төмр мөрн жилд (1630) ижилд күрвэ// тер цагт эне мөрн адак зүн барун хойр талд хор күргехү чидл уга үчүкн татараса гадна улс уга// орос балхсн үчүкн тендке уужим талда өвсн халда элвк// йир өөрдтү маш зокаста аксар (теперь говорят бээксэр) стр. 1.

стр.2 хо Өрлөгни зээгас ижил күртл// ээдрхнэсэ самур күртл бүкү газр еврэн алавтнрин мөңко нутг болхжи тенд буува// эне газр кемээвэсэ цаһан хаани газр аксн болвочиги// хо өрлк танилцху медлцху чү седкл// газр нь эзлексээн чү түндү үлү медүлксн билэ// тин төмр луу жилд (1640) // он ду дөчин дөрвн

хойр хучин эвдрлэн уурад// санань негдежи шажин төн ецге инзн римбицэ (ринбоце) кигээд// аңховйа манжушри амул шидди манжушри хутукту гегэни өмнө эрдни засакту хаан// гүүши номын хаан эрдни батур хун тээши тергүлн хаад нойд цуулжи ике цаажи тогтахду// хо өрлк мөрлжи тер байасхулнту ике үүлежи битээгдү бээлцээд// тогтаксн цажиги нутук тан авч иржи алавлтнран түүгэр бэрвэ// тендэс хо өрлкни ээдрхни довтлксн ду// тер балһсуни орос арад хэлимгуудиги дээлэд көөксэр// хо өрлк тер бээлдээндү харикдва// урда зүүнгараас ирексен цагту лувзң ба илдн кемээкү хо өрлөгин хойр көвүүдэр татармуд оруулуксн санжи (вместо ажи)// ецгени өмчи хувааху цагту тер хойр көвүдтэн торһууд алавлтнр өгөкснээсэ еврэн мөңкө оруулуксн татармуудни өгөксн буза// хо өрлгин нөкчиксн хөөнэ ике көвүүдни шикүүр дээчиң ахлакчи тээши болаад// дүүнэр йуһан алавлту наһа татар арһар бийдэн оруулва//

Таким образом, данные материалы во многом отражают общее состояние калмыцкого языка, которое в силу отдаленности от основной группы монгольских племен, стало отходить от норм письменного ойратского языка и упрощаться. Это привело к тому, что со временем в связи с реформой письменности и переходу к кириллическому письму стали писать, так как говорят. Поэтому эти студенческие работы можно расценивать как ценные источники в истории развития калмыцкого языка и непременно заслуживают интереса, как со стороны исследователей, так и простых читателей.

Список источников

Документы из Архива востоковедов ИВР РАН

1. Отчет по поездке в Калмыцкие степи летом 1906 г. студента Готфрида Вевер.
2. Шифр: разряд II, оп. № 1, ед.хр. № 341.
3. Отчет о летней командировке студента А. Бордзинкевича в калмыцкие кочевья Астраханской губернии. Автогр. 1909, тетрадь в переплете, 29×22,5 см.; 24лл.
4. Шифр: разряд II, оп. № 1; ед.хр. № 343.

Документы из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга

1. Ф. 14; оп. 3; дело № 124125 «Отчеты, объяснительные записки, проекты»: брошюра лл. 40–56. Личный состав Императорского Петербургского Университета. 1908 г.
2. Ф.14; оп. 3; дело № 34899. Личное дело Козина Сергея Андреевича. 1898 г.

3. Ф.14, оп.3, д. 15660. Список студентов восточного факультета с 1899–1917 г.г.

Список литературы

1. Бордзинкевич 2016: *Бордзинкевич А. И.* Отчет летней командировки студента А. Бордзинкевича в калмыцкие кочевья Астраханской губернии. (Подготовка к изданию, предисловие, примечания С. С. Сабруковой) // *Mongolica-XVI*. СПб.2016. С. 60–78.

2. Бородаев, Контев 2010: *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Шведский артиллерист И. Г. Ренат и его ойратские карты // *Түүхийн товчоон*. Т. V, fasc. 1–43. Улаанбаатар, 2010. С. 398.

3. Владимирцов 1989: *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. М., 1989.

4. Голстунский 2014: *Голстунский К. Ф.* Очерк поездки в Калмыцкую степь совершенной в лето 1886 года. (Подготовка к изданию, предисловие, примечания С.С. Сабруковой) // *Mongolica-XII*. СПб., 2014. С.75–86.

5. Масанов 1956: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей в 4-х томах – т. 1. М., 1956.

6. Чугуевский 1990: *Чугуевский Л. И.* Архив Востоковедов (б.Азиатский архив). // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов востока. Материалы по истории отечественного востоковедения. Часть III*. М., 1990. С. 11; 65.

S. S. Sabrukova

SUMMER TRIPS TO KALMYK STEPPE OF STUDENTS OF ST. PETERSBURG IMPERIAL UNIVERSITY UNDER THE SUPERVISION OF V.L.KOTVICH (BASED ON DOCUMENTS KEPT AT THE ARCHIVES OF ORIENTALISTS OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES).

Abstract. *The article studies two student's reports of their trips to the Kalmyk steppe. These documents are of interest both as field ethnographic papers and as a study of the Kalmyk language; they could be regarded as student's annual term or qualification papers. They allow researchers to study the oral Kalmyk language of the early 20th century which had certain differences compared to the written Oirat language.*

Keywords: *report, archives, steppe, Kalmyk language, khurul*

ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА *ЕЈЕН* В ЛЕТОПИСИ «ШАРА ТУДЖИ»

Аннотация. Статья посвящена анализу одного из частотных наименований монгольских правителей – термину *ејен*. Выявление контекстов его употребления позволяет конкретизировать сведения о месте верховного правителя в политической культуре и картине мира монголов XVII века и показать соотношение профанных и сакральных функций *ејен*-а в зависимости от того, кто из монгольских правителей обозначается этим термином.

Ключевые слова: власть, политическая культура, сакрализация, легитимация власти, Чингис-хан.

Одним из наиболее насыщенных и неоднозначных периодов монгольской истории стал XVII век, когда монголы вновь вышли на историческую арену и стали активными агентами международных отношений на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Изменение внешнеполитического статуса Монголии стало результатом процессов, происходящих внутри страны. Тенденция к созданию более крупных политических объединений, начавшаяся в конце XV – начале XVI веке во времена правления Даян-хана (1464–1517/1543), привела к укреплению власти Великого хана и трансформации традиционных политических институтов. Все это нашло отражение в памятниках монгольской словесности XVII века, на материале которых можно проследить изменения социальной и политической структуры монгольского общества.

Летопись «Шара туджи», по мнению исследователей, была написана в Северной Монголии (Халхе) в середине XVII века. Она содержит ряд концептов, которые отражают ключевые понятия политической культуры халхасцев того времени. Один из таких концептов воплощается в термине *ејен*¹ и используется для обозначения монгольских ханов, которые являются

---

¹ Употребление понятия *ејен* в отношении представителей буддийского духовенства, на мой взгляд, обусловлено скорее не политической культурой, а особенностями перевода буддийской титулатуры на монгольский язык, поскольку термин *ејен* всегда входит в состав таких словосочетаний как *sasky-a- yin yeke eјen* и *not-un eјen*. Последнее из них является калькой санскритского *dharma-rājan* и тибетского *chos kyi rgyal po* (сокр. *chos rgyal*) – «Владыка Учения» или «Царь Дхармы». По этой причине я не включаю эти случаи употребления термина *ејен* в дальнейший анализ.

центральными персонажами любого летописного повествования. Семантика слова *ejen* позволяет перевести его на русский язык как «владыка».

Первым персонажем летописи, которого автор именует *ejen*-ом, является Чингис-хан. Он называется *ejen*-ом уже после окончания завоевания почти всех территорий, вошедших в состав Великой монгольской империи, а именно после объединения монгольских племен, завоевания Кореи, Северного Китая, Средней Азии, керейтов, найманов и Тибета¹. Таким образом, Чингис-хан в представлении автора является первым «владельцем» Монгольской империи, что полностью соответствует изначальной семантике слова *ejen*, как обозначению того, кто имеет что-либо во владении.

Состояние «владения» предполагает наличие объекта «владения». Однако, в «Шара туджи» автор ни разу не использует слово *ejen* в отношении Чингис-хана в сочетании с конкретизирующими его определениями. В то же время в повествовании о других правителях *ejen* всегда выступает в сочетании с именем или определением, указывающим на объект его власти, например *tului ejen* («Владыка Тулуй»), *mongyol ulus-un ejen* («Владыка монгольского улуса»), *qosiyun-i ejen* («Владыка хошуна»), *qalq-a-yin ejen* («Владыка Халхи»). Такое специфическое использование автором «Шара туджи» термина *ejen* в отношении Чингис-хана, возможно, обусловлено тем, что в представлении автора летописи Чингис является универсальным правителем, правителем всего «мира», и нет надобности конкретизировать сферу его власти.

Указанием на универсальность власти Чингис-хана служит и то, что, по словам автора «Шара туджи», он владеет «всем миром», всей ойкуменой. Для обозначения этого автор летописи использует две устойчивые формулы. Первой из них является формула «пяти цветных и четырех чужих народов» (*tabun öngge dörben qari ulus*): «В год огня-коня родился хубилган Чингис-хаган и покорил пять цветных и четыре чужих народа» [Шастина 1957, с. 128], *yal morin jil-tür : qubilyan činggis qayan törüjü : tabun öngge . dörben qari ulusi erkedegen oruyuluysan anu* [Цендина с. 22]. Это выражение

¹ Исследователи сходятся во мнениях по поводу того, что Чингис-хан никогда не был в Тибете, поскольку ни в одном более раннем источнике нет никаких указаний на походы Чингис-хана в Тибет. Столь распространенный в монгольской историографии сюжет о контактах Чингис-хана с монахами школы Сакья является попыткой представить его покровителем буддизма [Успенский 1993, с. 195–196]. А. Д. Цендина полагает, что такие представления являются следствием мифопоэтического мышления, свойственного авторам средневековой литературы [Цендина 2007, с. 127–128].

разъясняется самим автором летописи: «Говорят, от Бортэ-Чоно произошли синие монголы, от одного из них [из братьев] произошли белые корейцы, от одного из них произошли желтые туркестанцы, от одного из них произошли красные китайцы, от одного из них произошли черные тангуты. Что касается четырех чужих, то из этих пяти, четверо стали чужими» [Шастина 1957, с. 158], *börtü čino-a köke mongyol omuγ-tan bolba : nigen inü čayan solungyus bolba : nigen anu šara sartayul bolba : nigen anu ulayan kitad bolba : nigen anu qara tangyud bolba gekü :: dörben qari gegči . ene tabu-yin nigen-i . dörben-degen qari bolqu*) [Цендина с. 165]. В этом примере для автора летописи «пять цветных» и «четыре чужих» не являются однородными членами, отдельными составляющими пространственной модели мира, а соотносятся между собой как часть и целое. Четыре народа: корейцы, туркестанцы, китайцы и тангуты, являются чужими по отношению к монголам, а вместе они составляют пять цветных улусов. Описанная схема представляет собой модель мира, основанную на пространственной оппозиции «свой-чужой» с присущей любой традиционной картине мира неоднородностью пространства, основанной на разной степени сакральности территорий по мере их удаленности от центра¹.

Универсальность власти Чингис-хана также отражена в его реплике, в которой он подводит итог своим завоеваниям: «Владыка молвил: “По велению отца моего небесного Хормуста тэнгри покорил я двенадцать великих хаганов всего мира, завершил большую часть великих дел, ныне спокойно жить буду”» [Шастина 1957, с. 131]; *eĵen jarliy bolurun : degere qormusta tengri ečige-yügen jarliy-iyar delekei dakin-i arban qoyar yeke qayan-i : erke-tegen oruyulju : yerü yekengki üiles-iyen tegüskebei bi* [Цендина, с. 38–39]. Двенадцать хаганов представляют собой «горизонтальную модель устройства мира», то есть олицетворяют весь мир [Скрынникова 2012, с. 385]. В соответствии с этим числом автор летописи приводит в тексте названия двенадцати завоеванных Чингис-ханом народов: джурчиды, корейцы, китайцы, сартагульцы, токмок, керейты, найманы, горлос, карлуки, тибетцы, сартагчины и тангуты.

¹ Т. Д. Скрынникова приходит к более широкому выводу о том, что две части модели «пяти чужих и четырех цветных улусов» могут соотноситься между собой и как часть и целое, и как две самостоятельные части пространственной модели мира у монголов. В последнем случае «пять цветных улусов» представляют собой самих монголов как центр модели и окружающих их с четырех сторон соседей, а «четыре чужих» – неизвестную монголам периферию, лежащую за пределами территории их соседей [Скрынникова 1997, с. 86–88].

Для сравнения, в «Сокровенном сказании» автор этого сочинения сначала называет *ejen*-ом Бархудай-мэргэна («Бархудай-Мерган, владетель Кол-баргучжин-догумский» [Козин 1941, с. 79], *köl-barqujin-tögüm-ün ejen barqudai-mergen* [Rachewiltz 1972, с. 14]) и Амбагая («Всенародный каган и государь народа» [Козин 1941, с. 84], *qamuiq-un qahan ulus-us ejen* [Rachewiltz 1972, с. 22]). Кроме того, тексте «Сокровенного сказания» автор памятника всегда указывает на объект «владения» хана, кем бы он ни был: *köl barqujin-tögüm-ün ejen* [Rachewiltz 1972, с. 14, Козин 1941, с. 79], *ulus-un ejen* [Rachewiltz 1972, с. 22, 50, 67, 173; Козин 1941, с. 84, 107, 120, 198–199], *biüdün ejen* («свой природный господин» [хозяин своих подданных. – Д. С.]) [Rachewiltz 1972, с. 111, Козин 1941, с. 154–155]. Таким образом, можно проследить динамику изменения значения термина *ejen* за несколько столетий, разделяющих написание «Сокровенного сказания» и «Шара туджи». Автор первого памятника, хоть и отмечает выдающиеся заслуги Чингис-хана и делает его историю центром повествования, однако основатель Монгольской империи в его глазах является одним из череды выдающихся правителей Монголии. Очевидно в XIII веке, во время составления «Сокровенного сказания», в политической культуре монголов еще не сложилось представление об абсолютной власти Чингис-хана или кого-либо из его предшественников. По этой причине автор всегда конкретизирует термин *ejen* определением, указывающим на объект владения правителя.

Таковыми же конкретизирующими объект владения *ejen*-а эпитетами пользуется и автор «Шара туджи», когда повествует о следующих за Чингис-ханом правителях: Тулуе (1191?–1232), Годане (1206–1251), Атай-тайджи, Рашияне, Даян-хане и Гэрэсэнэдзэ Джалаир хун-тайджи (1513?–1548). Все они принадлежали к Золотому роду потомков основателя Монгольской империи. При использовании понятия *ejen* по отношению к этим правителям, термин всегда дополняется либо именем этого правителя, либо эпитетом, который указывает на территориальные или этнические границы его власти: *ulus-un ejen* («Владыка улуса») [Цендина, с. 99], *mongyol ulus-un ejen* («Владыка монгольского улуса») [Цендина, с. 50], *jalayir qung tayiji qalq-a-yin ejen* («Джалаир хун-тайджи, Владыка Халхи») [Цендина, с. 227], *qosiyun ejen* («Владыка хошуна») [Цендина, с. 125], либо придает обращению к правителю еще более почтительный характер: *ejen qayun* («Владыка хаган») [Цендина, с. 223], *qan ejen* («Владыка хан») [Цендина, с. 222], *ejen ečige* («Владыка-отец») [Цендина, с. 75].

Более подробные сведения о проявлениях власти *ejen*-а и ее воплощении в материальной или духовной культуре приводятся только в описании жизни Чингис-хана, или в эпизодах так или иначе связанных с ним. Все

случаи употребления термина *eĵen* в таком контексте можно разделить на две группы, в зависимости от характера власти Чингис-хана в описанном фрагменте: светской или сакральной.

Среди примеров реализации светской власти Чингис-хана можно выделить те, которые относятся к функциям Чингис-хана как военного вождя: «после того владыка повеление сделал: “Во-первых, ранее обещал взять, во-вторых, остались непокоренными только они”, сказал и на тангутского Шидургу-хагана отправился в поход» [Шастина 1957, с. 132], *tendeĉe eĵen ĵarliy bolurun : nigen-iyer urida aman abuysan bile-e : nigen-iyer yaуĉa eden-i . oruyuluy-a edüi bile geĵü : minay-un siduryu qayan-tur mordujü* [Цендина, с. 39]; «Шидургу-хаган слово молвил: “Если убьешь, самому телу будет плохо [тебе самому будет плохо. – Д. С.]. Если не убьешь, то потомству твоему потом будет плохо”. В то время когда убивали, Эдзэн сказал: “Телу моему вреда не будет [мне самому вреда не будет. – Д. С.], пусть будет хорошо последующему потомству моему”. Шидургу-хаган сказал: “Гурбэлджин-гоа-хатун мою, взяв, обыщи, начиная с черных ногтей”. Эдзэн Гурбэлджин-гоа взял в жены» [Шастина 1957, с. 133], *siduryu qayan ögüleriün : namayi alabasu beyentür ĉini mayu : ese alabasu qoyitu üre-dü ĉini mayu : kemegsen-tür eĵen ene beye mini yai ügei : qoyitu üridü minile sayin boltuyai geĵi alaqui-tür . siduryu qayan gürbelĵin yov-a qatun-i minü qara kimusun-aĉa abun negĵi kemebesü : gürbelĵin yov-a qatun-i eĵen abubai* [Цендина, с. 40–41].

Другим проявлением власти Чингис-хана как светского правителя можно считать создание новой структуры монгольского общества и политики: «Эдзэн еще при жизни сказал: “Пусть будет Джучи в Токмоке, Чагатай в Туркестане, Угэдэй в нашей собственной земле, а Тулуй хранителем домашнего очага»» [Шастина 1957, с. 136–137], *eĵen serigün-tegen jüĉi-yi toytoy-tur : ĉayadai-yi sartayul-tur : ögedei-yi öberün orun-tur : tului yal yolomta sakin atuyai : kemegsen büülüge* [Цендина, с. 47]; «Вернувшись с этого великого похода, тем, которые отдали свою силу, начиная с девяти орлюков, раздал важные титулы, почетные должности, великие награды, поставив их по порядку сотниками, тысячниками и темниками» [Шастина 1957, с. 129], *tere yeke ayan-aĉa bayuyad : yisün örlüg-üd ekilen : küĉün-iyen öggügsed-e gün yeke ĉola . kündü yeke yambu : yeke öglige-yi ĵerge-ber ni . ĵayun-u noyad . mingyan-u noyad . tümen-i noyad bolyan* [Цендина, с. 30]. Первая цитата указывает на то, что структура нового государства характеризуется наличием традиционного для степных империй институтом наместничества, которое является промежуточным и связующим звеном между верховной властью хана и его двора с одной стороны, и местными правителями, вошедшими в состав конфедерации, с другой. Во втором эпизоде содержится указание на другую

характерную черту кочевых империй - военно-иерархическая десятичная общественная организация.

Другая группа словоупотреблений *ejen* в «Шара туджи» относится к проявлениям его сакральной власти. В летописи она выражается, в первую очередь, в обладании Чингис-ханом сакральной силой, которая причастна к процессу действия высших сил [Сакрализация власти 2005, с. 5–6]. Наличие у Чингис-хана такого рода способностей отражено в эпизоде летописи, посвященном описанию его поединка с тангутским Шидургу-ханом: «Шидургу-хаган обратился в змея. Эдзэн обратился в гаруди. Шидаргу-хаган обратился в тигра, тогда Эдзэн сделался арсланом. Когда Шидаргу-хаган превратился в юношу, то Эдзэн став Хормустой, схватил Шидаргу-хагана» [Шастина 1957, с. 133]; *siduryu qayan moyai bolun qubilbai : ejen garudi bolun qubilbai : siduryu qayan bars bolun qubilqui-tur inü : ejen arslan bolun . siduryu qayan köbegün bolun qubilqui-tur inü : ejen qormusta bolun qubilju : siduryu qayan-i baribai*. [Цендина, с. 40] Это описание борьбы, в которой противники постоянно меняют облик, является широко распространенным фольклорным мотивом [Березкин, L104]. Такую форму принимает распространенный у народов Сибири мотив «шаманского поединка» [Неклюдов 1975, с. 70]. Подобный сюжет можно обнаружить и в монгольском эпосе, в сказании «Бум-Ердени, лучший из витязей, сын Бурхан-хана и Бурхан-ханши» [Владимирцов 2003, с. 385]. Однако Бум-Эрдэни побеждает врага в образе зверя или старца, в то время как Чингис-хан в конце битвы превращается в Хормусту, что показывает его непосредственную связь с высшим божеством.

Концептуальным выражением связи Чингис-хана с Небом, как высшим божеством, является образ «золотой веревки» встречающийся в отрывке летописи, где приводится ответ Богурджи своей жене, которая возмущена тем, что ее муж не получил от Чингис-хана награду: «Богурджи слово молвил: “Вообще у женщин коротки поводья и мысли узки, мне хорошо, лишь бы золотые поводья владыки длинны были, тебе хорошо, чтобы я был жив”» [Шастина 1957, с. 131]; *boyurči ögülerün : yerü eme kümün-i jiluy-a ni boyuni : sanayan-i čiqul buyu . ejen-i altan oγusur urtu bolqula nada olja bi amidu yabuqula čimadu olja bisii* [Цендина, с. 33–34]. Представляется, что перевод Н. П. Шастиной не совсем точен. В данном отрывке словосочетание *altan oγusur* следует перевести как «золотая веревка», которая связывает правителя с Небом и для благополучия страны должна быть длинной. Подобный образ встречается в речи Богурджи по тому же поводу и в другой монгольской летописи XVII века «Эрдэнийн товч»: «Пусть золотая веревка моего владыки будет крепкой, драгоценный яшмовый великий *törö* мир-

ным/безмятежным» [Скрынникова 2013, с. 135], *eĵen-i minu altan oyosar batu boltuyai erdeni qas yeke törö inu tübsin-e abasu* [Rachewiltz, Krueger 1990, с. 74].

Такой тип связи Чингис-хана с Небом, выраженный сочетанием *altan oyusur*, вероятно является частью традиционных представлений монголов о связи хана с высшими силами. Близкие по смыслу сочетания несколько раз встречаются в «Сокровенном сказании»: *altan amin*¹ (золотая жизнь) [Rachewiltz 1972, с. 134, 161], *altan aryamĵi* (золотая веревка или аркан) [Rachewiltz 1972, с. 149, 153], *altan ĵiloĵa* (золотые вожжи или бразды) [Rachewiltz 1972, с. 153, 165]. Эти значения вполне укладываются в смысл понятия «харизмы» как связи с Небом, которая позволяет хану управлять страной. Таким образом, в этом случае обладание ханом харизмой определяется только его личными сакральными качествами.

Кроме того, в «Шара туджи» содержится указание на другой тип отношений правителя с Небом. Он отражен в эпизодах летописи, в которых автор указывает на небесное происхождение Чингис-хана, через обращение Чингиса к Небу или Хормусте, как к отцу. Такие указания содержатся в репликах Чингис-хана о значении встречи с однорогим зверем Сэру во время похода в Индию («Вероятно, небесный отец мой отговаривает» [Шастина 1957, с. 129], *tengri eĵige mini idqaysan buiĵ-a* [Цендина, с. 28–29]) и в уже упомянутом отрывке летописи, посвященном окончанию завоевательных походов («По велению отца моего небесного Хормуста тэнгри», *degere qormusta tengri eĵige-yügen ĵarliĵiy-iyar*). Они содержат в себе важную деталь, а именно указание на то, что Чингис-хан является сыном Неба или Хормусты.

В тексте также можно найти фрагмент, где предок Чингис-хана Бодончар определяется как сын Неба в соответствии с распространенной в монгольской литературе легендой о его происхождении от союза его матери Алан-гоа и «желтого человека», олицетворяющего свет: «После того, как Добу-Мэргэн переменил жизнь [умер. – Д. С.]. Когда Алан-гоа-хатун жила без мужа, то ночью в юрту ее свет проникал и через дымоход желтый небольшой человек спускался, соединялся и вследствие этого родился небесный сын Бодончар» [Шастина 1957, с. 128]; *dobu mergen yegüdkegsen qoyina . alang qov-a qatun anu . ere ügei yabuqui-tur . söni gerte inü genel oruyad sira çeüken kümün toyuna-bar ni oruĵu qamtudĵu yabuysan-aĵa törügsen . tengriyin köbegün bodungĵar buyu* [Цендина, с. 20–21].

¹ Т. Д. Скрынникова уточняет перевод этого сочетания, определяя его как «золотую харизму», принадлежащую не одному человеку, а целому роду [Скрынникова 1997, с. 98].

Указанные фрагменты представляют отношения Чингис-хана с Небом в иных, по сравнению с более ранними текстами, категориях – категориях родства, что, например, ни разу не встречается в тексте «Сокровенного сказания». Превращение правителя из обладающего уникальными качествами, «избранного» божеством в «сына» божества говорит о переходе от сакрализации правителя к его обожествлению.

Об обожествлении образа Чингис-хана говорит и существование специального места отправления его культа. Таким местом стали так называемые Белые юрты Владыки (*ejen-ü čayan ger*). Первое упоминание о них содержится в «Белой истории» (*čayan teüke*): «Вращающий тысячу золотых колес [учения] Хубилай Чакравартин Сэцэн-хан воздвиг восемь белых юрт, всеобщую опору на Алтан-Гэгэна, и установил Великий шелковый (?) закон», *mingan altan kürdün-i ergegülügči qubilai čakrvar-un sečen qayan altan gegen-ü yerüngkei-yin sitügen naiman čayan ger-i bayiyulju. toryan yeke yosu-yi toytayaysan anu* [Sagaster 1976, с. 81]. Таким образом, согласно «Белой истории», культ Чингис-хана был установлен его правнуком Хубилаем. В качестве даты этого события, Ц. Жамцарано указывает 1267 год [Жамцарано 1961, с. 195]. Это культовое место представляло собой восемь белых юрт, где хранились реликвии основателя Монгольской империи – его колчан со стрелами, знамя, подушка, на которой сохранились его волосы и вещи трех его жен. В качестве установленного государством культа, Белые юрты имели и назначенных законом служителей¹. Указание на них содержится в стихотворном «Восхвалении монгольским тумэнам», включенном в текст «Шара туджи»: «Тумэн Ордос, – являющийся крылом стремительного сокола, сохранивший одноколки с вращающейся осью, с уменьем в большом пальце, с большим сердцем в груди своей, охраняющий гороподобную белую юрту родившегося с гордостью Эдзэна» [Шастина 1957, с. 159], *erčimtü način-i jegür boluysan : ergikü qasay tergen-i qadyalaysan : erekei-tü-yin mergen : ebčigün-tegen yeke jirüketü : omuy-tu törügсen ejen-i ayula metü : čayan ger-i qadqalaysan ordos tümen* [Цендина, с. 168–169]

Приведенный отрывок подчеркивает сакральность Белых юрт Чингис-хана посредством сравнения этих юрт с горами, которые являются одним из

¹ В «Белой истории» сказано, что Хубилай повелел двенадцати ордосским тумэнам делать постоянные подношения всех необходимых вещей для праздника жертвоприношения четырем временам года (*taiqu dörben čay-un tayily-a-yin qurim-du kereglekü jüil-i arban qoyar otoy ordus tümen-dür qatangyadqan taiqu bolyan toytayabai*). Там же была закреплена административная структура, правовое положение и порядок обеспечения дархатов [Sagaster 1976, с. 81–82].

самых распространенных культовых объектов для традиционных культур в целом, и для цивилизаций Дальнего Востока в частности. Горы, особенно в условиях монгольского ландшафта, служили основными ориентирами на местности, как в географическом, так и в сакральном смысле. Гора, как одно из воплощений идеи *Axis mundi*, выступала в роли медиатора между Небом и Землей [Жуковская 1988, с. 27; Представления о пространстве 2008, с. 53]. Именно по этому признаку, на мой взгляд, автор «Шара туджи» проводит сравнение между горами и Белыми юртами Чингис-хана.

В «Шара туджи» дважды упоминается ритуал возведения на великоханский престол нового правителя перед «Белыми юртами»: в повествовании о Даян-хане (1464–1517\1543) и Годане (1520–1557): «Бату Мункэ было семь лет, Мандухай-хатун тридцать три, когда она, став его женой, говорила: “Да станет владычествовать над всеми в год тигра”, и, нарекиши Бату Мункэ Даян-хаганом, перед белою юртою Эдзэна на ханский престол возвела» [Шастина 1957, с. 148]¹, *möngke-yi doluyān nasun-tur batu anu : manduqai qatun yučin yurban nasun-tayan gergei bolun sitülčejü : bars jil-e dayan bügüde-yi eĵelekü boltuyai kemeĵü : batu möngke dayan qayan kemen nereyidčü : eĵen-ü čayan gerün emüne . qan sayubai* [Цендина, с. 99]; «Гудэн двадцати девяти лет отроду сделался ханом перед белой юртой» [Шастина 1957, с. 149], *güden qorin yisiün nasun-tayan : čayan gerün emüne . qayan bolju* [Цендина, с. 103]. Такой обряд интронизации придавал легитимность власти нового Великого хана. Источником легитимности, вероятно, были реликвии Чингис-хана, хранящие в себе его сакральную силу.

На сохранение сакральной силы Чингис-хана в Белых юртах указывает отрывок летописи, повествующий о смерти Тогон-тайши: «Тогон-тайши говорил оскорбительно, обходя вокруг белой юрты Эдзэна [Чингиса]: “Если ты обладающий счастьем-величием, то я потомок [ханши], обладающей счастьем-величием”. Из колчана Эдзэна стрелы стали издавать звуки, а изо рта и носа у Тогона кровь пошла. Велел привести сына своего Эсэна и сказал: “Заноза твоя очистится. Убей монгольского хана Мункэ. Я потомок женщины Сутай [обладающей харизмой. – Д. С.]. Святой Эдзэн так поступил со мной”. Так говоря, умер» [Шастина 1957, с. 144], *toyun tayisi eĵen-i čayan ger-i ergijü : dayarilan či sutu bolqula . bi sutai-yin üre kemen ögülebei : eĵen-i sayaday-tu-ki sumun dayun yarun . toyun-i qabar aman-ača čisun yarbai : köbegün-iyen esen-i*

¹ На мой взгляд, следующий перевод этого фрагмента летописи будет более точным: «Мункэ в семь лет возмужал. Уповая на это, Мандухай-хатун стала его женой. В год Тигра сказали: “Пусть Даян станет владычествовать над всеми”. Нарекли Бату-Мункэ Даян-хаганом и перед Белыми юртами Владыки сделали ханом».

iregüljü : örgüsün čini ariljam : mongyol-un γayča möngke-yi ala : eme sutai-yin üre bi : ejen boyda-du eyin kigdebei : kemegeđ ükebei [Цендина, с. 77–78].

Содержание этого фрагмента показывает, что реликвии Чингис-хана хранили его сакральную силу, с помощью которой он и после своей смерти мог участвовать в решении важных для монгольской политики вопросах, в первую очередь, в вопросах престолонаследия и перехода титула Великого хана. Вероятно, Тогон-тайши приехал к Белым юртам Чингис-хана, чтобы доказать легитимность своей власти и принять титул Великого хана. Однако, согласно обычаю, этот титул всегда передавался только внутри рода Борджигин, что делало невозможным избрание Тогона, который принадлежал к потомкам брата Чингис-хана Хасара, Великим ханом. Таким образом, культ Чингиса стал для монголов культом обожествленного правителя, чья сила через его реликвии, хранящиеся в Белых юртах и обеспечивающие связь монгольского этноса с Небом, продолжала регулировать процесс передачи титула Великого хана, сохраняя его как исключительное право Золотого рода его потомков.

Идея о необходимости сохранения власти только в рамках рода потомков Чингис-хана в тексте «Шара туджи» проявляется, на мой взгляд, также в завещании Чингис-хана: «Эдзэн, приподнявшись, повеление изрек: “Покидаемой мною Буртэ-хатун моей, сиротам оставляемым Угэдэю и Тулую моим, правдивые мысли свои проводя, непрерывно усилия свои отдавайте!”» [Шастина 1957, с. 134], *ejen öngdeyijü eyin jarliγ bolurun : öriγesün qoçuruγsan börte qatun-tu mini : önüčün qoçuruγsan ögedei tului qoyar-tu mini : ünen sedkil-iyer yabuju : ürgülji küčün-iyen öggügtün* [Цендина, с. 45]. Обращает на себя внимание тот факт, что Чингис-хан призывает народ отдавать свою силу только потомкам от его первой жены Бортэ, а именно Угэдэю и Тулую, и сохранять, таким образом, верховную власть внутри правящего рода Борджигин. В этом отрывке проявляется важный механизм регулирования политических отношений в монгольском обществе – права старшего и младшего сына на власть. Такой обычай был зафиксирован еще в летописи Рашид-ад-Дина: «Так как Чингиз-хан испытал сыновей в делах и знал, на что пригоден каждый из них, то он колебался относительно [передачи] престола и ханства: временами он помышлял об Угедей-каане, а иногда подумывал о младшем сыне Тулуй-хане, потому что у монголов издревле обычай и правило таковы, чтобы коренным юртом и домом отца ведал младший сын. Потом он сказал: “Дело престола и царства— дело трудное, пусть [им] ведает Угедей, а всем, что составляет юрт, дом, имущество, казну и войско, которые я собрал, — пусть ведает Тулуй”» [Рашид-ад-дин 1960, с. 8]. Таким образом, приведенный выше отрывок летописи, как и цитата из

труда персидского историка, указывают на существовавший в монгольском обществе обычай, по которому старший и младший сыновья правителя имели равные права на престол. В случае с наследниками Чингис-хана речь идет об Угэдэе и Тулуе [Крадин, Скрынникова 2006, с. 371–372].

При анализе понятия *eĵen* на материале «Шара туджи» в первую очередь речь идет о Чингис-хане, который, с точки зрения автора летописи, был первым «владыкой» монгольской империи, и стал им после объединения прилегающих к монгольским степям территорий. Заметно отличается оценка роли Чингис-хана как *eĵen-a* в «Сокровенном сказании», где Чингис-хан представляется как великий «владыка» в цепочке таких же правителей, которые также именуется *eĵen*. Напротив, в «Шара туджи» Чингис-хан предстает не как «первый среди равных», а как правитель, наделенный особой, абсолютной властью, распространение которой не имеет территориальных границ. Как абсолютный «владыка» Чингис-хан выступает как военный вождь и устроитель внутренней структуры империи.

С точки зрения категории сакральности, понятие *eĵen* в «Шара туджи» относится исключительно к Чингис-хану. Он выступает в роли «проводника» между социумом и Небом, то есть обладает сакральной властью. Основой такой власти является особая связь Чингиса с небом, которая, в отличие от «Сокровенного сказания», уже имеет форму родственных отношений. Таким образом, текст летописи указывает на формирование в монгольском сознании образа Чингис-хана как обожествленного правителя. Переход от сакрализации власти к обожествлению обычно сопутствует изменению характера общественных отношений от потестарных к политическим и утверждению неравенства в социальной структуре общества. Сакрализация власти в той или иной форме всегда сопутствует становлению политической системы в обществе и появлению в нем ранней формы государственности [Куббель 1988, с. 82]. В духовной культуре монголов обожествление Чингис-хана закрепилось через появление устойчивых представлений о божественной природе его власти, выраженных в определенных концептах, а в материальной культуре – через появление государственного культа, в рамках которого существовали культовые места, предметы и особые ритуалы, которые выполнялись только служителями этого культа.

Культ Чингис-хана стал способом связи монгольского социума с Небом через сохранение его сакральной власти в реликвиях, хранящихся в «Белых юртах». Они играли роль медиатора между Небом и социумом. Этот культ затрагивал в первую очередь сферу политической жизни монгольского общества, а именно вопросы престолонаследия. Передача верховной власти по завещанию Чингисхана должна была осуществляться только в рамках

рода его потомков от первой жены Бортэ. Это еще раз подчеркивает важность родоплеменной социальной структуры в монгольском обществе. Нестабильность жизни кочевника и территориальных границ, приводила к тому, что границы кочевой общности и принадлежность к властной элите определялись именно принадлежностью к тому или иному роду. Так, все последующие ханы, в отношении которых автор летописи использует титул *ежен*, являются Чингизидами, но ни один из них не обладал той сакральной силой, которой, в глазах автора, был наделен основатель Монгольской империи.

Список литературы

1. Березкин: *Березкин Ю. Е.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог // <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата последнего посещения – 15.09.2016).
2. Владимирцов 2003: *Владимирцов Б. Я.* Работы по литературе монгольских народов. М., 2002.
3. Жамцарано 1961: *Жамцарано Ц.* Культ Чингиса в Ордосе: Из путешествия в Южную Монголию в 1910 г. // *Central Asiatic Journal*. Vol. VI, № 3. Wiesbaden, 1961. P. 194–234.
4. Жуковская 1988: *Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
5. Козин 1941: *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.-Л., 1941.
6. Крадин, Скрынникова 2006: *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006.
7. Куббель 1988: *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
8. Неклюдов 1975: *Неклюдов С. Ю.* Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора. М.: Наука, 1975.
9. Рашид-ад-Дин 1960: *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960.
10. Сакрализация власти 2005: *Сакрализация власти в истории цивилизаций.* М, 2005. Ч. 2.
11. Скрынникова 1997: *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997.

12. Скрынникова 2012: *Скрынникова Т. Д.* «Улус» в монгольских летописях XVII в. // Тангуты в Центральной Азии. Сб.ст. в честь 80-летия Е. И. Кычанова. М.; ИФ «Восточная литература», 2012. С. 383-399.
13. Скрынникова 2013: *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб., 2013.
14. Успенский 1993: *Успенский В. Л.* «Сокровенное Сказание» и монгольская историография XVII–XVIII вв. // *Mongolica*. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993.
15. Цендина 2007: *Цендина А. Д.* Монгольские летописи XVII–XIX вв.: повествовательные традиции. М., 2007.
16. Цендина: *Цендина А. Д.* Транслитерация монгольского текста «Шара туджи» // <http://altaica.ru/sira.php> (дата последнего посещения – 15.09.2016).
17. Шастина 1957: Шастина Туджи. Монгольская летопись XVII века. Своди, текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.-Л., 1957.
18. Rachewiltz 1972: *Rachewiltz I. de.* Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington, 1972 (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, vol. 121).
19. Rachewiltz, Krueger, 1990: Sagang secen. Erdeni-yin tobci. (Precious summary). A Mongolian Chronicle of 1662. II. Word-Index to the Urga text prepared by *I. de Rachewiltz, J. R. Krueger*. Australian National University. Canberra 1991.
20. Sagaster 1976: *Sagaster Kl.* Die Weisse Geschichte. Eine Mongolische Quelle zur Lehre von den Beiden Ordnungen Religion und Staat in Tibet und der Mongolei. Wiesbaden, 1976.

D. D. Selyunina

MEANING OF THE TERM *EĴEN* IN THE “SHAR TUUJ” CHRONICAL

Abstract. *This article focuses on analysis of one of the most frequent appellation of Mongolian rulers – eĵen. Determining of contexts of this term allows to expand knowledge of a sovereign's status in Mongolian political culture and worldview in XVII century. Studying the term also reveals a correlation between sacred and profane functions of eĵen depending on what Mongolian ruler was defined by this term.*

Keywords: *power, political culture, sacralisation, legitimation of power, Genghis Khan.*

К ВОПРОСУ ПСИХОЛОГИЗМА В МОНГОЛЬСКОЙ ПРОЗЕ

Аннотация. В статье дается характеристика творчества современного монгольского писателя Т. Юмсурэна (на примере сборника рассказов «Ирвэс»), а также ряда молодых прозаиков XXI века, работающих в жанре рассказа. В частности, приведен анализ рассказов Т. Бум-Эрдэнэ. Писатели не изменяют главной теме — нравственности и психологии человеческих отношений. При этом авторы сохраняют приверженность реалистической манере письма.

Ключевые слова: ирбис, современная проза, психология, аллегория.

Монгольская литература сохранила стилистическое и жанровое многообразие, все достижения художественного опыта XX в. Особого прочтения с точки зрения этнокультурного, мировоззренческого пласта требует литература второй половины прошедшего века. При этом, рубежным стал период 60-х гг., когда в литературе произошли не только количественные, но и качественные преобразования. Изменения в поэтике определенным образом связаны с новыми эстетическими потребностями общества, новым художественно-эстетическим сознанием. Прежде всего, этот период ознаменован бурным развитием прозы. В 60-е гг. в монгольскую повествовательную литературу, построенную по эпическим законам, входит лирика. «Проза принялась настраиваться на волну «большой культурной традиции», и сознание важности такой настройки поднимало тонус даже заведомо негромких лирических повествований. Проникаясь интересом к духовному, к долгосрочным проблемам этики, литература с подъемом гасила свою задолженность по части «долгосрочных проблем» [Камянов 1984, с. 381]. Художники пристально занялись внутренним укладом человека, увиденного не только в производственной или социальной сфере, но и в масштабах бытия, тысячелетнего опыта поколений. Усилению личностного начала в немалой степени способствовала «оттепель» в политическом курсе. Писатели этого периода заметно обогатили поэтику и стиль монгольской литературы. Переосмысливая традиционные образы, осваивая приемы мастерства русских и зарубежных классиков, монгольские писатели способствовали психологизации прозы.

На рубеже веков заметно обновляются темы и жанры монгольской прозы. Значительно обогащается её поэтика. Можно выделить реалистическое, философское, афористическое, символическое направления и характерный

для постмодернизма поток сознания. Главное внимание сегодня уделяется стилю и форме. По-прежнему существенное влияние на литературу оказывают устная эпическая традиция, сказительство, импровизация. Среди прочих жанров большой удельный вес занимают мемуары, документальная проза и публицистика.

Сегодня доминирующее положение в контексте литературного развития занимает малый жанр сюжетно-повествовательной прозы – рассказ, который включает в себя также рассказ-притчу, лирическую миниатюру, содержащую либо философскую сентенцию, либо пейзажную зарисовку. Короткий рассказ – излюбленный жанр монгольских писателей. С начала 90-х годов XX в. в Улан-Баторе регулярно проводится конкурс на лучший короткий рассказ «Украшение смысла» (*Утгын чимэг*), а после 2000 г. увидели свет несколько альманахов короткого рассказа (2003, 2005, 2009). Малая проза отличается повышенной смысловой наполненностью и символичностью. Экспрессия и накал чувств, описываемые в коротких рассказах, проникнутых лиризмом и психологичностью, закономерно роднят этот жанр с поэзией, которая переживает подъем в переходный период развития общества. Неслучайно и авторы этих рассказов (Бидэрийн Баярсайхан (1973), Турийн Баянсан (1969), Пурэвхугийн Батхуяг (1975) и др.) начинали свой путь в литературе как поэты, выпустив по 2–3 сборника стихов.

Пожалуй, особняком в ряду писателей нового поколения XXI в. стоит имя Тумэнбаярын Бум-Эрдэнэ (1967). Самый продуктивный период биографии писателя выпал на период жизни, проведенный в США (2002–2011 гг.). Первый сборник рассказов Т. Бум-Эрдэнэ «Неизбывное» (*Сэмэрч үл барагдана*), сразу обративший на себя внимание и читателей и литературного цеха, вышел в 2008 г. Затем еще два сборника: «Те самые» (*Өнөөх* 2011) «61 старший брат» (*61 ах*, 2011), «Женская книга» (*Эмэгтэй ном* 2012). Сегодня талант Т. Бум-Эрдэнэ находится в зените, в его блоге в Интернете постоянно появляются все новые и новые рассказы. Сам Т. Бум-Эрдэнэ признается, что наследует традицию психологической новеллы признанного мастера XX в. С. Эрдэнэ.

Точность психологического рисунка прозы отличает стиль Т. Бум-Эрдэнэ. В центре его повествования всегда житейская тема и личность героя, его внутренний мир. Это эпос частной жизни.

Почти все рассказы начинаются с динамичной картины мира, с действия. Всегда присутствует хронотоп – время и место, указание на время действия. Обозначено время года – это либо сенокос, дожди, или заснеженные горы. В зачине как бы дается краткое содержание и идея рассказа. Как у Инжинаша четверостишие перед каждой главой. Или дается портрет героя. Как

колофон в средневековой литературе. С другой стороны индивидуальный стиль автора проявляется в том, что часто началом рассказа служит явственный зрительный ряд, напоминающий живопись передвижников, бытовые картины. Например, в рассказе «Неизбывное»: «Когда Билгээ приходит с работы, младший сын встречается с надеждой получить гостинец, но увидев, что отец пришел с пустыми руками, в глазах появляется едва заметная грусть» (*«Билгээ ажлаасаа орж ирэхэд бага хүү нь тосон гуйж ирснээ гарт нь элдэв юм байхгүйг мэдээд нүдэнд нь үл ялиг гуниг үелзээд эргэж чавхадлаа»*). В этом рассказе повествование ведется от лица главы семьи Билгээ. Жизнь семьи автор сравнивает с симфонией (*Энэ бүхэн эдний амьдралын симфонийн үндсэн хөг*). Мастерски выписывает автор тонкие нюансы отношений между членами семьи. Сын приехал на побывку из города. Родители заметили, как он изменился, стал грустным и задумчивым, он повзрослел. Неизбывно чувство нежности и любви матери к сыну, который по-прежнему остается для нее таким же маленьким как в детстве (*«Эх хүний сэтгэл гэдэг яасан ч сэмэрч үл барагдах агуу эд байдгийм дээ»*).

Представляется, не случайно автор так назвал сборник: «Неизбывное». В каждом рассказе писатель пытается воспроизвести материализованное движение души, акцент на эмоциях. Главный персонаж всех рассказов это неизбывное чувство – любовь. Потому что мир держится на любви, – убеждает своего читателя Т. Бум-Эрдэнэ.

Почти всегда ткань рассказа выстроена в лирической тональности. Современные герои простые люди. В ткань повествования о человеке и его отношениях с миром вплетается голос автора. За сюжетом, бытовыми картинками жизни раскрывается внутренний мир персонажа. И сюжет в данном случае служит формой художественной литературы, в которой центральное место занимают субъективные переживания индивида.

Например, герой рассказа «Время и Цог» (*«Цаг Цог хоёр»*) – Цогоо, придя домой, вдруг увидел свое жилье, комнату словно впервые. Вспомнил, как они с женой поженились восемь лет тому назад. Он смотрит на часы на стене, которые когда-то им подарили одноклассники, и в этот момент время как бы оживает. Реальные часы цаг созвучны имени героя Цогоо. Стоявшие до этого часы пошли, время как бы двинулось вспять, сыграв свою сюжетобразующую роль в ретроспективном повествовании.

Трогательная история жизни двух любящих стариков Нанзада и Олзод описана в рассказе «Спаянные» (*«Гагнаас»*). Колоритно выписаны портреты героев – двух пожилых людей, живущих в нелегких условиях худона. Нанзад: «Овчинный тулуп на нем прохудился, толстые стеганые штаны заправлены в гуталы, на голове большая лисья шапка лоовуз, на шее вместо

шарфа хвост манула». («Далбагар нудрагатай үзүүрсэн нэхий дээл хөдөрч нэхий дотортой өмдөн дээр монтгор эсгий гутал углаж том улаан үнэгэн лоовууз буулгаж бүчлээд, мануулын сүүлэн хүзүүвч эрүүвчилжээ.»)

Герой одноименного рассказа Ангарай – бедный одинокий юноша, сирота, наивная чистая душа. Не может думать о людях плохо. В рассказе выписаны разные типы характеров – сомонный заан, например – надменный, амбициозный высокомерный парень. Агиймаа – гордая местная красавица. Ярко написан образ молодого человека, работающего, скромного, не претендующего ни на что в этой жизни. Персонаж противопоставляется «герою нашего времени» – преуспевающему городскому менеджеру.

Ретроспективно построен рассказ «Мать» («Эжий»). Герой вспоминает родителей. В детстве его оставила мать – родители развелись и разделили детей. Всю жизнь он осуждал мать внутренне про себя. Но горестные воспоминания помогает пережить философский взгляд на мир: «все же солнечных дней больше в году», – делает вывод герой.

Нетипичная ситуация описана в рассказе «Потанцуйте с моим папой» («Аавтай минь бужиглээч»). Рассказ написан от первого лица дочери. Ей шестнадцать лет. Проникнут любовью к отцу. Мать уехала на заработки за границу. Дочь живет вдвоем с отцом. С некоторых пор мать перестала звонить. Возникает ассоциация со «слезами верблюдицы», как в фильме «Слезы верблюдицы» – там мать от звуков моринхура принимает отвергнутого малыша, плачет. Девушка мечтает, чтобы родители встретились на танцах, чтобы сказать матери: «Потанцуй с моим папой».

В духе поучительной притчи или даже традиционного жанра уг выполнен рассказ «Золото» («Алт»). Герой много пил. Однажды утром жена стала его ругать и сказала: «Вчера ты дочери спать не давал». Боргил очень любил дочь, и эти слова его сильно задело, поразили, были шоком. Тогда он поклялся, пообещал, что теперь будет пить не больше трех рюмок. И сдержал слово. Так что даже позже его прозвали «Три Боргио» («Гурван Боргио»). А собутыльники ему говорили: «Ты же не алкоголик, зачем обещать?» («Чи архичин биш тэгж амлаад яадгийм»). Он нашел свое золото, потому что жизнь наладилась, счастье пришло в семью. Золото становится метафорой души человека, доброты.

Истинным традиционным ценностям монголов посвящен рассказ «Станный сон» («Сонин зууд») о восьмилетнем мальчике, маленьком пастухе. Амараа живет у бабушки с дедушкой, приехал из города. В школе задали на лето прочитать Библию. Дед увидел в книге обнаженных людей и стал ругать внука. Главная книга монголов – «Сокровенное сказание» («Нууц товчоо»), – говорит он. Внук поехал пасти овец и в овраге случайно

нашел маленький слиток золота. Он заснул. Приснился ему сон – все люди на земле голые, вместо фигового листка деньги – разные деньги разных национальностей – тутрики, йены (еэнь), евро (ёвро), юань, доллар, рубль (в такой последовательности). Люди уничтожили все на планете, на ней ничего нет, кроме самих людей, они жадные и агрессивные. Они гонятся за мальчиком, а он прижимает к груди Нууц товчоо, что завещал ему дед. Проснувшись, мальчик закопал кусок золота и прикрыл это место камнем.

Тема патриотизма звучит и в вошедших в сборник миниатюрах, таких, как например, зарисовка «Уникальная судьба» («Ижилгүй заяа»). Очень подробно, до мельчайших деталей описан всадник. Вторя Д. Нацагдоржу и его рассказу «Шувуун саарал», Т. Бум-Эрдэнэ любит конем и табунщиком.

Характерно, что особой любовью и чувством проникнуты рассказы, посвященные деревне, традиционному укладу жизни монголов. В этом сборнике Т. Бум-Эрдэнэ реализуется весьма распространенная тенденция в монгольской литературе – идеализация природы, кочевого образа жизни.

Опыт психологической прозы, начатый рассматриваемым нами сборником рассказов, молодой писатель успешно продолжает в упомянутых выше книгах, а также в отдельных рассказах, публикуемых в его блоге в Интернете. Один из них, «Дуйнгэр» свидетельствует о значительно выросшем мастерстве писателя. В рисунке портрета героев здесь можно видеть утонченную манеру письма, где любовь к персонажу сочетается с иронией и юмором. В этом психологическая точность рисунка прозы.

Таким образом, на примере творчества современного прозаика Т. Бум-Эрдэнэ можно проследить эволюцию художественного творчества в Монголии, ее движение к лирическому рассказу, первостепенным объектом исследования которого становится *личность*, вписанная в конкретный историко-общественный контекст. Результатом взаимодействия и взаимообогащения разных форм новеллистики в пределах литературного процесса стало формирование мощного пласта реалистической социально-психологической прозы с присущей ей системой приоритетов, эстетикой и поэтичной спецификой.

Примером такой прозы может служить сборник рассказов Т. Юмсурэна (1937) – опытного монгольского писателя. Название сборника «Ирвэс»¹ (рус. «ирбис») оставляет на языке привкус обоюдоострого ножа и ощущение, будто вот-вот холодок пробежит по спине. Буквенное сочетание сообщает слову эмоциональную окрашенность, включает ассоциативную память. Если вы

¹ Т. Юмсурэн. Ирвэс. Сборник рассказов. Улаанбаатаар: Урлах эрдэм. 2004, 203 стр.

посмотрите в словари, помимо «ирбис», найдете несколько других русских эквивалентов: «пантера», «леопард», «снежный барс». Этот царственный красивый и сильный зверь занесен в Красную книгу. В Монголии живет 2 тысячи из семи тысяч сохранившихся в мире особей.

О. Мандельштам первым в XX веке произнес: «*Мне на плечи накинута век-волкодав, но не волк я по крови своей...*»: «Зверь мой, век мой». Суровый век принес много испытаний на долю рода человеческого, так что метафора зверя пришлась эпохе впору. Она оказалась созвучной и нашему бурному времени – времени без образов и без духовных идеалов, господства «маскульта», карнавальная эстетики. Т. Юмсурэн почувствовал этот нерв эпохи и передал его в книге «Ирвэс», состоящей из 26 рассказов, многие из которых были написаны еще в конце 80-х – 90-е гг.

Т. Юмсурэн – один из тех немногих писателей, творчества которого не коснулась «перестройка», разрушившая высокие моральные ценности в умонастроениях людей. Он сохранил верность главной теме и продолжает писать о людях, зле и добре, коварстве и чистоте помыслов.

Первые литературные опыты Т. Юмсурэна относятся к 1969 году, когда вышел сборник рассказов «Речная галька» («*Голын харгиа*», 1969), затем последовали книги «Козленок, потерявший рога» («*Эврээ гээсэн ишиг*», 1974), «Родные дали» («*Нутгийн бараа*», 1980), «Речные перекааты» («*Уулын голын шуугиан*», 1989), «Наше время» («*Ирж яваа цаг*», 1991), «Ночь» («*Шөнө*», 1996).

Творческим кредо писателя можно считать его отношение ко времени, как к непрерывному процессу, сплошной нити, для него это «*ирж яваа цаг*», в буквальном переводе на русский язык: «настающее настоящее», другими словами, неостановимое движение времени, у которого нет ни прошлого, ни будущего, это миг между прошлым и будущим. То, что Д. Батбаяр называл самой жизнью. Т. Юмсурэн в своей прозе чутко прислушивается к течению времени, стараясь зафиксировать, «вернуть» наиболее значимые моменты бытия, поэтому его любимый прием – ретроспекция. Тогда время становится обратимым. Время сопряжено с пространством по формуле «здесь и сейчас». Перемещаясь во времени и в пространстве, герой меняется. Иногда механическое передвижение в пространстве (например, из деревни в город) заменяет движение во времени. Время растягивается, застывает, когда герою выпадает на долю ожидание, подчас на всю жизнь, как происходит в произведении «Свидимся на том свете» («*Хойд насанд уулзах болзоо*»), или, наоборот, как в рассказе «По течению» («*Голдирлоо дагасан урсгал*») – героиня не дождалась своей любви, поспешила и потом всю жизнь раскаивалась. Все произошло из-за роковой случайности – письма не дошли до адресата, и она вышла за другого.

В центре повествования всех рассказов сборника «Ирвэс» человеческий характер в предлагаемых обстоятельствах. Подчас эволюция героя происходит в худшую сторону. Писатель показывает, как происходит деградация личности, так что человек оказывается в тюрьме: «Финал пирушки в лесу» («*Ойд болсон найрын төгсгөл*»).

Т. Юмсурэн хорошо знаком с русской литературой, следит за новинками современной прозы, много переводит. Известно, что один из его любимых писателей Ю. Нагибин (1920–1994). Можно назвать некоторые параллели в творчестве двух писателей. Это бытописание, обостренное внимание к жизни социума, как сумма личных переживаний, индивидуальных характеров, насыщено эмоциональными и душевными переживаниями. В этом преимущество рассказа. Сжатость формы рождает необходимость тщательно «прописывать» личностные качества персонажей. Сам автор при этом не скрывает приверженности к гуманистическим идеалам – ткань повествования окрашена сопереживанием, проникнута любовью к людям.

Смысл аллегории названия рассказа «Ирвэс», по которому назван весь сборник, заключается в том, что человек, истребив непомерное число антилоп, нарушил баланс экосистемы. Леопард, царь зверей и украшение природы, лишенный пропитания, стал нападать на скот и людей. Но сегодня нет гармонии и в обществе. В агрессивной среде честному и простому человеку неуютно, ему трудно выживать. Среди людей появились свои «леопарды» и «хищники». Персонаж «Ирбис» надо понимать в этом случае как наказание человечеству за предательство моральных устоев.

В большинстве рассказов описывается жизнь в сельской местности или худоне. Писатель идеализирует образ жизни степняка, считает, что только на природе есть условия для сохранения нравственной чистоты. Словно бы малая родина оберегает человека от дурного влияния и разрушения, которое несут в себе город и урбанизация. Т. Юмсурэн показывает, как город выхолащивает в человеке все доброе. Герои его рассказов мечтают о городе, но ничего хорошего там не находят. У героя всегда есть выбор – остаться в худоне или уехать в город, как в рассказе «Голубые миражи степи» («*Нутгийн цэнхэр зэрэглээ*»). Дондог пасет овец на перевале Баяндаваан и вспоминает, как рос его младший сын, который теперь уехал в город и не смог там учиться – за пьянство его исключили из института. Дондог считает, что виной всему город с его свободой и бездельем. Однако излишняя родительская любовь тоже повинна в том, что судьба сына не сложилась. Его с детства опекали, оберегали от всех трудностей. Вот он и вырос неспособным трудиться и преодолевать лишения. Такая же ситуация в рассказе «Слезы матери» («*Эхийн нулимс*»). Мать всегда жалела сына и баловала

его, деньги давала, а сын вырос иждивенцем, лентяем и пьяницей. Часто повествование в рассказах ведется от первого лица. Например, в рассказе «Что скажет Цэцгээ?» («*Цэцгээ юу хэлэх бол*») девочка Заяя силой чистой непорочной детской души находит себе отца, а своей матери Цэцгээ мужа.

Рассказы Т. Юмсурэна – это широкая панорама народной жизни. Автор сохраняет приверженность к реалистической манере описания событий. Всегда четко обозначены сюжетные рамки повествования, а двигателем разворачивания сюжета служит нравственный мотив: ответственность и долг перед ближним, честность, верность данному слову. Рассказывая о преданности и предательстве, самоотверженности в любви и порядочности, писатель утверждает, что человек всегда несет ответственность за свои поступки – судьба воздаст ему как за добро, так и за зло. В зависимости от характеров героев, нравственной установки складываются их личные судьбы. Важно еще иметь способность сделать правильный выбор, то есть «выбор по совести», считает Т. Юмсурэн. В рассказе «Скоро станция» («*Буудал ойртож байна*») он показывает, к чему приводят безнравственность, черствость, обман. Рассказ «На дороге пыль клубится» («*Алсаас тоосрох бараа*») о преданности в любви. Девушка однажды спасла замерзающего в степи водителя, выходила его. Молодые люди полюбили друг друга, потом он уехал и только спустя несколько лет прислал письмо, что едет к ней. Верность помогла дожидаться любимого.

Чего только не услышишь в дороге! В рассказе «Переправа на Орхоне» («*Орхоны гарам*») попутчики делятся своими случаями из жизни. Вот поучительная история: некий человек не жалел жену, не заботился, надолго уезжал и бросал ее. Однажды вернулся домой – жена умирает. Другой поучительный случай, напоминающий небезызвестную гоголевскую историю о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, изображен в рассказе «Умысел» («*Санаашрал*»). Арат написал жалобу в милицию на своего соседа за оскорбление и избиение, предоставил фальшивую справку от врача. Обида, казалось, навсегда развела в разные стороны бывших друзей, но смерть матерей их примирила. Похожий сюжет в рассказе «Два дома» («*Хоёр айл*»), построенном на диалогах и монологах. Стилистика разговорной речи придает внутреннюю экспрессию, динамику сюжета. История шокирует. Дети-подростки Содмаа и Гамбаа ушли из дома из-за ссоры родителей. Их тела нашли в лесу – волки напали. Мир достался слишком дорогой ценой, совсем как у Шекспира в истории о семьях Монтекки и Капулетти. В таких рассказах присутствует явный элемент дидактики, сближающий современный текст с классическим повествованием «*үлгэр-өгүүлэг*» (рассказ-сказка). Морализаторский пафос характеризует многие

рассказы. Например, в показанной ретроспективно истории под названием «Последняя встреча» («*Сүүлчийн уулзалт*»), рисуется эпизод, как, бывший следователь Бямбасурэн, приехав в родной сомон спустя 30 лет, встретился со своим подследственным Жандагом, которого когда-то посадил в тюрьму на 15 лет за убийство падчерицы. Теперь они встретились в последний раз. Горечь от утерянных лет жизни и раскаяние высветила эта встреча. В рассказе «Осадок на дне стакана» («*Хундаганы шавхруу*») похороны превращаются в пирушку с руганью и дракой. Герой рассказа Жагваа ходит на похороны, чтобы выпить. Во всех этих рассказах ярко высвечивается дидактическое начало, оно в порицании подобного поведения человека.

Иногда в рассказах чувствуется журналистский опыт писателя: они напоминают репортажи с места событий, например, рассказ «Как поймали ирбиса» («*Ирвэс барьсан нь*»). Вообще, документализм занимает важное место в монгольской литературе последнего десятилетия. Прежде всего, это связано с возникшим в начале 90-х годов большим пластом произведений, посвященных репрессиям 1937 гг. Не обошел стороной «больную» тему и Т. Юмсурэн. События 30-х годов прошлого века изображены в рассказах «Гимн священной горе» («*Ээж хайрханы дууль*») – о том, как был разрушен монастырь в Гоби-Алтайском аймаке; «Заповздавшие показания» («*Хожимдсон мэдуулэг*») – о событиях 1939 года, «До встречи в следующей жизни» («*Хойд насанд уулзах болзоо*») – о женской верности. Два рассказа посвящены битве на Халхин-Голе: «Два пулеметчика» («*Хоёр пулеметчин*») и «Ночные звезды» («*Шөнийн одод*»).

Приверженец идеалов русского реализма, Т. Юмсурэн воспевает вечные моральные ценности. Быть может, сегодня его творчество не очень вписывается в мейнстрим монгольской литературы: по классификации доктора, это беллетристика и «сложная» элитная проза [Билигсайхан 2004]. С другой стороны, творчество Т. Юмсурэна занимает свою нишу в литературном пространстве рубежа веков, создавая необходимую среду для дальнейшего развития словесного искусства монголов. Писатель вносит вклад в решение особенно важных для литературного процесса задач в условиях стремления к модернистским тенденциям, разрушения старых форм: поиск героя, сохранение критериев нравственности, продолжение традиции повествовательной реалистической прозы.

Список литературы

1. Билигсайхан 2004: *Билигсайхан Ч.* Монголд хүүрнэл зохиолын өнөө маргааш // «Өдрийн сонин», 10 мая 2004 г.
2. Камаянов 1984: *Камянов В.* Доверие к сложности. М., 1984.

L. G. Skorodumova

ON THE QUESTION OF PSYCHOLOGISM IN THE MONGOLIAN PROSE

Abstract. The article is devoted to the characteristic of modern Mongolian writer T. Yumsuren (on the example of the collection of short stories «Irbis») and also of some young prosaists of 21st century who are working in the genre of story. Particularly, the analysis of T.Bum-Erdene's stories. The writers follow the main theme - morality and psychology of people's relationships keeping adherence to the realistic manner of writing.

Keywords: Irbis, modern prose, psychology, allegory.

НОЙОНЫ ХАЛХИ XVII В.

Аннотация. Статья посвящена проблеме интерпретации статуса лиц, обозначаемых в монгольских письменных памятниках титулом *нойон*. Анализ оригинальных монгольских текстов показал, что прежде всего титул *нойон* маркировал представителей Золотого рода Чингис-хана, выполнявших властные функции. Титул *нойон* использовался в титулатуре аристократии Халхи для обозначения специального статуса наряду с титулами *тайджи* и *хунтайджи*.

Ключевые слова: титул *нойон*, Халха, правящая элита, социально-политическая структура

Реконструкция исторического контекста специалистами по истории Монголии основывается на интерпретации терминов социально-политической структуры. В этой статье я хотела бы обратить внимание на одну из наиболее актуальных и дискуссионных проблем, связанной с изучением социально-политической структуры монгольского общества в определенные периоды. Можно ли с уверенностью говорить о том, что в монгольской традиционной политической культуре лица, занимающие социальную позицию, обозначаемую титулом *ноуан*, обладают определенным паттерном поведения? Как и в отношении терминологии лидерства различных социальных групп элиты монгольского общества XII–XIII вв., о чем я писала прежде [Скрынникова 2015], можно отметить столь же недостаточную изученность проблемы иерархии монгольских элит XVII века, в частности места одной из важнейших элитных групп – *нойонов* в социально-политической структуре монгольского общества. Эта статья не столько включает в себя окончательные выводы по поводу социально-политической структуры Монголии XIII–XVII вв., сколько имеет целью высказать мою точку зрения на интерпретацию основных терминов и подчеркнуть основные проблемы, которые по-прежнему ждут решения. Благодаря дошедшим до нас источникам мы можем реконструировать динамику социальной организации и политических структур монгольского общества, провести анализ статуса и функций лиц, обозначенных титулом *нойон*, что представляет особенный интерес для системного исследования властных отношений в монгольском обществе XVII в.

Одним из путей, которым определяется статус и производные от статуса права и обязанности социальной группы, обозначаемой титулом *ноуан*, может быть сопоставление ее места в иерархии с позицией других групп в

той же социальной страте, а именно элиты, монгольского общества XVII в. Эту социальную страту – элиту – объединяет совместная деятельность в социально-политической сфере по стабилизации жизни общества, с одной стороны. С другой стороны, права и обязанности отдельных социальных групп дифференцированы, что закрепляется фиксацией за каждой из них статусных символов, важнейшим из которых становится титул. Закрепление титулов способствует адекватному выполнению представителями групп своих функций и, соответственно, достижению требуемого консенсуса в их совместной деятельности. Это, конечно, в идеале.

В реальности при анализе статусов представителей элиты монгольского улуса и их иерархии также необходимо иметь в виду, на мой взгляд, справедливое замечание А. М. Хазанова о том, что «у кочевников аборигенную модель нельзя представлять как жесткий структурный каркас для фиксации малоизменяющейся реальности. Сам каркас подвижен и в соответствии со спецификой конкретной действительности приспособлен не только для статичности функционирования социальных форм, но и для их трансформаций и изменений. Не случайно сами кочевники явно осознают структурные принципы своих моделей, но в то же время нередко весьма смутно представляют их границы и отдельные детали» [Хазанов 2008, с. 152].

Концепт *ноуан* имеет свою историю развития. Б. Я. Владимирцов писал о периоде Монгольской империи: «Нояны – так стали называть темников, тысячников и сотников – определялись своего рода инвеститурой великого хана, причем впоследствии выдавалась грамота-ярлык (*jarlig*)... » [Владимирцов 2002, с. 402]. При этом для Б. Я. Владимирцова актуальным было разделение общества на господ – *ноуад* и чернь – *хагасу* [Владимирцов 2002, с. 365]. «И мы можем наблюдать, как простой народ, чернь, хагасу подпадает под все усиливающуюся зависимость от высшего слоя *ноуад* “господ”» [Владимирцов 2002, с. 366]. Но мы уже видели, что прежде всего в предимперский и раннеимперский период ключевым фактом в интерпретации значения статуса нойона в иерархии монгольской элиты можно считать точку зрения Б.Я. Владимирцова: «титул *ноуан*... с давних пор носили представители степных аристократических родов. Перенесение титула *ноуан* на военных вассалов-феодалов знаменательно» [Владимирцов 2002, с. 400].

П. О. Рыкин, приводящий примеры о статусах царевичей и нойонов, относящиеся к периоду правления Угэдэя и после него, противопоставляет нойонство и представителей правящей фамилии: «С целью адекватного объяснения двучленной градации монгольской знати я предложил использовать такие понятия, которые, во-первых, реально функционировали в статусной системе Монгольской империи, а во-вторых, имели терминологию»

гическое выражение в монгольском языке той эпохи. На роль такого рода понятий мной были предложены термины 1) «царевичи» (ср.-монг. *kö'üt*, ед. ч. *kö'ün*) — потомки Чингисхана или его братьев; 2) «князья» (ср.-монг. *noyat*, ед. ч. *noyan*) — знатные лица, не относящиеся к «золотому потомству» основателя империи» [Рыкин 2013, с. 246].

Так ли это? Как мы знаем, носитель титула отчигин – Тэмугэ-отчигин жил довольно долго, поэтому Тулуй, младший сын Чингис-хана, который получил в пользование основной юрт отца, не являлся отчигином, он нигде не упоминается с этим титулом, в Сборнике летописей он называется Тулуй-ханом, Экэ-нойоном или Улуг-нойоном: «Все остальные войска, кроме этих войск, которые Чингиз-хан соизволил определить [за каждым], он отдал вместе с личными ордами и юртами младшему сыну Тулуй-хану, по прозванию Экэ-нойон» [Рашид-ад-дин 1952б, с. 275-276]. Я уже показала [Скрынникова 2015], что Тулуй был не единственным членом правящей фамилии, который был наделен титулом *нойон*. О том, что титул *нойон* маркирует и персон, принадлежавших в правящей фамилии, причем, как правило, младших сыновей, обнаруживается и в *Тайной истории монголов*. Когда в 1204 г. пришла весть о том, что найманский Таян-хан намеревается напасть на монголов, Чингис-хан тут же, на охоте, устроил совещание. «§ 190. ... Тогда Отчигин-нойон говорит: “Так неужели можно отговариваться словами вроде того, что наши кони тощи? У меня кони – жирны! Ужели спокойно выслушивать подобные речи?”. Затем слово взял Бельгутай-нойон. ... § 191. Понравилось это слово Бельгутая (-нойона – в монгольском тексте. – Т.С.) Чингис-хану» [Козин 1941, с. 143–144, § 190–191].

Но кроме упоминаемых выше Отчигин-нойона (младший сын Оэлун – жены Есугэй-багатура [Rachewiltz 1972, с. 103, § 195]) и Бельгутэй-нойона (младший брат Чингис-хана от другой жены Есугэй-багатура), которые были младшими сыновьями в семье, совершенно определенно можно говорить об Ехэ-Цэрэне, младшем сыне Хулан-багатура¹. «§ 51. ... Он был *нойоном* двух дархадов – Бадая и Кишлика (в § 169 они названы табунщиками – адуци. – Т.С.)» [Козин 1941, с. 84].

Имплицитные данные *Тайной истории монголов* позволяют предположить, что титул *нойон* был маркером младших сыновей правящих фамилий (Тулуй, Ехэ-Цэрэн, Бэлгутэй-нойон, Отчигин-нойон). Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что и после оформления структуры Монгольского улуса наряду с обозначением титулом *нойон* воинской функции

¹ Хулан-багатур – пятый сын Хабул-хагана, Хадаан и Тодоён (шестой и седьмой его сыновья) потомства не имели.

его носителей (от десятников до темников) сохранялось и обозначение им младших представителей аристократического рода.

Национальное возрождение (пробуждение) монголов в XVI – XVII вв. инспирировало актуализацию культурно-исторической памяти и обращения к эпохе величия монголов. Ревитализация славных страниц истории приобретает символическое значение, и действенным инструментом моделирования границ идентичности выступает генеалогия, связывающая современность с эпохой начала. Именно она становится легитимным обоснованием законности власти, что и фиксировалось в письменных памятниках. Мы видим в наиболее ранних текстах (*Алтан товчи*, *Шара туджи*) структуру, состоящую из двух неравных частей: большую часть составляет описание жизни и деятельности Чингис-хана (культурная память), а вторая, меньшая по объему, является генеалогией правящей фамилии, восходящей к отцу-основателю (Чингис-хану), которая включает в себя как ветвь верховного правителя, так и представителей властвующей элиты отдельных частей монгольского мира, связывая таким образом прошлое и настоящее и все части настоящего (коммуникативная память).

Генеалогия стала тем инструментом, который, с одной стороны, фиксировал иерархию родственников, осуществлявших властные функции в Халхе, с другой стороны, утверждал их связь с истоком – предком Чингисханом. Именно титулы маркировали место каждого в социальной структуре властных полномочий. Если Гэрэсэндээ, получивший в удел Халху, носил титул *хунтайджи* (подробнее см.: [Скрынникова 2008, с. 478–479]), который наследовал его старший сын Ашихай и внук по праву старшего, а другие властные лидеры обозначались титулами *нойон*, *тайджи*, *багатур*, *хундулэн*, то, как видно из перечня, с третьего поколения картина стала меняться. Если за Баяндаром – главой левого крыла и наследником Ашихая – сохранился титул *хунтайджи*, то потомок Нунуху Уйцзан-нойона (третьего сына Гэрэсэндээ) – Абатай – приобретает более высокий статус в иерархии титулов – *хамуг эхи тушэту хаган*. Получение Абатаем титула привело к аналогичному шагу глав двух крыльев Халхи – левого и правого. И в третьем поколении сын Баяндара-хунтайджи (запад Халхи) – обще-халхаский лидер – уже известен под именем Лайхор-хагана, тогда как их титул *хунтайджи* переходит к его двоюродному брату – Шолой-убаши-хунтайджи (впоследствии Алтын-ханы Западной Монголии). После смерти Абатай-хана второй его сын правит землями по р. Толе под именем Эрэхэй Мэргэн-хана.

В четвертом поколении (1630-е годы) титулы закрепляются окончательно. Потомки Ашихая получают титул *дзасакту-хаганов*, который

переносится на их владения; кочевья Абатай-хана по р. Толе называются *тушэтухановскими*, а восточная часть Халхи по титулу их правителя – Сэцэн-хановским аймаком. Как и для всей Монголии верховный правитель обозначается титулом *хаган*, тогда как другие – титулом хан или нойон.

Верховный статус старших потомков Гэрэсэндзэ как глав Халхи манифестируется и через маркер *Хаган-ахай* («Старший хан») в законе 1617 г. [ВСЗ 2002, с. 52] или «Хаган-ахай Золотого Рода» в законе 1620 г. [ВСЗ 2002, с. 53], который зафиксирован в «18 законах» как титул Субантай Дзасаку-хана. Его имя упоминается первым в числе участников по принятию законов в 1617, 1620 и 1639 гг., что, безусловно, указывает на его лидерство в иерархии в Халхе. Он также участвовал в халха-джунгарском съезде 1640 г. Причем в законах 1617 и 1620 гг. вслед за старшим ханом упоминается его брат Хатан-батар [ВСЗ 2002, с. 52] или правитель Хатан Батар-нойон¹ [ВСЗ 2002, с. 53] (монг. *Jasaγ bariγsan qatun baγatur noyan* [ВСЗ 2002, с. 34]), маркируя тем самым лидерство старших потомков Гэрэсэндзэ, возглавлявших правое крыло.

Безусловно, как мы видим, нойоны Халхи являлись членами различных ветвей аристократического Золотого рода потомков Чингис-хана. В законе 1616 г. (XI) мы видим их место в иерархии: «2. ...Если случится государственное дело, то хан (в тексте хаган. – Т.С.), тайху и нойон должны собраться в центре Великого отока. Великие нойоны должны иметь с собой четырех людей, малые – двух. ...Если будет приказ о выступлении, всем собраться под черным знаменем» [ВСЗ 2002, с. 50]. На достаточно высокий статус нойона указывают размеры штрафов. «5. Если несколько великих и малых нойонов, имеющих отоки на левом и правом крыле [владений] Хана-ахая (точнее: Хаган-ахая. – Т.С.) переменят место кочевья, взять [с них] пятьдесят лошадей и пять верблюдов. Если табунанг или шигэчин откочует, взять [с него] три девятка» [ВСЗ 2002, с. 53–54].

В последнем пункте обращает на себя внимание то, что наряду с нойонами следует обратить внимание и на иные обозначения представителей правящей элиты (табунанги и шигэчины), что, безусловно, свидетельствует о том, что титул *нойон* не является общим маркером принадлежности к властным структурам. Важным также является и указание на то, что

---

¹ Джиргаланг Сахигчи Хатан-Батар-нойон – сын Ноянтай Хатан-батара, второго сына Гэрэсэндзэ Джалаир-хунтайджи, – Тубэт Хатан-Батар. По данным «Шара туджи», родился в 1551 г. ... На протяжении ряда лет Хатан-батар, носивший также титул Джаргалан Сахигчи, был правителем западного крыла Халхи. Возглавлял принятие закона 1604 г." [ВСЗ 2002, с. 62].

нойоны были наделены отоками: «несколько великих и малых нойонов, имеющих отоки на левом и правом крыле Хаган-ахая» (монг. *qayan aqai-yin jegün barayun jigür bolju otuуlaysan kedün yeke baya noyad* [BC3 2002, с. 53–54]). Отоки, которыми владели и управляли нойоны, представляли собой территории с кочевавшими на них людьми. О том, что люди (улус) были наибольшей ценностью, которой владели нойоны, свидетельствуют пункты закона 1614 г. (IX) «1. Если один нойон убьет другого, то его выгнать. Улус его разделить. Половину отдать [родственникам] убитого. 2. Если нойон возьмет в [жены] свою родственницу, их следует разлучить и взять сто семей. Если ста семей не будет, следует взять половину» [BC3 2002, с. 49]. Как видим, размер владения может быть и меньше ста семей. Вероятно, именно поэтому нойоны разделялись на больших и малых, о чем говорилось выше.

Кроме того, можно предположить, что нойонам выделялся скот на кормление, что следует из закона 1614 г. (VIII) «1. Если все эти нойоны и тайджи, зная вину подданного, не выдадут его, пусть пять суток кормятся за свой счет. На пятые сутки попросить у нойона корову. Если [нойон] не даст, то корову забрать» [BC3 2002, с. 48].

Среди исследователей утвердилось мнение, что титул *нойон* имеет обобщающее значение и используется для обозначения всех правителей, облеченных властью. Так, Б.Я. Владимирцов писал: «Титул этот начинает обозначать, почти исключительно, настоящих феодальных сеньоров, т.е. тайджи, хонтайджи, джинонгов и ханов» [Владимирцов 2002, с. 449]. Так ли было во второй половине XVI–первой половине XVII в.?

Если старший сын Гэрэсэндзэ Джалаир-хунтайджи назывался Ашихай Дархан-хунтайджи, наследуя титул отца, то третий сын, возглавлявший левое крыло, именовался нойоном – Нунуху Уйцэн-нойон, как и четвертый – Амин Дурал-нойон. В следующем поколении, как уже упоминалось, появляются носители титула *хан/хаган* и происходит перераспределение титулов: титул *хаган/хан* передается старшему сыну, тогда как последующие получали титул нойон: так именовался второй сын Лайхор-хагана Убандай Дармашири – Убандай-нойон и второй сын Эрэхэй-хана Тушэту-нойон и его четвертый сын Доржи-абай или Дорджи Тэгурхэчи-нойон. Титулом нойон также маркируются: Джиргаланг Сахигчи Хатан-Батар-нойон или Тубэт Хатан-Батар – сын Ноянтай Хатан-батара, второго сына Гэрэсэндзэ Джалаир-хунтайджи; Абугу Мэргэн-нойон (1556–) – второй сын Нунуху Уйцэн-нойона, Хундулэн Цухэр-нойон или Тумэнкин Хундулэн Цухэр-нойон (1561–1640) – его четвертый сын, Бахарай-хошигучи-нойон – пятый сын. Стали именоваться нойонами и сыновья Саму Буймы, седьмого сына Гэрэсэндзэ Джалаир-хунтайджи: Дзоргул-нойон (1562–) или Хонгор Дзор-

гал – старший сын и Хулан-абай нойон (1579–) или Хулан Уйдзэн-нойон – его второй сын [BC3 2002, с. 66].

Сыновьями Абугу Мэргэн-нойона были Ангахай Мэргэн-нойон, сыновьями которого были Бингту-тайджи или Дугэржав Бингту-тайджи и Сону Дайчин-хунтайджи, и Рахули Далай-нойон или Раху-тайджи [Шастина 1957, с. 155].

Мы видим, что титул *нойон* использовался в титулатуре аристократии Халхи наряду с титулами *тайджи* и *хунтайджи*, что не позволяет полностью согласиться с Б. Я. Владимирцовым и А. Дм. Насиловым, утверждавшим, что «обладатели перечисленных выше титулов входили в сословие нойонов» [BC3 2002, с. 71]. Достаточно посмотреть родословные халхаских правителей в «Шара туджи», чтобы увидеть, что титул нойон является таким же маркером статуса, как и упомянутые выше. Например, сыновьями Гэрэсэндзэ были «Ашихай Дархан-хунтайджи, Ноянтай Хатан Багатур, Нухунуху Уйцзэн-нойон, Амин Дурал-нойон, Дарни-тайджи, Далдан Хундулэн и младший Саму» [Шастина 1957, с. 153].

Можно говорить о том, что титул *нойон* служил для обозначения специального статуса, как свидетельствует вышеизложенный материал. Иногда он даже дублировал другой, используемый и во времена Чингис-хана – багатур. Так, например, Хатан-батар назывался одновременно Хатан-батар-нойон, а Дай-батар – Дайчин Батар-нойоном. Но у него есть и более общее значение, когда он маркировал представителей Золотого рода. В преамбуле закона 1603 г. (III) сообщается, что в его принятии участвовали во главе с Хундулэн-Цухэр-нойоном хунтайджи, тайджи, абай и кроме них «другие крупные и малые нойоны» [BC3 2002, с. 45], что позволяет включить в число нойонов и перечисленные группы.

В Великом законе 1620 г. (XVI) нойонами обозначаются младшие братья хана: «12. Если хан оскорбит своих младших братьев, взять с него девяток: восемь лошадей и одного верблюда. Если младшие братья – нойоны оскорбят своего старшего брата (хана. – Т. С.), взять с них три девятка во главе с тремя [верблюдами]» (перевод мой. – Т. С.) (монг. *qan kömün degüdegen dongyud-basu nayman mori ab. degü noyad aqa-dayan dongyudbasu yurban (temege?) terigüleji yurban yisü ab.* [BC3 2002, с. 35]). В этом же законе штрафы за нойонов выше, чем за старейшину и табунанга, что позволяет говорить об их более высоком статусе: «82. Если [кто] прекратит поставку довольствия нойонам, взять с того три девятка» [BC3 2002, с. 59]. Тогда как за недоставку продовольствия старейшине взимается штраф девяток, а табунангу – пяток [BC3 2002, с. 59].

Представленный материал позволяет говорить о том, что титул нойон и в XVII в. маркировал прежде всего представителей аристократической элиты – потомков Гэрэсэндзэ Джалаир-хунтайджи, т.е. Золотого рода Чингис-хана, что свидетельствует о трансляции традиции политической культуры монголов эпохи Монгольской империи. Как обобщающий термин он использовался довольно редко, о чем убедительно свидетельствуют данные *Восемнадцати степных законов*. Этот титул, как и все другие, маркировал определенный статус, отличный от других, например, *тайджи* и *хунтайджи*, *табунанг* или *шигэчин*, определявший как специфические права и обязанности, так и характер и уровень наказания.

Список литературы

1. Rachewltz 1972: *Rachewltz I. de*. Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, Vol. 121.)
2. Владимирцов 2002: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: ИФ «Восточная литература» РАН. 2002.
3. ВСЗ 2002: *Восемнадцать степных законов*. Памятник монгольского права XVI-XVII вв. Пер. с монг., комм. и исслед. А.Д. Насилова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.
4. Козин 1941: *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.-Л., 1941.
5. Рашид-ад-дин 1952: *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.—Л., 1952.
6. Рыкин 2013: *Рыкин П. О.* «Царевичи» (KÖ'ÜT) и «князья» (NOYAT) как базовые категории правящей элиты Монгольской империи // Ранние формы потестарных систем. СПб. 2013. С. 246-266.
7. Скрынникова 2008: *Скрынникова Т. Д.* Политическая организация Халхи XVI-XVII вв. // Монгольская империя и кочевой мир. Книга 3. Улан-Удэ. 2008.
8. Скрынникова 2015: *Скрынникова Т. Д.* Титулатура монгольской элиты предимперского и раннеимперского периода // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Глава XIV. с. 250–267. Колл. монография. Отв. ред. П. К. Дашковский. Издательство Алтайского государственного университета. Барнаул. 2015. 330 с. Хазанов А. М. Избранные научные труды. Кочевники и внешний мир. СПб. 2008. С. 250-267.
9. Хазанов 2008: *Хазанов А. М.* Избранные научные труды. Кочевники и внешний мир. СПб., 2008.

10. Шастина 1957: Шара туджи. Монгольская летопись XVII. Сводный текст, пер., введение и примеч. Н.П. Шастиной. М.-Л., 1957.

T. D. Skrynnikova

NOYONS IN KHALH OF XVII CENTURIES

Abstract. *The article is devoted to a problem of interpretation of the status of the persons designated in the Mongolian written monuments by a title noyon. The analysis of original Mongolian texts showed that first of all the title ноён marked the representatives of the Gold sort Chingis-hana who were carrying out imperious functions. The title noyon was used in a titulatura of the aristocracy of Khalkh for designation of the special status along with titles of a tayji and a khuntayji.*

Keywords: *title noyon, Khalkh, ruling elite, socio-political structure*

МОНГОЛ ХЭЛНИЙ БАЛАРХАЙ ЭГШГИЙГ ТОДОРХОЙЛОХ НЬ

***Аннотация.** Данное исследование посвящено рассмотрению таких вопросов как: проявляется ли процесс редукации каждых отдельных гласных монгольского языка на разных уровнях или на одном тождественном уровне, если же процесс редукации гласных проявляется в разных уровнях, то в чём состоит внешнее отличие редуцированных гласных по сравнению их к гласным полного образования. Также подробно рассмотрен вопрос влияния назального гласного на редуцированный гласный монгольского языка. В результате исследования установлено, что языковая предпозиция редуцированных гласных, по отношению к назальным гласным монгольского языка (кроме губных гласных), принимает постпозиционное положение (уменьшение показателей F2) или иными словами их произношение осуществляется посредством задней части языка.*

***Ключевые слова:** редукация гласных, редуцированный гласный, показатели форманта (F), смычный согласный, назальный согласный.*

Зорилго

Уг судалгааны зорилго монгол хэлний эгшиг балархайшил эгшиг тус бүр дээр өөр түвшнээр илэрч байна уу, эсвэл адил түвшнээр илэрч байна уу, балархай эгшгийн өнгө нь балархайшаагүй эгшгээс ямар ялгаатай зэргийг судлан тогтооход оршино. Мөн түүнчлэн монгол хэлний эгшиг балархайшилд авиа зүйн орчин хэрхэн нөлөөлдөг болохыг авч үзэх юм. Авиа зүйн орчин гэдэг нь өргөн ойлголт учир энд зөвхөн балархай эгшгийн ард байрлах хамжих болон хамрын гийгүүлэгчийн нөлөөг харьцуулан өгүүлнэ. Учир нь балархай эгшигт хамгийн ихээр нөлөөлж дууны өнгөд өөрчлөлт оруулах магадлалтай гийгүүлэгч бол хамрын гийгүүлэгчид юм.

Судалгааны арга

Тус судалгаа нь монгол хэлний эгшиг балархайшлын тухай гарсан урьдын судалгааны үр дүн үнэн зөв эсэхийг баталж, мөн судалгааны шинэ ололтыг эрэлхийлж туршилтын дуун ухааны арга (acoustic phonetics methodology)-ыг хэрэглэж байна. Энэхүү арга нь дэлхийн хэл шинжлэлд хэрэглэж буй хэлний авиаг судлах судалгааны үндсэн арга бөгөөд бодитой оршиж буй дууг нүдэнд үзэгдэхүйц зураг болгож, ингэхийн тулд дууны долгион хэлбэлзлийг тоонд

хувиргаж, далайц, хүчдэл, хугацаа зэргийг математик, физик, статистикийн тооцооллоор судалдаг.

Судалсан байдал

Монгол хэлний балархай эгшиг урьд нь үндсэн эгшгийнхээ өнгөөр хэлэгдэж байсан [Надмид нар 1993]. Цагийн явцад үндсэн эгшгүүд нь аажим аажмаар балархайшиж тодорхой бус болжээ. Монгол хэл шинжлэлчид балархай эгшгийн тухай уламжлалт авиа зүйн судалгаа (өгүүлүүр авиа зүйн судалгаа) хийсээр ирсэн. Ш. Лувсанвандан (1967) зэрэг эрдэмтэд балархай эгшиг нь балархайшаагүй эгшгийнхээ өнгийг ямар нэг хэмжээгээр хадгалсан байх бөгөөд /i, ɛ, ʌ, ɔ, ʊ, ʏ, ə, ʌ/ гэсэн балархай эгшгүүд байдаг гэж үзсэн бол Ж. Надмид (1993) нь /ə, ʌ/ бол хүчдлээс үүссэн жийрэг эгшгүүд байж болох бөгөөд монгол хэлэнд /i, ɛ, ʌ, ɔ, ʊ, ʏ/ гэсэн балархай эгшиг бий гэж үзсэн байдаг. Харин Ж. Свантессон (2005), А. Карлссон (2005) нар нь балархай эгшгүүд нь үндсэн эгшгээсээ ямагт ялгаатай байдаг шинжээр нь /ə/ гэж бие даасан байдлаар тэмдэглэхийг санал болгосон нь бий.

Эгшиг балархайшилд нөлөөлөх авиа зүйн хүчин зүйлийн нэг хамрын гийгүүлэгчдийн тухай болон түүний өмнө хойнох эгшгийн авиан орчин дахь өөрчлөлтийг Пиккетт “The sound of speech communication”-даа хамрын гийгүүлэгчтэй ойртох тусам тухайн эгшгийн формант үзүүлэлтүүд багасаж, хамрын гийгүүлэгчээс холдох тусам формант үзүүлэлтүүд ихсэж байна [Pickett 1985] гэсэн тогтсон чиг үзлээр тайлбарласан. Энэ нь эгшигтэй харьцуулахад хамрын гийгүүлэгчийг хэлэх үед дууны хэлбэлзлийн урт уртсаж хамрын гийгүүлэгчийн формант үзүүлэлтүүд багасдагтай холбоотой юм. И Ху Ён нь хамрын гийгүүлэгчийг хэлэх үед тагнайн арын хэсгийг өргөж хамрын хөндийн сувгийг хаах бөгөөд нармайн хөдөлгөөн хурдан биш учир тус гийгүүлэгчийн өмнө эгшиг эсвэл хажуугийн гийгүүлэгч байх тохиолдолд тэдгээрийн төгсгөл хэсэг хамаршина. Мөн хамрын гийгүүлэгчийн ард байрлах эгшиг болон хагас эгшгийн (semi-vowel) өмнөх хэсэг ч гэсэн хамаршдаг гэж үздэг [И Ху Ён 1999].

Туршилтын хэрэглэгдэхүүн

Тус өгүүллийн туршилтын дуу бичлэгийн ажил нь авиа судлалын лабораторид явагдаж, туршилтад төв халх аялгуугаар ярьдаг эрэгтэй 6, эмэгтэй 6 оюутан оролцлоо. Туршилтад оролцсон эмэгтэйчүүдийн нас 20-30 буюу дундаж нас 25, эрэгтэйчүүдийн нас 20-33 буюу дундаж нас 30, нийт туршилтад оролцогчдын дундаж нас 27 байв. Туршилтад оролцогчдын нас туршилтын үр дүнд нөлөөлдөг учир ойролцоо насны хүмүүсийг сонгов. Дуу

бичлэгийн ажлын үр дүнд нийт 1512 (21 үг*6 удаа*12 хүн = 1512 үг) дууны файлыг бэлдэн авч авиа задлалдаа хэрэглэв.

Туршилтын арга

Туршилтын авиа задлалын ажилд дуун ухаанд тулгуурсан сүүлийн үед олон хэлний эгшгийн судалгаанд хэрэглэж буй аргыг ашиглав. Энэ арга нь эгшгийн формант (formant<F1-хэлний өндөр, нам; F2-хэлний урдуур, дундуур, хойгуурх байр; F3-...) -ыг хэмжих арга бөгөөд, энэхүү хэмжилтийг хэлний авиа задлалд зориулсан ‘Praat 5.3.51’ программ (‘Praat 5.3.51’) дээр хийлээ.

Туршилтын үг

Тус судалгааны эхний буюу туршилт 1-д монгол хэлний үндсэн 7 эгшиг /i/-и, /e/-э, /a/-а, /ɔ/-о, /ʊ/-ө, /o/-у, /u/-ү¹ орсон хоёр үет 7 үгийг судлагдахуунаар авав. Хоёр үет эдгээр туршилтын үгийн нэгдүгээр үед үндсэн 7 эгшиг илэрч, хоёрдугаар үед балархай эгшгүүд илрэх бөгөөд бүгд адил бүтэцтэй. Тухайлбал, доорх үгсийг туршилт 1-д оруулав.

/t ^h irik/	‘тириг’
/t ^h erek/	‘тэрэг’
/t ^h arak/	‘тараг’
/t ^h ɔrɔk/	‘торог’
/t ^h ʊrɔk/	‘төрөг’
/t ^h orak/	‘тураг’
/t ^h urek/	‘түрэг’

Туршилтын үгстэй бүтэц ижил үг /и/ эгшгийн хувьд олдоогүйгээс ‘тириг’ хэмээх зохиомол үг бүтээж хэрэглэв. Бусад нь монгол хэлэнд өргөн хэрэглэгдэх үгс юм. Хэлэхийн явцад аливаа авианд авиа зүйн орчин нөлөөлөх нь зайлшгүй тул тухайн авиа тус бүрийн язгуур шинжийг тогтвортой хадгалахын тулд ийнхүү ижил орчинд (адил бүтэцтэй үг сонгож) туршилт хийдэг.

Дараагийн буюу туршилт 2-г монгол хэлний үндсэн 7 эгшиг /i/-и, /e/-э, /a/-а, /ɔ/-о, /ʊ/-ө, /o/-у, /u/-ү орсон хоёр үет 21 үгийг судлагдахуунаар авав. Мөн эдгээр туршилтын үгийн нэгдүгээр үед үндсэн 7 эгшиг илэрч, хоёрдугаар үед балархай эгшгүүд илрэх бөгөөд бүгд адил бүтэцтэй, зөвхөн үгийн эцсийн гийгүүлэгчид нь өөр юм (хүснэгт 1).

¹ Тус монгол хэлний эгшгийн галиг нь Д.Уртнасан (2014)-ы хийсэн олон улсын авиа зүйн галиг (IPA) юм.

Хүснэгт 1. Хамжих ба хамрын гийгүүлэгчийн өмнөх эгшиг балархайшлын тухайх туршилтын үгс (туршилт-2)

Хамжих гийгүүлэгчийн өмнөх	Хамрын гийгүүлэгчийн өмнөх	
/k/ -ийн өмнөх	/ŋ/ -ийн өмнөх	/m/ -ийн өмнөх
/t ^h ir ⁱ k/ ‘тириг’	/t ^h iriŋ/ ‘тирин’	/t ^h irim/ ‘тирим’
/t ^h er ^e k/ ‘тэрэг’	/c ^h er ^e ŋ/ ‘цэрэн’	/t ^h er ^e m/ ‘тэрэм’
/t ^h ar ^a k/ ‘тараг’	/t ^h araŋ/ ‘таран’	/t ^h aram/ ‘тарам’
/t ^h or ^o k/ ‘торог’	/t ^h or ^o ŋ/ ‘торон’	/t ^h or ^o m/ ‘тором’
/t ^h or ^o k/ ‘төрөг’	/t ^h or ^o ŋ/ ‘төрөн’	/t ^h or ^o m/ ‘төрөм’
/t ^h or ^a k/ ‘тураг’	/t ^h oraŋ/ ‘туран’	/t ^h oram/ ‘турам’
/t ^h ur ^e k/ ‘түрэг’	/t ^h ur ^e ŋ/ ‘түрэн’	/t ^h ur ^e m/ ‘түрэм’

Туршилт

Туршилт 1 нь монгол хэлний хоёр үет үгийн богино эгшиг, түүнд хамаарагдах тус тус балархай эгшгийн өнгийг (vowel quality) тогтоохын тулд дээрх туршилтын үгсийн эхний үед гарах эгшгийн формантыг хэмжсэний дараа хоёрдугаар үеийн эгшгийн формантыг хэмжив. Эгшиг тус бүрийн формантыг хүйсээр ангилж харьцуулав. Харин /t^horak/ ‘тураг’, /t^hur^ek/ ‘түрэг’-ийн тохиолдолд /o/, /u/ эгшиг нь хоёрдугаар үед гарч ирдэггүй, гагцхүү ‘a’, ‘e’ үсгээр илэрдэг. Энэ тохиолдолд үндсэн /a/, /e/ эгшгийн ард илрэх балархай эгшиг болон /o/, /u/ эгшгийн ард илрэх ‘a’, ‘e’ балархай эгшгүүд өөр өнгөөр илрэх магадлалтай [Надмид нар, 1993]. Тиймээс эдгээр балархай эгшгийг үндсэн /i/, /e/, /a/, /ɔ/, /o/ эгшгийн балархай эгшгээс тусад нь туршилтад оруулж, авиа задлалыг хийв.

Туршилт 2 нь тухайн эгшиг балархайшилд нөлөөлөх хамрын гийгүүлэгчийн тухай туршилт юм. Монгол хэлэнд /m/-м, /n/, [ŋ]-н гэсэн хамрын гийгүүлэгч бий бөгөөд, хэлний үзүүрийн гэх шүдний /n/ нь үгийн адагт илрэхгүй. Тиймээс энэхүү судалгаанд үгийн адагт илэрдэг уруулын, хамрын гийгүүлэгч /m/ ба хоолойн угийн гэх тагнайн хамрын гийгүүлэгч [ŋ]-ийн өмнөх балархай эгшгийг үгийн адагт илрэх тагнайн хамжих гийгүүлэгч /k/-ийн өмнөх балархай эгшигтэй харьцуулав. Ингэж зөвхөн хоёрдугаар үеийн эгшгүүдийг харьцуулахдаа туршилтын үгсийг эгшиг тус бүрээр ‘тириг /t^hirⁱk/-тирин /t^hiriŋ/-тирим /t^hirim/’ гэх мэтээр багцлав. Эдгээр хоёрдугаар үеийн балархай эгшгүүдийн өнгийг тогтоохын тулд балархай эгшиг тус бүрийн формантыг хэмжив. Хэмжсэн эгшиг тус бүрийн формантыг хүйсээр

ангилж харьцуулав. Мөн /t^horak/ ‘тураг’, /t^hurek/ ‘түрэг’-ийн тохиолдолд /o/-у, /u/-ү эгшиг нь хоёрдугаар үед гарч ирдэггүй, гагцхүү ‘а’, ‘е’ үсгээр илэрдэг учраас туршилтыг үндсэн /i/, /e/, /a/, /ɔ/, /ʊ/ эгшгийн балархай эгшгээс тусад нь хийв. Авиа зүйч Ж.Санжаа “Орчин цагийн монголын утга зохиолын хэлний бичгийн хэлэнд у, ү балархай эгшгийг тэмдэглэдэггүй. Гэхдээ амьд аман ярианд үгийн тэргүүн үеэс хойш балархай у, ү огт тохиолддоггүй гэж үзэж боломгүй санагдана. Ялангуяа тэргүүн үедээ уруулын у, ү эгшигтэй үг буюу орчинд нь уруулын гийгүүлэгч байх нөхцөлд авиа ижилсэх үзэгдлээс болж тэргүүн бус үед у, ү балархай эгшиг тохиолдоно. Жишээлбэл, халх. *usām bolōr* ~ *usūm bolōr*, *ūdžēm* ~ *ūdžūm* гэх мэт” [Санжаа 2011] хэмээн судалсан байдаг.

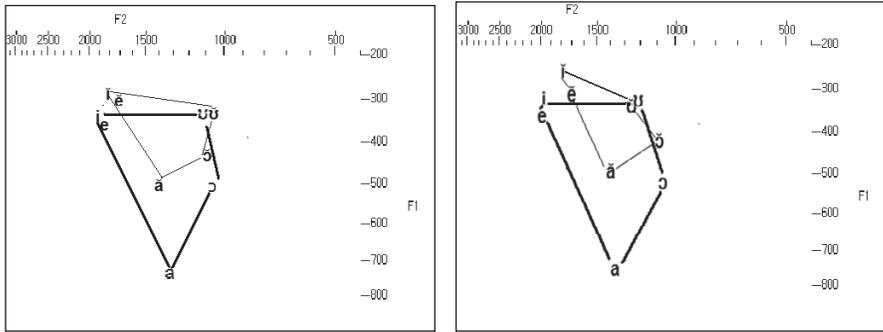
Туршилт 1-ийн статистик судалгаа

Авиа задлалыг хийсний дараа олж авсан датагаа статистик аргаар боловсруулж ‘р’-утгыг (итгэх магадлалын утга)¹ олсноор судалгааны үр дүн бодит болов. Статистик судалгааны үр дүн тоон үзүүлэлтээр гарах тул түүнийг харж ойлгоход хялбар байлгахын тулд тусгай зургаар үзүүлэв (зураг 1). Тус тус эгшиг үгийн эхний үе ба хоёрдугаар үед хоорондоо өөр өнгөөр хэлэгдэж байгааг статистик тооцоогоор батлав. Ингэхдээ утгын түвшин буюу ‘р’-утга нь 0.05-аас бага нөхцөлд утгатай ялгаа² байна гэж үзэв. Статистик үр дүнгээс харахад эгшиг /a/ болон /ɔ/-ийн нэгдүгээр үе ба хоёрдугаар үеийн эгшгүүдийн F1-д утгатай ялгаа гарч, харин /i/ эгшгийн нэгдүгээр үе болон хоёрдугаар үеийн эгшгийн F1, F2 нь хоёулаа утгатай ялгаатай илэрчээ. Харин /e/ ба /ʊ/ эгшгийн тохиолдолд нэгдүгээр үе ба хоёрдугаар үеийн эгшиг утгатай ялгаагүйгээр гарав. Эрэгтэй эмэгтэйн дууны сүв болон дууны хөвчийн хэмжээ, урт нь ялгаатай байдаг учраас эгшгийн формантад ялгаа илэрнэ. Иймээс эмэгтэй өгүүлэгчийн өндөр хэлбэлзэлтэй формантыг эрэгтэйн формантын хэмжээтэй дүйцүүлж хэвийн хэмжээнд оруулах шаардлагатай байдаг. Тиймээс хүйс дагасан туршилтын үр дүнг харьцуулахдаа эмэгтэй өгүүлэгчийн эгшгийн формантыг хэвийн

¹ ‘р’-утга (probability value) - итгэх магадлалын утга гэсэн статистик нэр томьёо. Статистик судалгаанд тэг таамаглал болон түүний эсрэг өрсөлдөгч таамаглал дэвшүүлээд алийг нь үнэн эсэхийг шалгахад тооцдог магадлал, өөрөөр хэлбэл дэвшүүлж байгаа таамаглал батлагдах магадлал юм.

² “Утгатай ялгаа” гэдэг нь хэдийгээр формантуудын хувьд ялгаа байвч статистик тооцоолоор итгэх магадлал нь утгагүй гарвал түүнийг ялгаа гэж үзэхгүй, харин утгатай гарвал үнэмшиж болох ялгаа буюу ялгаатай нь үнэн гэсэн үг юм.

хэм хэмжээнд (normalization)¹ оруулав. Дүйцүүлж хэвийн хэм хэмжээнд аваачсан тоон үзүүлэлтээр эмэгтэй өгүүлэгчийн формант зургийг бэлдэж, түүнийгээ эрэгтэй өгүүлэгчийн формант зурагтай харьцуулав (зураг 1).

Эрэгтэй

Эмэгтэй

($\sim$) – хоёрдугаар үеийн балархай эгшиг

Зураг 1. Хоёр үет үгийн нэгдүгээр үеийн эгшиг ба хоёрдугаар үеийн балархай эгшгийн формант

<Зураг 1> – ийг харахад хэлний байрлал нам /a/ эгшиг ба уруулын намавтар /ɔ/ эгшиг нь хоёрдугаар үед эгшгийн өнгө нь илт давуу өөр харагдаж байна. Энэ эгшгүүд нь хоёрдугаар үе дээр F1 нь нам илэрч байна. Ингэж эгшгийн өндөр – нам харьцаа төв рүү шилжиж байгаа шалтгаан нь суларч богиноссон хоёрдугаар үе дээр нам эгшгүүд илрэх хэцүүгийн учир юм.

Хэлний байрлал өндөр /i/ эгшгийн тохиолдолд хоёрдугаар үеийн эгшиг нь нэгдүгээр үеийн эгшгээс F1, F2 нь хоёулаа бага гарсан ч хэлний байрлал нам эгшиг шиг эгшгийн өнгө нь илт ялгаатай харагдахгүй байна. Хэлний байрлал өндрөвтөр /e/ ба /u/ эгшиг нь хоёрдугаар үед ч эхний үеийн эгшгийн өнгөтэй адилавтар илэрнэ. Туршилтад оролцогч эрэгтэй ба эмэгтэй өгүүлэгчийн аль нь ч нэгдүгээр үе ба хоёрдугаар үед эгшгийн өнгийн утгатай ялгааг харуулсангүй.

Түүний дараа танилцуулах зүйл нь /o/-y, /u/-ү эгшгийн тухай статистик задлалын үр дүн юм. Энэ хоёр эгшиг нь хоёрдугаар үед илэрдэггүйгээрээ өөр эгшгүүдээс ялгаатай. Үгийн нэгдүгээр үед /o/-y эгшиг байх үед түүний

¹ Нордстром, Линдблом нар (Nordström & Lindblom 1975) – ын аргыг ашиглаж, эмэгтэй өгүүлэгчийн формант хэлбэлзлийг эрэгтэй өгүүлэгчийн форманттай дүйцүүлж хэвийн хэм хэмжээнд оруулах (SRE: Scaling by Regression Equation) үйлдэл.

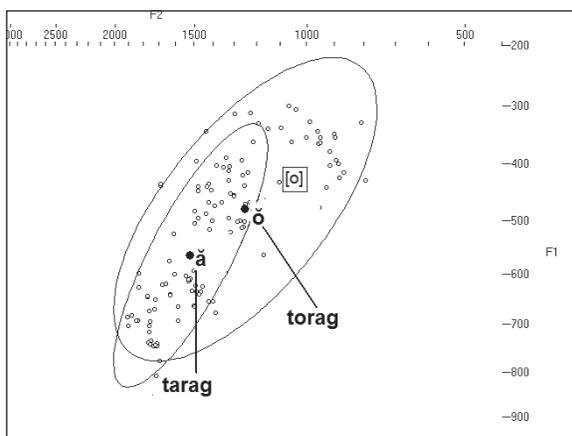
дараах үед байх эгшиг нь /a/-a'-аар тэмдэглэгдэж, үгийн нэгдүгээр үед /u/-ү эгшиг байх үед түүний дараах үед илрэх эгшиг /э/-e'-ээр тэмдэглэгдэнэ. Энэхүү үзэгдлийг судалсан байдлыг авч үзвэл, хоёрдугаар үед байгаа эгшгүүд нь 'а, е' боловч эдгээр нь нэгдүгээр үеийн эгшиг /o/, /u/-ийн өнгийг ямар нэгэн хэмжээнд хадгалж байгаа балархай эгшгүүд гэж үзсэн нь бий [Надмид нар 1993]. Энэхүү таамгийг туршилтаар шалгахын тулд тус хоёр эгшгийг тусад нь задаллаа.

Тэрхүү статистик задлалын үр дүнгээс нэгдүгээр үеийн эгшиг ба хоёрдугаар үеийн эгшиг хоорондоо өөр өнгөөр илэрч байгааг мэдэж болно. Энэ нь урьд гарсан өгүүлүүр авиа зүйн судалгаа дахь тэмдэглээний хувьд 'а, е' боловч нэгдүгээр үеийн эгшиг /o/, /u/-ийн өнгийг ямар нэгэн хэмжээгээр хадгалсан балархай эгшиг гэсэн таамаг буруу гэдгийг харуулж байна¹. Тэгвэл нэгдүгээр үеийн эгшиг /o/, /u/-ийн өнгийг хадгалаагүй энэ хоёр балархай эгшгүүд нь тэмдэглэж байгаа 'а' ба 'е' эгшгийн өнгийг хадгалах боломж бий. Үүнийг хэмжихийн тулд нэгдүгээр үедээ /a/, /e/ эгшигтэй үгийн балархай эгшгүүдтэй нэгдүгээр үедээ /o/, /u/ эгшигтэй үгийн балархай эгшгүүдийг харьцуулж задлал хийв. Хэрвээ нэгдүгээр үедээ /o/, /u/ эгшигтэй үгийн балархай эгшиг нь тэмдэглэж буй 'а, е' эгшгийнхээ өнгийг хадгалж байгаа бол нэгдүгээр үедээ /a/, /e/ эгшигтэй үгийн балархай эгшгүүдтэй адил дууны өнгөөр илрэх ёстой. Харин туршилтын үр дүнд энэхүү балархай эгшгүүд хоорондоо өөр илэрвэл /t^horak/ ба /t^hurek/-ийн балархай эгшгүүд тэмдэглэгээний 'а, е'-тэй ч мөн дууны өнгө өөр гэж үзвэл зохих юм.

Үүний дараа /t^harak/ 'тараг' ба /t^horak/ 'тураг'-ийн хоёрдугаар үед илэрч буй хоёр янзын балархай эгшгийг харьцуулж, мөн /t^herek/ 'тэрэг' ба /t^hurek/ 'түрэг'-ийн хоёрдугаар үед илэрч буй хоёр янзын балархай эгшгийг харьцуулав. Түүний дүнд tarag 'тараг' гэх үгийн хоёрдугаар үеийн эгшиг /a/ болон torag 'тураг' гэх үгийн хоёрдугаар үеийн эгшиг /a/-ын F1, F2 нь утгатай ялгааг харуулсан бол, tereg 'тэрэг' гэх үгийн хоёрдугаар үеийн эгшиг /e/ ба tureg 'түрэг' гэх үгийн хоёрдугаар үеийн эгшиг /e/ нь F2-ын хувьд утгатай ялгааг харуулав. Энэ үр дүн нь /o/ ба /a/ эгшгийн ард гарах 'а' үсгээр тэмдэглэгдсэн балархай эгшгүүдийн өнгө хоорондоо өөрөөр илэрсэн болон /u/ ба /e/ эгшгийн ард гарсан 'е' үсгээр тэмдэглэгдсэн балархай эгшгүүд

¹ Монгол хэлний уламжлалт авиа зүйд энэ балархай эгшиг нь маш богино эгшиг учир чихээр сонсож баримжаалах аргагүй, эгшиг зохицох ёсыг бүрэлдүүлж байгаа нэгдүгээр үеийн эгшгээр л баримжаалахаас өөр аргагүй гэсэн хандлага бий. Гэхдээ бусад балархай эгшгүүдийн өнгийг ийм авиа зүйн орчинд мэдэж болж байж зөвхөн энэ 2 балархай эгшгийн өнгийг мэдэж болохгүй гэсэн нь хоорондоо авцалдаагүй үзэл санаа юм.

хоорондоо өөр илэрснийг харуулж байна. Эхлээд /a/, /o/ эгшгийн ард гарах хоёрдугаар үеийн балархай эгшгүүдийг формант зургаар харуулбал дараах байдалтай.

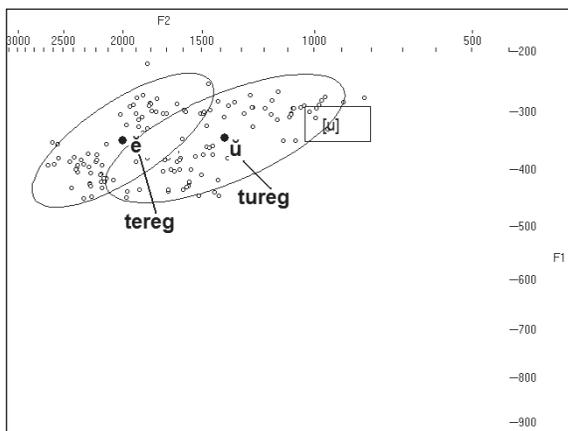

[o]: нэгдүгээр үеийн эгшиг, [ɔ]: /o/ эгшгийн ард гарах балархай эгшиг,
[ä]: /a/ эгшгийн ард гарах балархай эгшиг

Зураг 2. /a/, /o/ эгшгийн ард гарах хоёрдугаар үеийн балархай эгшгүүд

Дээрх <зураг 2> -оос үзвэл нэгдүгээр үедээ /o/ эгшигтэй үгийн балархай эгшиг нэгдүгээр үедээ /a/ эгшигтэй үгийн балархай эгшгээс илрэх орон зайн хэмжээ¹ нь өргөн, мөн энэ балархай эгшгийн F1, F2 нь нэгдүгээр үедээ /a/ эгшигтэй үгийн балархай эгшгээс бага байгааг харуулна. Нэгдүгээр үедээ /o/ эгшигтэй үгийн хоёрдугаар үед илэрч байгаа балархай эгшгийн эзлэх орон зайн хэмжээ өргөн байгаа нь энэхүү балархай эгшиг нь авиа зүйн орчин (нэгдүгээр үед байгаа эгшиг, үсгээр байгаа (тэмдэг) эгшгийн өнгө) – өөс шалтгаалж өнгийн хувирлын эзлэхүүн хэмжээ их байна гэж үзэж болно. Хэдийгээр /a/ ба /o/-ын ард гарах балархай эгшгийн өнгө нь статистик тооцоогоор утгатай ялгааг харуулж байгаа ч эгшиг тус бүрийн эзлэх орон зайг харуулсан дугуйн ихэнх хэсэг давхцаж байна. Үүний дараа /e/, /u/ эгшгийн ард гарах хоёрдугаар үеийн балархай эгшгүүдийг формант зургаар үзүүлбэл дараах байдалтай.

¹ Тухайн эгшиг хэлэхүйн түвшинд илэрдэг тул түүний өгүүлэхүйн байр нь харьцангуй. Тиймээс эгшиг илрэх орон зайн хэмжээ буюу эгшиг илрэх орон зайн талбай гэж бий. Тэрхүү эгшиг илрэх орон зайн нийт талбайн голчоор тухайн эгшгийн өгүүлэхүйн байрыг тогтоодог.

[u]: нэгдүгээр үеийн эгшиг, [ü]: /u/ эгшгийн ард гарах балархай эгшиг,
[ë]: /e/ эгшгийн ард гарах балархай эгшиг

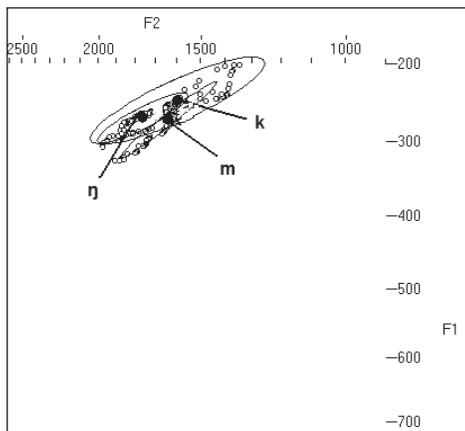
Зураг 3. /e/, /u/ эгшгийн ард гарах хоёрдугаар үеийн балархай эгшгүүд

Дээрх зураг нь нэгдүгээр үед /u/ эгшигтэй үгийн хоёрдугаар үед илэрсэн балархай эгшиг нь нэгдүгээр үед /e/ эгшигтэй үгийн хоёрдугаар үед илэрсэн балархай эгшигтэй харьцуулбал F1-ийн ялгааг үзүүлээгүй ч F2-ын их ялгаатайг үзүүлж байна. Эгшиг /e/, /u/-ийн ард гарах балархай эгшгүүдийн эзлэх орон зайн талбайн дугуй бага зэрэг давхцсанаараа /a/, /o/-ын ард гарах балархай эгшгээс өөр юм. Эгшиг /o/-ын ард гарах балархай эгшиг нь /a/ эгшгийн ард гарах балархай эгшгээс хэлний өндөр нам бөгөөд хэлний угаар илрэв. Мөн эгшиг /u/-ийн ард гарах балархай эгшиг нь /e/ эгшгийн ард гарах балархай эгшгийг бодвол хэлний угаар илэрч байна. Тиймээс /o/ ба /u/ эгшгийн ард гарах балархай эгшгүүдийг төв рүү чиглэсэн балархай эгшгүүд гэж үзэж болох юм.

Туршилт 2-ын статистик судалгаа

Тус тус балархай эгшиг нь 'тириг-тирин-тирим' гэх мэтээр багцалсан туршилт 2-ын туршилтын үгсийн хоёрдугаар үед хэрхэн хэлэгдэж буйг статистик аргаар баталж гаргахын тулд 3 зүйлийг харьцуулдаг Фридман үнэлгээг ашиглаж утгын түвшин буюу 'p'-утга нь 0.05-аас бага нөхцөлд утгатай ялгаа байна гэж үзэв. Статистик задлалын үр дүнд /i/, /e/, /a/ зэрэг уруулын бус эгшгүүд /m/ ба /ŋ/ гийгүүлэгчийн өмнө утгатай ялгаатай буюу өөр өөр дууны өнгөөр балархайшсаныг мэдэж болно. Гэтэл уруулын /ɔ/, /ʊ/ эгшиг нь /k/, /ŋ/, /m/ гийгүүлэгчийн өмнө дууны өнгийн утгатай ялгаагүй балархайшсан байна. Үүний дараа үгийн адгийн гийгүүлэгчээ

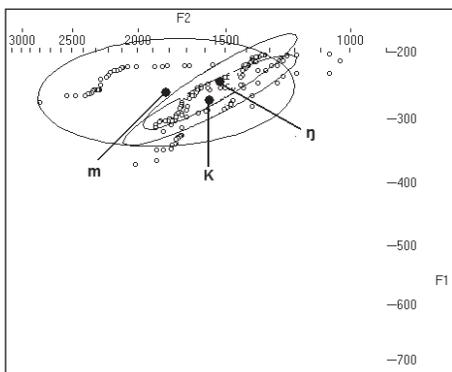
дагаж өөр өөр дууны өнгөөр илэрсэн эдгээр балархай эгшгүүд нь чухам аль гийгүүлэгчийн өмнө тийнхүү илэрч байгааг мэдэх шаардлагатай. Үүний тулд эцсийн харьцуулалт¹ (post-hoc comparison) хийв. Эцсийн харьцуулалтыг Вилкоксин үнэлгээгээр хийж, Бонферрони алдаа хянах нарийвчлалаар утгын түвшин ($0.05/3=0.016$)-г ашиглав. /i/, /e/, /a/ балархай эгшгийн илрэх байдлыг формант зургаар харуулбал дараах байдалтай байна (зураг 4, 5, 6). Формант зургийг эрэгтэй, эмэгтэй туршилтад оролцогчдын бүх формант үзүүлэлтийг нийлүүлсэн өгөгдлөөр бэлдэж, ингэхдээ эмэгтэй өгүүлэгчийн формант үзүүлэлтийг эрэгтэй өгүүлэгчийн формант үзүүлэлтгүй дүйцүүлэх (normalization) үйлдэл хийлээ.

- k: /^hirik/ – ийн хоёрдугаар үеийн эгшиг
 ŋ: /^hirik/ – ийн хоёрдугаар үеийн эгшиг
 m: /^hirim/ – ийн хоёрдугаар үеийн эгшиг

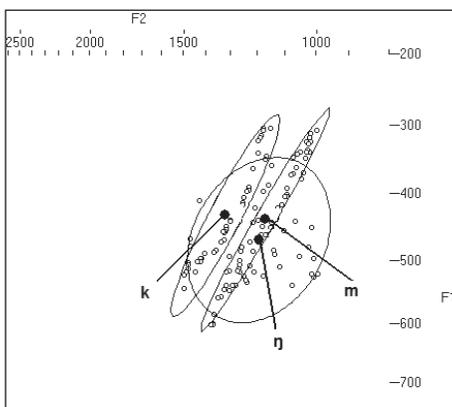
Зураг 4. Хамжих ба хамрын гийгүүлэгчийн өмнөх /i/ балархай эгшиг тус бүрийн тархалт

1 Нэгэнт ялгаатай гэж гарсан үр дүнг тэр ялгаанууд нь чухам хаанаа байна гэдгийг эцэслэн тогтоодог харьцуулалтын арга юм. Жишээлбэл: 1, 2, 3 өөр хоорондоо ялгаатай бол тэр ялгаа 1, 2-ын хооронд байна уу; 2, 3-ын хооронд байна уу; 1, 3-ын хооронд байна уу гэх мэтээр нарийвчилж ялгааг тодорхойлно.

k: /^herek/ – ийн хоёрдугаар үеийн эгшиг
 η: /^hereη/ – ийн хоёрдугаар үеийн эгшиг
 m: /^herem/ – ийн хоёрдугаар үеийн эгшиг

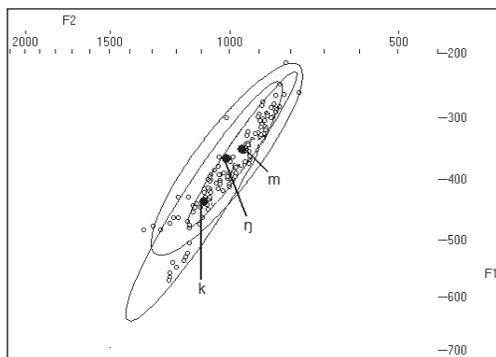
Зураг 5. Хамжих ба хамрын гийгүүлэгчийн өмнөх /e/ балархай эгшиг тус бүрийн тархалт

k: /^harak/ – ын хоёрдугаар үеийн эгшиг
 η: /^haraη/ – ын хоёрдугаар үеийн эгшиг
 m: /^haram/ – ын хоёрдугаар үеийн эгшиг

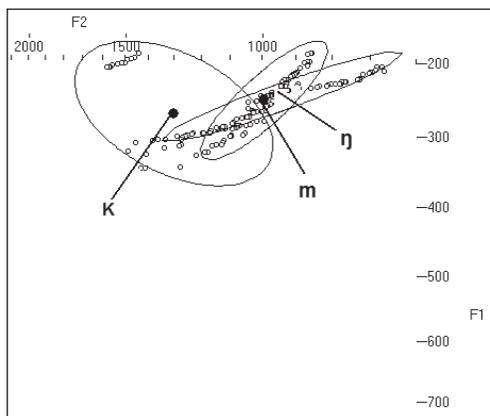
Зураг 6. Хамжих ба хамрын гийгүүлэгчийн өмнөх /a/ балархай эгшиг тус бүрийн тархалт

Түүний дараа нэгдүгээр үедээ /o/- у эгшигтэй /^horak/-/^horan/-/^horam/ үгсийн хоёрдугаар үеийн балархай эгшгүүдийг, мөн нэгдүгээр үедээ /u/-ү эгшигтэй /^hurek/-/^huren/-/^hurem/ үгсийн балархай эгшгүүдийг харьцууллаа. Статистик задлалын үр дүнд нэгдүгээр үедээ /o/, /u/ эгшигтэй үгийн хоёрдугаар үеийн балархай эгшиг үгийн адгийн гийгүүлэгчээ дагаж мөн өөр өөр дууны өнгөөр илэрдгийг тодруулав. Түүний дараа аль гийгүүлэгчийн өмнө балархай эгшиг өөр өнгөөр илэрч байгааг мэдэхийн тулд эцсийн харьцуулалтыг хийв. Ингэхэд нэгдүгээр үедээ /o/ эгшигтэй үгийн балархай эгшиг эмэгтэй өгүүлэгчийн тохиолдолд хамрын /m/ гийгүүлэгчийн өмнө р-утгаар балархайшсан байв. Харин нэгдүгээр үедээ /u/ эгшигтэй үгийн балархай эгшиг эрэгтэй ба эмэгтэй өгүүлэгчийн тохиолдолд хамрын /m, ɲ/ гийгүүлэгчийн өмнө р-утгаар балархайшжээ. Формант зургийг эрэгтэй, эмэгтэй туршилтад оролцогчдын бүх формант үзүүлэлтийг нийлүүлсэн өгөгдлөөр бэлдэж, ингэхдээ эмэгтэй өгүүлэгчийн формант үзүүлэлтийг эрэгтэй өгүүлэгчийн формант үзүүлэлттэй дүйцүүлээ. Үр дүнг <зураг 7>, <зураг 8> - т үзүүлэв.

k: /^horak/ – ын хоёрдугаар үеийн эгшиг
 ɲ: /^horan/ – ын хоёрдугаар үеийн эгшиг
 m: /^horam/ – ын хоёрдугаар үеийн эгшиг

Зураг 7. /o/ эгшигийн ард гарах балархай эгшиг /a/-ын тархалт (хамжих ба хамрын гийгүүлэгчийн өмнөх)

k: /t^hurek/ - ийн хоёрдугаар үеийн эгшиг
 ŋ: /t^hureŋ/ - ийн хоёрдугаар үеийн эгшиг
 m: /t^hurem/ - ийн хоёрдугаар үеийн эгшиг

Зураг 8. /u/ эгшгийн ард гарах балархай эгшиг /e/-ийн тархалт (хамжих ба хамрын гийгүүлэгчийн өмнөх)

Туршилт 1-ийн үр дүн

Монгол хэлний богино эгшгүүд нь балархайших бөгөөд ямар эгшиг гэдгээс хамаарч балархайших түвшин нь өөр өөр гарав. Туршилтын дүнд хоёр үет үгийн хоёрдугаар үеийн богино эгшгийн балархайшлыг дөрвөн түвшнээр илэрч байна гэж үзлээ.

1-р түвшин: Хэлний өндөр нь өндөр (амны хөндийн зай явцуу), хэлний урдур (хэлний өмнөд этгээдээр) хэлэгдэх /i/ 'и' эгшиг нь балархайшихдаа хэлний өндөр нь (F1 утга багасаж) өндөрсөж, хэлний байрлал нь (F2 утга багасаж) бага зэрэг хойшилж 'р'-утгаар балархайшсан байв.

2-р түвшин: Хэлний байрлал өндрөвтөр (амны хөндийн зай дунд зэрэг) /e/ 'э', /u/ 'у' гэсэн 2 эгшигт дууны өнгө өөрчлөгдөж балархайших үзэгдэл асар сул илэрснээр, өөрөөр хэлбэл энэ 2 эгшиг нь хоёрдугаар үед дууны өнгө нь 'р'-утгаар балархайшдаггүй гэсэн үр дүн гарав.

3-р түвшин: Хэлний өндөр нь нам (амны хөндийн зай уужим), хэлний дундуур хэлэгдэх /a/ 'а' ба хэлний өндөр нь намавтар (амны хөндийн зай дунд зэрэг), хэлний хойгуур (хэлний угаар) хэлэгдэх /o/ 'о' гэсэн 2 эгшиг 'р'-утгаар балархайшихдаа зөвхөн хэлний өндөр намассан (F1 утга багасаж) асар их дууны өнгөний өөрчлөлттэй байв.

4-р түвшин: Хэлний өндөр нь өндөр (амны хөндийн зай явцуу), хэлний хойгуур (хэлний угаар) хэлэгдэх /u/ 'у', хэлний өндөр нь өндрөвтөр (амны

хөндийн зай дунд зэрэг), хэлний хойгуур (хэлний угаар) хэлэгдэх /о/ ‘у’ гэсэн 2 эгшиг ‘р’-утгаар балархайшигдаа хэлний өндөр нь өндөрссөн (F1 утга ихсэж), хэлний байрлал нь урагшилсан (F2 утга ихсэж) асар их дууны өнгөний өөрчлөлттэй байв.

Мөн эгшиг балархайшлын эдгээр түвшнүүд монгол хэлний эгшиг зохицох ёсны дагуу илэрч буйг судалгааны үр дүнгээс харж болно. Жишээлбэл, 1-р түвшинд эм эгшиг, 2-р түвшинд саармаг эгшиг, 3-р түвшинд эр эгшгүүд хамаарагдаж байна. Харин 4-р түвшний эгшгүүд нь F1, F2 утгын асар их өөрчлөлтөөр балархайшиж, эгшиг зохицох ёсны дагуу илэрсэнгүй.

Туршилт 2-ын үр дүн

Эгшиг балархайшил нь авиа зүйн орчноо дагаж өөр илэрнэ. Монгол хэлний балархай эгшиг нь хамрын гийгүүлэгчийн нөлөөнд орж уруулын эгшгүүд болох /ɔ/-‘о’, /ʊ/-‘ө’, /o/-‘у’-аас бусад бүх эгшиг хамрын гийгүүлэгчийн өмнө F2-ын р-утгаар дууны өөрчлөлтийг үзүүлэв. F2 нь хэлний хөндлөн байрлал бөгөөд р-утгаарх дууны өөрчлөлт гэдэг нь хэлний урдуур, хойгуурх байрлалын утгатай өөрчлөлтийг илэрхийлж байна. Тиймээс монгол хэлний балархай эгшгүүд нь (уруулын эгшгүүдээс бусад) хамрын гийгүүлэгчийн өмнө хэлний байрлал нь хойшилдог (F2 үзүүлэлт багасдаг) ба хэлний хойд этгээд рүү хэлэгддэг байна.

Дүгнэлт

Эгшиг балархайшилтай холбоотой дараагийн зайлшгүй судалгаа бол монгол хэлний өргөлтийн тухай хэлний хэмнэлийн нарийвчилсан судалгаа юм. Өргөлтийн тухай судалгаа нь энэхүү эгшиг балархайшлын судалгаа дээр үндэслэж хийгдэх нь дамжиггүй. Мөн монгол хэлний олон нутгийн аялгууны эгшиг балархайшлыг энэхүү судалгааны аргаар судалж, хооронд нь харьцуулах, мөн эгшиг балархайшил илэрдэг өөр бусад гадаад хэлтэй харьцуулсан судалгаануудыг хийх шаардлага бий. Цаашид эгшиг балархайшилд нөлөөлөх авиа зүйн өөр хүчин зүйлүүд (үеийн тоо, үеийн байр болон үеийн бүтэц гэх мэт) -ийг ийм дуун ухаанд суурилсан авиа зүйн туршилтын аргаар судлах шаардлага бий.

Ном зүй

1. И Ху Ён 1999: *И Ху Ён*. Эх хэлний авиа зүй. Тэ Хаг Са (이호영 “국어 음성학”. 태학사). 1999.
2. Лувсанвандан 1967: *Лувсанвандан III*. Орчин цагийн монгол хэлний зүй. Монгол хэлний авианы бүтэц, тэргүүн дэвтэр. Уб., 1967.
3. Лувсанвандан 1981: *Лувсанвандан III*. Монгол хэлний халх аялгууны балархай эгшгийн тухай асуудалд// Монгол хэлшинжлэлийн асуудлууд. Уб., 1981. X.121–144.

4. Надмид, Санжаа 1993: *Надмид Ж, Санжаа Ж*. Орчин цагийн монгол хэлний авиа зүй. Уб., 1993.

5. Санжаа 2011: *Санжаа Ж*. Монгол хэлний балархай эгшиг // Монгол хэлний их авиалбар-авиалбар-авианы тогтолцоо. Уб., 2011. Х. 107-113.

6. Уртнасан 2014: *Уртнасан Д*. Монгол хэлний эгшиг балархайшлын тухай туршилт авиа зүйн судалгаа, БНСУ, Сөүлийн Их Сургууль, Хэл шинжлэлийн ухааны докторын зэрэг горилсон бүтээл. Сеул, 2014. (오르트나상 “몽골어 모음약화에 관한 실험음성학적 연구”. 서울대학교 언어학과).

7. Karlsson 2005: *Karlsson A*. Vowels in Mongolian speech: deletions and epenthesis // Working Papers 51, 2005. P. 105–123, Lund University, Dept. of Linguistics.

8. Nordström, Lindblom 1975: *Nordström P-E, Lindblom B. A*. Normalization Procedure for Vowel Formant Data // Paper 212 at the International Congress of Phonetic Sciences in Leeds, August. 1975.

9. Pickett 1985: *Pickett J.M*. The sound of speech communication. University Park Press, 1985.

10. Svantesson 2005: *Svantesson J, Tsendina A., Karlsson A. & Franzén V*. The Phonology of Mongolian. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Davaajav Urtnasan

DETERMINING THE MONGOLIAN REDUCED VOWELS

Abstract. *Do reduced vowels in all vowels of Mongolian produce the same vowel quality? Or do they produce different vowel qualities depending on the preceding vowels? If the latter is true, what difference is there between reduced vowels and non-reduced vowels in terms of vowel quality?*

To find out answers to those questions, this paper analyzed the vowel quality of the vowels in Mongolian under diverse environments from the perspective of acoustic phonetics and examined how vowel reduction is going actually.

The experiment aimed to figure out the vowel quality of the reduced vowel when monophthong is weakened at the unstressed syllable.

This article examined how reduces vowel influencing nasal consonant in Mongolian language. Tongue position of reduced vowels of Mongolian language / except labial vowels/ move over /indication of F2 decreases/. In other words, it is pronounced by back of tongue.

Keywords: *vowel reduction, reduced vowel, vowel quality, formant value, plosive consonant, nasal consonant*

ПОЛИТИКА МАНЬЧЖУРОВ В ОТНОШЕНИИ МОНГОЛОВ В ПЕРИОД ОТ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ДИНАСТИИ ЦИН (1636 Г.) ДО ПАДЕНИЯ ДИНАСТИИ МИН (1643 Г.)

***Аннотация.** Провозглашенная в 1636 г. маньчжурская династия Цин претендовала на власть во всей Поднебесной. Однако реально она контролировала сравнительно небольшую территорию к северу от Великой китайской стены, и скорого падения династии Мин в 1643 г. никто не мог предвидеть. Для успешного осуществления экспансионистской политики, маньчжурам необходимо было пресечь все возможные контакты монголов и ойратов с Китаем. Для достижения этих целей использовались призывы, угрозы и военные союзы. В статье дается перевод императорского указа от 1641 г., призывающего монголов, находившихся на территории Китая, перейти в подданство династии Цин.*

***Ключевые слова:** монголы, маньчжуры, династия Цин, династия Мин, Китай, ойраты.*

Историку, который пытается анализировать события прошлого, часто бывает трудно понять мотивацию поступков исторических деятелей отдаленных эпох. Обычно это происходит потому, что историк знает, когда и какие произошли события, и какие они имели последствия для последующего исторического процесса. Однако реальные исторические деятели об отдаленных или даже ближайших последствиях своих действий не знали и действовали для достижения определенных целей в соответствии со своим восприятием современной им действительности.

В подобном положении зачастую оказываются современные историки, которые изучают исторические события в Центральной Азии и Дальнем Востоке, которые происходили в 1-ой пол. XVII в. Изменения же произошли тектонические: весь Китай и Южная Монголия оказались под властью маньчжуров; хошутский Гуши-хан создал государство, которое включало в себя весь Тибет и Цинхай; Джунгарское ханство расширилось в западном направлении; на дальневосточные рубежи вышла Россия.

Провозгласив в 1636 г. династию Дай Цин, маньчжурский правитель заявил свои претензии на власть над всем Китаем тоже. Но никто не ожидал столько скорого – через семь лет – падения династии Мин, причем без вмешательства маньчжуров, а в результате крестьянского восстания.

При освещении жизни и деятельности чахарского Лигдан-хана основной упор делается на его борьбу с маньчжурами. Однако нельзя забывать, что Китай являлся значительным фактором и в вопросах маньчжуро-монгольских отношений. В ходе своих многовековых отношений с северными кочевниками, Китай часто сам выплачивал им замаскированную дань в виде всякого рода подарков, так как это было проще и выгоднее, чем обороняться от их постоянных набегов¹.

Так, Лигдан-хан получал от Китая значительные денежные субсидии за оказанные им услуги. Только в 1620 г. он получил от китайского двора 40 тысяч лянов серебра. Нападения маньчжуров на Китай были использованы Лигдан-ханом и некоторыми другими монгольскими князьями для заключения оборонительного союза с Китаем на выгодных для себя условиях. Минский Китай рассчитывал использовать Лигдан-хана для предотвращения набегов монголов и нападений маньчжуров. Т.е. объединитель монгольских племен Лигдан-хан, который получает субсидию от китайцев, удерживает других монголов от набегов и ведет борьбу с маньчжурами, тем самым отвлекая их от нападений на Китай, очень бы устроил Китай. Но Лигдан-хан не стал подобным союзником, и получение субсидий вовсе не удерживало его от совершения набегов на Китай [Покотилов 1893, с. 213–218].

Поражение Лигдан-хана не означало установления контроля над всеми монголами со стороны империи Цин. Различные монгольские народы и племена контролировали в XVII в. огромные территории, в том числе и Тибет.

Поэтому для маньчжуров, главной целью которых было установление власти над Китаем, важно было добиться изоляции империи Мин путем недопущения контактов с монголами. Контакты эти могли быть разными: от перехода отдельных групп монголов в подданство и на территорию Китая и до торговли, прежде всего столь необходимыми китайской армии лошадьми. В марте 1636 г. маньчжурским императором был отправлен указ халхаскому Сэцэн-хану, который предписывал прекратить торговлю с мин-

¹ Эта ситуация была весьма выразительно охарактеризована о. Иакинфом (Н. Я. Бичуриным): «...коснемся теперь отношения монголов к Китаю. Сия держава почитается многлюднейшею и сильнейшею в мире: со всем тем искони донныне платит монголам за спокойствие своих границ. Плата сия есть не что иное, как дань; но поелику слово дань унизительно, то китайцы выдумывали разные способы давать оную под именами, не унижающими достоинства их, но еще не нашли средств избавиться от оной. Напротив, монголы ищут одной корысти, и если поднимали оружие на Китай, то по большей части не для избавления себя от ига, но чтобы принудить сию державу к удовлетворению разбойнического права их, каким бы то ни было образом» [Иакинф 1828, с. 210–211].

ским Китаем. Тот ответил уклончиво, что поступает по примеру ойратов и др. халхасов [Ермаченко 1974, с. 75].

Любопытна история Омбо, который был потомком знаменитого тумэтского Алтан-хана – автора титула «Далай-лама» и основателя города Хух-Хото. Алтан-хан получил от императора титул «покорный и преданный долгу князь» (кит. шунь и ван 順儀王 – перевод А. С. Мартынова). Его потомки продолжали получать этот титул от китайских императоров. Омбо в 1635 г. вступил в контакт с китайцами и получил от минского императора титул «Светлейшего хана западных земель» (монг. *Örön-e gaġar-un gegen qan*). Однако он был схвачен маньчжурами, а тумэты были отданы под управление центральных властей империи Цин [Илэтхэл шастир, тетр. 120, л. 4а–6а].

Часть монголов откочевала в пределы Китая, и в 1641 г. (6-й год под девизом лет правления Чундэ 崇德) маньчжурский император издал специальный указ, призывающий их вернуться под его власть. Монгольский текст этого указа был опубликован сравнительно недавно [Монгольские документы, т. 1, с. 309–311], и ниже приводится его транскрипция и перевод на русский язык.

Dayičing ulus-un Bogda qagan-u ġarlay:

Kitad-tu orogsan monggol-du bičig bagulgaba :

Ta ijagur Čaqar-un qagan törü-yi ebdeġu : ulus-i ġobagaġu yabuqui-dur :

Tngri burugusiyajū tariy-a toġosu aldagad

em-e keüked-iyen teġige-y-e geġü : Kitad-tu oroba :

Edüge tngri-yin ibegel-iyer : ögeled oyirad ulus-ača inagsi qamuy monggol ulus kiged solongy-a ulus büġüde-yi orogulba : Eduge ġöbken Kitad ulus bui ġ-a.

Ta ġobaqu čay-dagan em-e keüked ba : amin-iyen teġiy-e geġü Kitad-du oroba ġ-a :

Edüge nadur orogsan monggol-un ġirgaġu yabuqu-yi ta ese sonosbau :

Iġagur-un noyad-tan-i nadur bui bögetele : alustun-i namayi sanal ugei Kitad-luy-a yabugsagar yagun-du ükünem : Ta mungqagurajam bolbau : Kümün-ü amin tümen lang alta-bar qudaldubasu olquy-a berke bisiu :

Tngri-yin ibegel kiged čay učir-i medeġü : oroġi irebesu : ġirgan aqu bui ġ-a :

Tan-i-yi [!] uqatugai geġü ürgelġi üġülebesü ülü bolġu : Kitad-luy-a ükülġenem bayinam : Tan-i-yi [!] bi alaqu bisi ta öber-e beyes-iyen öbesüben alanam bisiu :

Nadur oroġu iregsen monggol-un ġirgaqu-yi ülü sonosqu bui ::

Namur-un dumdadu sara-yin arban ġurban-a

Великого императора государства Дай Цин повеление.

Дано ушедшим в Китай монголам.

Когда [ваш] коренной [правитель] чахарский Лигдан-хан разрушил государство и мучил народ, Небо осудило его и вы, лишившись пищи, ушли в Китай, чтобы прокормить своих жен и детей.

Ныне я, благодаря покровительству Неба, подчинил своей власти всех монголов, кроме ойратов, и Корею. Сейчас остался только Китай.

Вы ушли в Китай во времена страданий, чтобы прокормить своих жен и детей.

Разве вы не слышали, что подчинившиеся мне монголы живут и радуются?

В то время, как ваши коренные нойоны находятся у меня, [их] дальние [подданные], не думая обо мне, живя вместе с китайцами, зачем должны умирать?

Разве вы совсем поглупели? Ведь трудно купить человеческую жизнь даже за десять тысяч лянов золота. Если узнав о благоволении Неба и об обстановке подчинитесь и придете, то будете жить радостно.

Нельзя постоянно говорить вам: «Поймите же!» [Ведь] погибнете вместе с китайцами. И тогда не я убью вас, а вы сами себя убьете – не так ли?

Разве вы не слышали, что подчинившиеся и пришедшие ко мне монголы радуются?

13-го числа среднего осеннего месяца.

Как видно из текста этого указа, маньчжурский правитель считал скорое завоевание Китая неизбежным и не подлежащим сомнению.

Доверительные отношения существовали у маньчжурских правителей с хошутским Гуши-ханом, который установил контроль над Тибетом. Фактически, маньчжуры и хошуты действовали скоординировано. Потерпев поражение в борьбе с маньчжурами, Лигдан-хан двинулся на запад, в сторону Кукунора, но умер в 1634 г. У него был сильный сторонник – халхаский Цогту-тайджи. Со своим войском он выдвинулся из Халхи в район Кукунора, куда перенес свою ставку в том же 1634 г. В 1637 г. Цогту-тайджи был разгромлен Гуши-ханом и погиб в сражении [Успенский 2014, с. 53–54]. Таким образом, общими усилиями маньчжуров и хошутов с делом Лигдан-хана было покончено.

Завоевание Тибета хошутами означало блокирование западной границы Китая. Между тем, еще с XV в. там шла торговля между Китаем и Тибетом: тибетцы покупали китайский чай, а китайцы – тибетских лошадей [Мартынов 1970]. Выносливые тибетские лошади были крайне необходимы китайской армии для отражения постоянных набегов монголов на севере. Поэтому прекращение этой стратегически важной торговли ослабляло военную мощь минского Китая.

Изоляция минского Китая и лишение его возможности использовать какую-либо часть монголов в борьбе против маньчжуров – такова была

приоритетная цель монгольской политики династии Цин в первые годы ее существования.

Список литературы

1. Ермаченко 1974: *Ермаченко И. С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974.
2. Иакинф 1828: Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. 1. СПб., 1828.
3. Илэтхэл шастир – Jarliᠭ-iyar togtagagsan gadagadu monggol qotong ayimaᠭ-un vang güng-üd-ün ileddel šastir. 120 тетрадей. Пекинский ки-логграф. 1795 г.
4. Мартынов 1970: *Мартынов А.С.* О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970. С. 234–250.
5. Монгольские документы: Čing ulus-un dotogadu narin bičig-ün yamun-u monggol dangse ebkimel-un emkidkel = 清内秘书院蒙古档案汇编 Цин нэй мишу юань мэngu вэнь дан'ань хуэйбянь (Собрание документов на монгольском языке из дворцового архива династии Цин). Тт. 1–7. Хух-Хото, 2004.
6. Покотилов 1893: *Покотилов Д. Д.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (По китайским источникам). СПб., 1893.
7. Успенский, 2014 – *Успенский В.Л.* О государстве Гуши-хана // Тибетология в Санкт-Петербурге. Сб. статей. Вып. 1. СПб., 2014. С. 52–59.

V. L. Uspensky

THE POLICY OF THE MANCHUS TOWARDS THE MONGOLS: FROM THE PROMULGATION OF THE QING DYNASTY (1636) TO THE COLLAPSE OF THE MING DYNASTY (1643)

Abstract. *The Manchu Qing Dynasty promulgated in 1636 claimed its power over the whole of China and surrounding world. However, in reality it maintained control only of a relatively small territory north to the Great Wall. At that time, nobody could predict an early collapse of the Ming Dynasty in 1643. For a successful pursuing of their expansionist policy, the Manchus had to cut all possible contacts with China by the Mongols and the Oirats. To that end were used demands, threats and military alliances. Translation is made of the imperial decree dated 1641 urging the Mongols who stayed in China to submit to the Qing Dynasty.*

Keywords: *Mongols, Manchus, Qing dynasty, Ming dynasty, China, Oirats.*

ДВА ВАРИАНТА «МАГТАЛА МАНИ»¹

Аннотация. В статье говорится о двух вариантах монгольского сочинения, которое включает молитвенную формулу «Мани», обращенную к бодхисаттве Авалокитешваре, и представляет собой образец текста, использовавшегося при ритуале «Вознесения Мани».

Ключевые слова: монгольская письменная традиция, бодхисаттва Авалокитешвара, ритуал «вознесения Мани»

Самой распространенной молитвой в Тибете и Монголии является молитва, обращенная к Авалокитешваре – «Ом мани падмэ хум», или «Мани». Она считается главной дхарани (соврем. монг. зүрхэн тарни) этого божества. Известно, что эта молитва получила особую популярность в Тибете при царе Сронцзангампо (VII в.), считавшимся перерождением Авалокитешвары. Прочитать миллиард раз «Мани», перебирая четки, — большая заслуга буддиста. Монголы говорят: «В Монголии нет лучше молитвы, чем “Мани”, нет лучше пищи, чем мясо». Существовало поверье, что одно чтение «Мани» с перебором четок равняется вознесению всех видов воскурений. Произносят молитву индивидуально и хором – семьей, группой семей, с соседями, вместе с монахами. Читают, обходя кругом святыни. «Мани» часто произносят нараспев. Чтение нараспев монголы называют «Вознесением Мани» (совр. монг. «Маань хөгжөөх»).

Эта молитва была в Тибете и Монголии настолько популярной, что возникла традиция вставлять ее в другие молитвенные стихи. Книг с молитвой «Мани» великое множество. Такого рода молитвы были распространены в Монголии уже, по крайней мере, на рубеже XVI–XVII вв., о чем свидетельствует наличие фрагмента на бересте сочинения «Благодарность за благодеяния трех благодетельных» из коллекции книг на бересте, найденных экспедицией Х. Пэрлээ. Недавно в Среднегобийском аймаке в сомоне Хулд была обнаружена наскальная надпись с текстом варианта этих молитвенных стихов [Боролзой 2009, с. 62–65].

В последнее время этот жанр стал привлекать внимание ученых. Во Внутренней Монголии издан текст такого сочинения [Nasunbatu 1999]. Монголь-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда («Церковная жизнь Северной Монголии в текстах книжной культуры (Урга, XVII – начало XX вв.)»; № 14-24-03001а).

ская исследовательница Д. Наранцацрал проанализировала подобную молитву в своем труде о духовной музыке монголов [Наранцацрал 2005]. Факсимильная копия рукописи на «ясном письме» молитвы с «Мани» («Магтал Авалокитешваре») с описанием и исследованием была опубликована в Калмыкии [Меняев 2008, с. 75–89]. Известны сочинения Равджи с использованием в тексте «Мани».

Одним из самых популярных вариантов «Вознесения Мани» является включение «Мани» в хвалу самой молитве «Мани» (совр. монг. «Маанийн магтаал»). В нашем распоряжении имеются два варианта этого сочинения.

Вариант 1. Рукопись монгольская. Бумага старая, склеенная. Бамбуковое перо. Черная и красная тушь, красной тушью написаны первые строки шлок. Размеры рамки – 5,5×21,8 см, листа – 7,3×22 см, 3 листа, 25–28 строк на странице. Без пагинации. Характер письма и бумаги, отсутствие титула на первой странице указывает на раннее происхождение рукописи, возможно, на XVI–XVII вв.

Перевод

(1b) С короной в виде светлого бурхана,
 С сердцем, не знающим ошибок,
 Спасителю грешников и страдальцев
 Светоносному Хонсим-бодхисаттве кланяемся.
 С короной в виде белого бурхана,
 Имеющему выбелено-белый цвет,
 Из рода хана-чакравартина,
 Безмерному Хонсим-бодхисаттве кланяемся.
 С короной в виде бурхана Абида,
 Украшенный десятками сотней украшений,
 Именуемому Арьябало,
 Сложившему ладони, Хонсим-бодхисаттве кланяемся.
 Одиннадцатиликому,
 С белым упокоенным сердцем,
 С прекрасными очами во лбу,
 Милосердному к живым существам Хонсим-бодхисаттве кланяемся.
 Будем созерцать знак «Ом»,
 (2a) Оставим бездумное счастье,
 Освободимся искусным способом,
 Поклонимся милосердному Логишваре.
 Будем созерцать знак «Ма»,
 Обретем истинную парамиту,
 Станем почитать возвышающее учение,
 Поклонимся бурхану Манджушри.

Будем созерцать знак «Ни»,
Уверуем в обладающего тысячей рук,
Познаем науку милосердия,
Поклонимся владыке тайны Ваджрапани.
Будем созерцать знак «Бад»,
Исполним шесть парамит,
Развеем темную глупость,
Поклонимся учителю Шакьямуни.
Будем созерцать знак «Мэ»,
Очистим дурные привязанности,
Родим несокрушимые мысли,
Поклонимся Хонсим-бодхисаттве, тысячеглазому.
Будем созерцать знак «Хум»,
Разрушим смущающий гнев,
Достигнем быстро Сукавати,
Поклонимся святому бурхану Абиде.
Будем созерцать шесть знаков,
Достигнем счастливой страны,
Обретем (2b) вечный и величественный путь бодхи,
В будущем достигнем бессмертия.
подавляющим пять видов вреда,
Уничтожающим пороки страсти,
Ведущим к желаемому счастью,
Шести знакам молимся беспрестанно.
Освобождающим из вселенной-сансары,
Уничтожающим пороки гнева,
Помогающим и ведущим живых существ,
Вам, шести знакам, молимся без устали.
Освобождающим из рождения прэтами,
Уничтожающим полное невежество,
Дающим святость путем созерцания,
Вам, шести знакам, вызывающим благоговение, молимся.
Помогающим всем живым существам,
Уничтожающим пороки жадности,
Освещающим темноту глупости,
Вам, шести (3a) удивительным знакам, молимся.
Освещающим, словно солнечный свет,
Уничтожающим пороки зависти,
Помогающим живым существам на протяжении жизни,

Вам, соединенным шести знакам, молимся.
 Становящимся колесницей в далекой дороге,
 Становящимся пищей в голодное время,
 Становящимся помощниками для всех живых существ,
 Вам, шести святым знакам, молимся.
 Становящимся лестницей в яшмовых скалах,
 Становящимся светом в темноте,
 Становящимся водой в горячем аду,
 Вам, шести удивительным знакам, молимся.
 Становящимся лодкой на глубокой воде,
 Становящимся свидетелем при наветах,
 Становящимся другом против сильного врага,
 Вам, шести могущественным знакам, (3b) молимся.
 Сердечное дхарани всеильного Логишвары,
 Дхарани, вызывающее почитание в этой жизни,
 Главное дхарани в этом и будущих рождениях,
 Вам, шести высшим знакам, молимся.
 Святой Хонсим-бодхисаттва,
 Помогающий всем живым существам,
 Подавил вредоносные препятствия,
 Очистил отвратительные грехи.
 Всесильный Хонсим-бодхисаттва
 Помогающий всем живым существам, ставшим матерью,
 Очистил грехи и пороки глупости,
 Привел в высшую страну, всех живых существ.
 Ом мани падмэ хум. Хри мангалам.

Транслитерация

(1b) gegen burqan titimtü :
 genedel ügei sedkil-tü :
 gemten joblang-tan-i aburayçi :
 geyigülügçi qongsim bodisadu-tur mörgümü ::
 çayan burqan titimtü
 çayıysan çayan önggetü
 çakirabad-un qayan-u törül-tü :
 çaylasi ügei qongsim bodi=sadu-tur mörgümü ::
 abida burqan titimtü :
 arban jayun čimeg-tü :
 ariy-a balo neretü :

alyaban qamtudqaysan qongsim bodi=sadu-tur mörgümü ::
arban nigen niyur-tu :
amurlingyui çayan sedkil-tü :
ayilay titim nidütü
amitan-i örüsüyegçi qongsim bodisadu-tur mörgümü :: ::
oom üjüg-yi bisilyay-a ::
omurqaquy-a jiryalang-yi (2a) talbiy-a :
uran aryabar toniluy-a :
örüsüyegçi logisvari-tur mörgüy-e ::
ma-a üjüg-yi bisilyay-a :
mayad barimid-i oluy-a ::
manduyulugçi nom-i sitüy-e :
manjusri burqan-tur mörgüy-e :: ::
ni üjüg-yi bisilyay-a :
nigen mingyan yar-tuni itegey-e :
nigülesügçi-yin erdem-i suruy-a :
niyuça-yin ejen vçir=bani-tur mörgüy-e ::
bad üjüg-yi bisilyay-a :
baramid jiryuyan-i dügürgey-e :
balamad mungqay-i geyigülüy-e :
bayси sigimuni-tur mörgüy-e ::
me üjüg-yi bisilyay-a ::
miqan nisvanisi arilyay-a :
mital ügei sedkil-i egüskey-e :
mingyan nidütü qongsim bodisadu mörgüy-e ::
qung üjüg-yi bisilyay-a :
qudqulayçi urin-i ebdey-e :
qurdun-a sukavadi-tur kürüy-e :
qutuytu abida burqan-tur mörgüy-e ::
jiryuyan üjüg-yi bisilyay-a :
jiryalang-un orun-tur kürüy-e :
jibqalang-tu bodi möngke (2b) mör oluy-a :
jiçi qoyin-a ükül ügei boluy-a ::
tabun qour-a-yi daruyçi :
taçiangyui nisvanis-i arilyayçi ::
tayalaysan jiryalang-tur kürgegçi :
tasural ügei jiryuyan üjüg çimadur jalbiramui : ::
orçilang-un sangsar-aça tonilyayçi :
urin nisvanis-i arilyayçi :

uduriddun amitan-i tusalayči :
 uyidqar ügei jiryuyan üjüg čimadur jalbarimui ::
 birid-ün törül-eče tonilyayči :
 bitügüü mungqay-i arilyayči
 bisilyal-un mör-iyer qutuy-i olyaçulugči :
 bisiril-tü jiryuyan üjüg čimadur jalbarimui ::
 qamuy amitan-i tusalayči :
 qaram nisvanis-i arilyayči :
 qarangqui mungqay-i geyigülügči :
 yaqiqamsiy (3a) jiryuyan üjüg čimadur jalbiramui :: : :
 naran-u genel metü geyigülügči :
 nayidangyui nisvanis-i arilyayči :
 nasuda amitan-i tusalayči :
 nayirayuluysan jiryuyan üjüg čimadur jalbarimui ::
 qola yaçar-a kölge boluyči :
 qoyusun yabuqu-tur künsün boluyči :
 qotala amitan-tur tus-a boluyči :
 qutuy-tu jiryuyan üjüg čimadur jalbarimui ::
 qas qadan-tur satu boluyči :
 qarangqui çay-tur genel boluyči :
 qalayun tamu-tur usun boluyči :
 yaqiqamsiy jiryuyan üjüg čimadur jalbarimui :: : :
 gün usun-tur ongyuča boluyči :
 güjir ügen-tür gereči boluyči :
 küçütü dayisun-tur nököd boluyči :
 küçütü jiryuyan üjüg čimadur (3b) jalbarimui :: : :
 erketü logisvari-yin jirüken-ü tarni :
 ene jayayan-u sitügen-ü tarni :
 eçüs qoyitu jayayan-u eke tarni :
 erkem jiryuyan üjüg čimadur jalbarimui :: : :
 qutuy-tu qongsim bodisadu :
 qotala qamuy amitan-tu tusalan yabuçu :
 qour-tu todqar-i daruyad :
 yutumsiy nigül kilinçes-i arilyabai :: : :
 erketü qongsim bodisadu
 eke boluysan qamuy amitan-u tula enerin yabuçu :
 eregüü nigül kilinçes-i anu arilyaçu :
 erdem-tü degedü orun-tur kürgebei qamuy amitan-yi :: : :
 oom ma-a ni bad me hung hri :: ma-am ka-a la-am

Вариант 2. Рукопись монгольская. Бумага старая, поврежденная. Размеры рамки – 8×15 см; листа – 8,5×17 см. Черная тушь, бамбуковое перо. 5 листов, 12 строк на странице. Пагинация двойная — на монгольском письме и цифрами. Первый лист отсутствует. Есть небольшие разночтения с первым вариантом в порядке строк, в использовании некоторых слов и грамматических форм. Главное различие заключается том, что вместо фрагмента на л. 3b, начинающегося словами «qutuу-tu qongsim bodisadu : qotala qamцy amitan-tu tusalan уabuцy» вставлена хвала пяти дхьяни-буддам, в которую включены повторы с молитвенной формулой «Ом мани падмэ хум». Приведем этот фрагмент.

Перевод.

(4a) ...Ом мани падмэ хум!

Кланяюсь бурхану высшей страны Вайрочане,

(4b) Произношу звук «ом», помогающий тэнгри.

Так усмири же мои жестокость и гордость,

И пусть все живые существа вкусят твоей несравненной святости!

Ом мани падмэ хум!

Кланяюсь бурхану восточной страны Акшобхье,

Произношу звук «ма», помогающий асурам.

Так усмири же мои любовные желания и страсти,

И пусть все живые существа вкусят твоей святости ухода!

Ом мани падмэ хум!

Кланяюсь бурхану южной стороны Ратнасамбхаве,

Произношу звук «ни», помогающий людям.

(5a) Так усмири же мои воинственность и ярость,

И пусть все живые существа станут бурханами!

Ом мани падмэ хум!

Кланяюсь бурхану западной стороны Амитабхе,

Произношу звук «пад», помогающий постоянным понуждением (?),

Так смилостивься и усмири мои гнев и глупость,

И пусть все живые существа обретут рождение в истинно счастливом

Сукавади!

Ом мани падмэ хум!

Северной стороны...

Ом мани падмэ хум!

Ом мани падмэ хум!

Ом мани падмэ хум!

Мангалам!

Транслитерация

(4a) ôm ma ni pad me hūm

degedü jüg-ün viruĵan-a burqan-tur morgümüi

(4b) [t]ngri nar-i tusalayĉi ôm üsüg-i [ĉi]nu ungsimui

degerüנגgüi omuy-tu :: [...]kil-i minu arily-a

tengsel ügei bodi qutuy-tur ĉinu kürtügei qamuy amitan

ô m ma ni pad me hū m

dorun-a jüg-ün aysobi burqan-tur mörgümüi

durudĉu asuri nar-i tusalayĉi ma üsüg-i ĉinu ungsimui

duruĉi taĉiyangyui sedkil minu [aril]γ-a

[t]uyuluysan bodi qutuy-tur ĉinu kürtügei qamuy amitan

ô m ma ni pad me hū m

emüne jüg-ün radna sambhav-a [bur]qan-tur mörgümüi

edüge kümün amitan-i [...]alyaĉi ni üsüg ĉinu ungsimui

(5a) eresĉü urin sedkil minu arily-a

eĉüs-tür burqan boltuyai qamuy amitan

ô m ma ni pad me hū m

örün-e jüg-ün am[indaba] burqan-tur mörgümüi ::

ürgüljide ituya[...] tusalayĉi pad üsüg ĉinu ungsimui

örüsiyeĵü urin mungqay sedkil-i min[u] aruly-a

ünen ĵiryalang-tu sukava[di]-tur-iyān törügül qamuy amitan

ô m ma ni pad me hū m

umar jüg-ün...

ô m ma ni pad me hū m

ô m ma ni pad me hū m

ô m ma ni pad me hū m

mangalam

Существование двух вариантов «Магтала Мани» — одного с повторами молитвы «Ом мани падмэ хум», и второго — без нее, говорит о том, что эта молитва была добавлена в сочинение позднее его создания. Таким же образом, эта молитвенная формула включалась в магтал Авалокитешваре, в магталы различных других божеств, хутухт и хубилганов, в различные моления, поучения, стихи о благодарности родителям, трем благодетельным и учителю, и наконец, в стихи, написанные монголами на тибетском языке.

Список литературы

1. Боролзой 2009: *Боролзой Д.* Хоёр монгол бичээс // Хэл зохиол судлал. Боть II (34), 1–22. Улаанбаатар, 2009.

2. Наранцацрал 2005: *Дэлгэрхүүгийн Наранцацрал*. Маань мэгзэмийн ая дангийн дуурьслын онцлог. Улаанбаатар, 2005.

3. Меняев 2008: *Меняев Б. В.* Тексты, посвященные культу бодхисатвы Авалокитешвары у калмыков // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке. Памяти О.М.Доржиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста, 2008.

4. Nasunbatu 1999: *Mani-yin maṅṅaḡal*. *Nasunbatu emkidkebe*. Öber mongyol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a. 1999.

R. Otgonbaatar

A. D. Tsendina

TWO VARIANTS OF «MAANIIN MAGTAAL»

Abstract. *The article refers to two variants of the Mongol manuscript, which includes «Mani», a prayer formula to the Bodhisattva Avalokiteshvara, and is an example of the text used in the ritual of «Ascension of Mani».*

Keywords: *Mongolian written tradition, the bodhisattva Avalokiteshvara, the ritual of «Ascension of Mani»*

ПОЧЕМУ НЕ БЫЛ ОПУБЛИКОВАН УЧЕБНИК Г.Е. ГРУММ–ГРЖИМАЙЛО ПО ИСТОРИИ МОНГОЛОВ¹

Ваша книга, несомненно, будет служить капитальным руководством для нашей монгольской молодежи, интересующейся прошлым своей страны и своего народа.

Из письма Ц. Ж. Жамцарано к Г. Е. Грумм-Гржимайло (1927)

Аннотация. В 1927 г. Министерство народного просвещения и Ученый комитет МНР предложили известному российскому исследователю Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло написать учебник по истории монголов. Концепцию этого труда и его структуру российский исследователь обсуждал в переписке с ученым секретарем Учкома Ц. Ж. Жамцарано. В ходе работы учебник, запланированный для средней школы, был расширен и по содержанию, и по объему до университетского курса. В статье предпринята попытка восстановить историю подготовки и выяснить причины, по которым этот фундаментальный труд так и не был опубликован ни в Монголии, ни в СССР.

Ключевые слова: история монголов, неосуществленный проект, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Ц. Ж. Жамцарано, Ученый комитет.

Среди материалов известного российского исследователя Центральной Азии Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло (1860–1936), хранящихся в Архиве РГО, находится объемистая рукопись под названием «История монголов»². В пояснительном описании значится: «Курс, читанный автором в ЛВИ, переработанный для среднеевропейских заведений МНР и дополненный примечаниями и главами, посвященными истории персидских монголов, Золотой Орды и волжских калмыков, а также родословными и синхронистическими таблицами (Составлялся по заказу Ученого комитета МНР. Один экземпляр, переписанный на машинке, был отослан в Учком для перевода на монгольский язык, другой экземпляр из переписанных был уступлен за

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 16–03–00485а.

² Грумм-Гржимайло Г. Е. История монголов // Архив РГО. Оп. 1. Д. 24. 541 л.

небольшой гонорар КУТВ»¹. В данной статье мы попытаемся восстановить историю этой рукописи и выяснить, почему она так и не была издана.

Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860–1936) по образованию был биологом-энтомологом – закончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета; по опыту работы являлся экономистом – служил в Министерстве финансов; по самой продолжительной деятельности – полевым исследователем Центральной Азии. С 1884 по 1914 г. Грумм-Гржимайло активно путешествовал. Его экспедиции охватили Памир, Восточный Тянь-Шань, Западную Монголию и Урянхайский край и внесли важный вклад в познание обширной части азиатского материка, его природы и населения.

Библиография Грумм-Гржимайло очень обширна. Она включает не только труды естественнонаучной (общегеографические и специальные энтомологические) и экономической направленности, но также разного жанра библиографические, исторические, политические, этнографические публикации. Исключительная эрудиция позволяла ему писать, по определению его сына А. Грумм-Гржимайло, «крупные синтезирующие труды» [Грумм-Гржимайло 1947, с. 3].

В 1903–1914 г. Грумм-Гржимайло совершил по поручению Министерства финансов целый ряд экспедиционных поездок в Западную Монголию и Урянхайский край. Изучение торговли России и Монголии он совместил с географическими и этнографическими исследованиями посещенных территорий. Их результатом явилась трёхтомная монография «Западная Монголия и Урянхайский край», в которой были подробно освещены география (1-й том [Грумм-Гржимайло 1914]), история (2-й том [Грумм-Гржимайло 1926а]), антропология и этнография (3-й том, два выпуска [Грумм-Гржимайло 1926б, 1930]) региона. Если с публикацией первого тома проблем не было – он был оперативно издан РГО в 1914 г. то со вторым и третьим томами дела обстояли сложнее, поскольку их завершение пришлось на годы революционных потрясений и Гражданской войны.

Второй том «Западной Монголии и Урянхайского края» под названием «Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии» был посвящен истории Монголии и Урянхия с древнейших времен до событий монгольской революции 1921 г. Ее публикацию удалось осуществить

---

¹ Мы полагаем, что эта запись была сделана сыном путешественника А.Г. Грумм-Гржимайло, который после войны работал в Географическом обществе и разбирал архив отца для подготовки книги о нем по просьбе Московского общества испытателей природы [Грумм-Гржимайло А. 1947].

благодаря ученому секретарю Учёного комитета Цыбену Жамцарановичу Жамцарано (1881–1942).

Познакомил Г. Е. Грумм-Гржимайло и Ц. Ж. Жамцарано непреременный секретарь Российской академии наук, академик С. Ф. Ольденбург (1863–1934)¹ осенью 1925 г., когда Жамцарано приезжал в Ленинград на празднование 200-летия Академии наук. По-видимому, Грумм-Гржимайло рассказал ему о проблемах с изданием «Исторического очерка». Жамцарано очень заинтересовался этой работой, поскольку в Ученом комитете остро стоял вопрос о написании общего труда по монгольской истории. Такая книга особенно была нужна для разработки учебника истории для средней школы. Жамцарано, несмотря на скудность бюджета Учкома, посчитал необходимым найти средства на ее публикацию. В 1926 г. «Исторический очерк» Западной Монголии и Урянхайского края был напечатан в Ленинграде «по распоряжению Государственного Русского географического общества», но на средства Ученого комитета МНР. На титуле значится «Издание Ученого комитета Монгольской Народной Республики».

В работе Грумм-Гржимайло проанализировал более 1000 трудов, принадлежащих 700 авторам [Грумм-Гржимайло 1947, с. 61], по весьма широкому хронологическому периоду монгольской истории на русском и целом ряде западноевропейских языков. Это позволило ему впервые дать систематизированный и довольно подробный очерк истории Центральной Азии и проследить этногенетическую связь монголов с предшествующими народами. Безусловно, его объяснение многих исторических событий с позиций сегодняшнего дня ошибочно. Но есть сюжеты, в которых он имел смелость отойти от общепринятой трактовки и даже опередил свое время. Здесь, в первую очередь, хотелось бы отметить его интерпретацию личности Чингис-хана как великого полководца и государственного деятеля, а также оценку прогрессивности его завоеваний для развития монгольского государства. За такую, несоответствующую марксистской, оценку исторических процессов в средневековой Монгольской империи Грумм-Гржимайло в дальнейшем подвергался критике советских историков.

В Монголии «Исторический очерк» получил высокую оценку. В благодарственном письме автору руководителя Ученого комитета

---

¹ А. Г. Грумм-Гржимайло пишет, что академик С. Ф. Ольденбург познакомил его отца «со многими крупными деятелями современной Монголии» [Грумм-Гржимайло 1947, с. 64]. Мы полагаем, что речь идет только о Ц. Ж. Жамцарано, поскольку ни с кем из других немногочисленных «крупных деятелей Монголии», кто приезжал в Россию в период с 1921 по 1925 гг., С. Ф. Ольденбург знаком не был.

(О. Жамьян и Ц. Ж. Жамцарано) отметили: «Ваша книга, несомненно, будет служить капитальным руководством для нашей монгольской молодежи, интересующейся прошлым своей страны и своего народа»¹. Сам Грумм-Гржимайло значительно скромнее оценивал свою работу. В предисловии он отмечал, что не следует предъявлять этому труду слишком строгих требований и «подходить к его оценке с меркой, выработавшейся на классических трудах <...> корифеев исторической науки». Он считал, что история Средней Азии «с её многочисленными тёмными страницами» еще не написана, поскольку здесь «слишком много гадательного, слишком многого не хватает, и многое требует предварительной критической разработки» [Грумм-Гржимайло 1926а, с. 1]. Свою книгу Грумм-Гржимайло и предлагал рассматривать как один из первых опытов написания такой истории.

После знакомства с «Историческим очерком» министр народного просвещения МНР Э. Батухан (1888–1942) попросил Жамцарано обратиться к Грумм-Гржимайло с просьбой написать учебник по истории монголов для средней школы, чтобы он охватил по времени период в четыре тысячи лет, а территориально – всю Азию, часть Европы и «отчасти Египет». То есть, как уточнял в своем письме Жамцарано, пространство «от восхода солнца до заката»².

Следует сказать, что несколько ранее, в 1921 г. Грумм-Гржимайло по просьбе советского правительства подготовил историю калмыцкого народа. Однако практически вся рукопись погибла. Об этой работе Грумм-Гржимайло рассказал в одном из писем к бурятскому ученому Б. Б. Барадийну (1878–1937)³. В 1920 г. Наркомат иностранных дел предложил Грумм-Гржимайло написать историю калмыков в связи с обращением Калмыцкой автономной области к В. И. Ленину с просьбой помочь в издании истории народа на калмыцком языке. Чтобы уложиться в очень сжатые сроки, отведенные для работы, Грумм-Гржимайло, вынужден был отсылать рукопись в Астрахань для перевода на калмыцкий язык по частям. В это время там вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Переводчик умер, а полу-

¹ Архив РГО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 61. Л. 4. Письмо Ц. Ж. Жамцарано к Г. Е. Грумм-Гржимайло, 1 марта 1927

² Архив РГО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 61. Л. 5–7. Письмо Ц. Ж. Жамцарано к Г. Е. Грумм-Гржимайло, 16 мая 1927 г. Переписка Ц. Ж. Жамцарано и Г. Е. Грумм-Гржимайло о подготовке учебника опубликована в [Юсупова 2016].

³ Архив РГО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 8. Л. 3 об. Письмо Г. Е. Грумм-Гржимайло к Б. Б. Барадийну, 15 февраля 1931.

ченная им большая часть труда Грумм-Гржимайло была сожжена¹. К сожалению, из-за спешки ни автор, ни назначенный ответственным редактором В. Л. Котвич (1972–1944) не сделали копию рукописи. После отъезда Котвича в 1923 г. в Польшу вопрос об «Истории калмыков» больше не поднимался.

Приступая к подготовке учебника для монгольского Учкома, Грумм-Гржимайло уже имел также опыт преподавания (с 1921 г.) истории Монголии, этнографии монгольских народностей и страноведения Азии в Ленинградском институте живых восточных языков / Ленинградском восточном институте (ЛИЖВЯ/ЛВИ). Главной целью учебника он полагал показать «все, что способно возбудить в монголе интерес к великому прошлому народа, к которому он имеет честь принадлежать, все то, что может в нем воскресить угасший патриотизм, не переводя последний за грань, обращающую патриотизм в шовинизм» [цит. по: Грумм-Гржимайло 1947, с. 68]. Работа заняла чуть больше года и в конце 1928 г. Ученый комитет получил рукопись объемом 30 п.л. с приложением родословных и синхронистических таблиц исторических событий. Новый труд, по словам автора, не был повторением «Исторического очерка» Западной Монголии и Урянхая. Кроме истории монголов, «населяющих ныне Монголию», он представил также историю «персидских монголов, Золотой Орды и волжских калмыков», рассмотрел причины разделения монголов на западных и восточных, осветил роль монголов в мировой истории; показал «положительные стороны образования ими мировой монархии» и др.²

Жамцарано высоко оценил проделанную работу. В своем отзыве он написал: «Ваш труд <...> вместо учебника для средней школы, представляет университетский курс, как по размеру, так и по содержанию. Вы дали нам во много больше того, что мы ожидали»³. Однако такая объемная рукопись создавала серьезные проблемы с ее переводом, поскольку Учком испытывал, по выражению Жамцарано, «страшный недостаток в научных сотрудниках». Сам он не мог взяться за перевод из-за огромной административной и научной нагрузки. Перевод поручили сделать Б. Ринчину (1905–1977) – будущему первому монгольскому академику, а тогда еще юному сотруднику Учкома. Работа шла медленно, сроки ее завершения затягивались. И не только по вине переводчика. В 1930 г. произошли кардинальные измене-

¹ В Архиве РГО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 20. хранятся сохранившиеся 144 листа (машинописная копия) рукописи «Истории калмыцкого народа».

² Архив РГО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 8. Л. 3 об. Письмо Г. Е. Грумм-Гржимайло к Б. Б. Барадийну, 15 февраля 1931.

³ Архив РГО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 61. Л. 17. Письмо Ц. Ж. Жамцарано к Г. Е. Грумм-Гржимайло, 28 января 1929.

ния в приоритетных направлениях деятельности Учкома. Кроме того, в результате смены политического руководства страны, прихода к власти леворадикального крыла МНРП, Ц. Ж. Жамцарано, как один из лидеров национально-демократического политического направления, был вынужден оставить должность ученого секретаря. Еще в 1929 г. по той же причине покинул свой пост Э. Батухан, министр народного просвещения. В конце 1931 г. Жацарано жаловался Грумм-Гржимайло, что теперь «все внимание монгольских государственных деятелей направлено на «плановое строительство социализма и т.д. и, естественно, гуманитарный отдел стоит на заднем плане, и мы никак не можем продвинуть вперед такие капитальные труды, как Ваш курс «Истории монголов» или атлас с его объяснениями»¹. Здесь речь идет об историческом атласе с пояснительным текстом, который Грумм-Гржимайло еще в начале 1929 г. предложил издать в качестве приложения к учебнику. Монгольская сторона согласилась с этой интересной идеей, и после дополнительных переговоров было решено составить атлас из 20 карт, соответствующих разным историческим периодам. Жамцарано полагал, что такой атлас, даже без учебника «имел бы большое значение не только для монголов, но и для всех европейских ориенталистов», он наглядно иллюстрировал бы связь истории монголов с историей других азиатских народов. В январе 1931 г. готовый атлас² был передан А. Амару (1886–1941), тогда председателю Ученого комитета. Но в это время на издание даже относительно небольшого по объему труда в Учкоме уже не нашлось средств.

Осознав сложности публикация «Истории монголов» в Улан-Баторе, Грумм-Гржимайло попытался найти возможность издать свой труд в СССР, на русском языке. Прежде всего он предложил рукопись Бурят-Монгольскому государственному институту культуры (так с 1929 г. стал называться Бурятский ученый комитет). Руководители института выразили заинтересованность его работой и попросили прислать рукопись для ознакомления³.

¹ Архив РГО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 61. Л. 28. Письмо Ц. Ж. Жамцарано к Г. Е. Грумм-Гржимайло, 8 августа 1931.

² Архив РГО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 52. Репродукция в 1/5 величины оригинала исторического атласа к «Истории монголов». На папке с рукописью надпись (предположительно А. Г. Грумм-Гржимайло): «Предполагается издать на монгольском языке. Один экземпляр был отослан в Монголию для перевода на монгольский, второй – отдан в личную собственность Ц. Ж. Жамцарано».

³ Архив РГО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 38. Переписка Бурят-Монгольского института культуры с Г. Е. Грумм-Гржимайло, 10 июня 1930 – 19 июня 1932. См. также: Ф. 32. Оп. 2. Д. 8. Л. 3. Письмо Г. Е. Грумм-Гржимайло к Б. Б. Барадийну, 15 февраля 1931.

При этом Барадийн, тогда заместитель директора института, разъяснил, что институт «вовсе не хочет брать на себя научный контроль над трудом или полемизировать о характере изложения исторических событий». В отличие от монгольского Ученого комитета, который рассматривал «Историю монголов» как учебное пособие, для бурятского института этот труд был важен как научное исследование, в котором на основании «новых фактических данных» сделаны «новые трактования монгольской истории», отличные от «Исторического очерка» Западной Монголии и Урянхайского края.

Одновременно институт предложил Грумм-Гржимайло самому провести переговоры с выбранным на его усмотрение издательством, обговорить условия и сроки публикации. Грумм-Гржимайло обратился в ОГИЗ (Объединение государственных издательств). Но здесь возникла серьезная проблема: дефицит бумаги¹. Прежде чем дать окончательный ответ, Госиздат попросил представить рукопись, чтобы определить, следует ли его труду «дать предпочтение перед другими сочинениями, ждущими своей очереди быть напечатанными»². Дальше последовали драматические события, связанные с начавшимися в СССР кампаниями политических репрессий: вскоре после передачи рукописи в издательство, редактора, который ее принял, арестовали, его кабинет опечатали. А через несколько дней, как описывает эту историю сам Грумм-Гржимайло, «было арестовано все руководство Госиздата»³. Можно представить его волнение, поскольку рукопись (не считая отосланной в Монголию) была в единственном экземпляре! Только в сентябре 1931 г. она была возвращена автору, и он передал ее ученому секретарю Института культуры Л. Ф. Ескевич, который в это время был в командировке в Ленинграде.

Однако книга так и не была издана. Мы полагаем, что причин было несколько. Возможно, при близком знакомстве с работой руководство института не увидело убедительных оснований (новых материалов, недостаточно обоснованных интерпретаций исторических событий и личностей) для ее публикации, на которую, к тому же, требовались немалые средства. Нельзя исключить также имевшиеся идеологические разногласия

¹ Архив РГО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 38. Л. 6. Письмо Президиума Управления по делам печати Леноблисполкома к Г. Е. Грумм-Гржимайло, 13 декабря 1930 г.

² Архив РГО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 8. Л. 3 об. Письмо Г. Е. Грумм-Гржимайло к Б. Б. Барадийну, 15 февраля 1931.

³ Архив РГО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 8. Л. 3 об. Письмо Г. Е. Грумм-Гржимайло к Б. Б. Барадийну, 15 февраля 1931. Кого из руководителей и какого издательства имел в виду Г. Е. Грумм-Гржимайло выяснить не удалось.

между авторским изложением материала и официальной точкой зрения. Несомненно, дефицит бумаги также сыграл важную роль. Решить вопрос о срочной публикации такой объемной рукописи было непросто, учитывая строгое планирование издательской деятельности в СССР. В итоге, 19 июня 1932 г. Институт культуры известил Грумм-Гржимайло, что он отказывается от прав на издание «Истории монголов» и передаёт рукопись в Научно-исследовательскую ассоциацию по изучению национальных и колониальных проблем (НИАИНКП) при Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) в Москву, которая еще в марте 1931 г. выразила желание ее приобрести¹.

Получив рукопись, НИАИНКП со своей стороны предприняла активные действия, чтобы ее опубликовать. Однако и в этом случае все попытки договориться с издательствами о печатании работы окончились безрезультатно. В ноябре 1933 г. в качестве причины отказа ОГИЗ указал, кроме уже традиционной нехватки бумаги, на неактуальность темы книги². Тем не менее, НИАИНКП в декабре 1933 г. заключил с Грумм-Гржимайло договор о приобретении его рукописи «История монголов», «размером до 645 с. на машинке»³ за 1500 руб. и праве ее издания «при первой возможности». Однако, «возможности» так и не представилось: «Историю монголов» Грумм-Гржимайло опубликовать не удалось. Тем не менее, эта работа не осталась без внимания исследователей. Так, например, упоминание об этой рукописи есть в монографии доктора архитектуры В. Н. Ткачева [Ткачев 2009, с. 272]⁴. Рукопись ему передал для работы другой архитектор – Д. Б. Пюрвеев. В свою очередь, он получил ее от жены В. И. Юдина, который в 1930-х гг. преподавал в КУТВ. Вполне вероятно, что эта рукопись как раз та (или ее копия), которую НИАИНКП купил у Грумм-Гржимайло. Таким образом, на сегодня известны две рукописи «Истории монголов»: одна из них, подготовленная для монгольского Учкома, находится в Архиве РГО; другая, вероятно, сделанная Грумм-Гржимайло для НИАИНКП – в частном архиве.

¹ Архив РГО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 3. Л. 1. Письмо КУТВ к Г. Е. Грумм-Гржимайло, 13 марта 1931.

² Архив РГО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 3. Письмо НИАИНКП к Г. Е. Грумм-Гржимайло, 21 ноября 1933.

³ Архив РГО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 68. 1 л. Договор Г. Е. Грумм-Гржимайло с НИАИНКП, 7 декабря 1933.

⁴ В списке литературы указано: Грумм-Гржимайло Г. Е. История монголов. Рукопись, ч/арх. Л., 1931. 638 с.

Как известно, первый труд «общего характера» по истории Монголии – «История Монгольской Народной Республики» [История 1954] был издан только в 1954 г. Книга вышла одновременно на русском и монгольском языках. Она была подготовлена большим коллективом авторитетных советских и монгольских историков и археологов. В работе впервые была систематизирована история Монголии за огромный период – с древнейших времен до 1952 г. Этот труд решил те задачи (несомненно с учетом политико-идеологической ситуации того времени), которые были поставлены перед Грумм-Гржимайло: распространить исторические знания о Монголии, показать взаимосвязь ее истории с историей других народов и стран в самой Монголии и за ее пределами, и стал на продолжительное время основой для составления учебников по монгольской истории для разных образовательных уровней.

Список литературы

1. Грумм-Гржимайло 1947: *Грумм-Гржимайло А. Г.* Дела и дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло (путешественника и географа). 1860–1936. М.: Изд-во Московского об-ва испытателей природы, 1947.
2. Грумм-Гржимайло 1914: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 1. Описание природы этих стран. СПб., 1914.
3. Грумм-Гржимайло 1926а: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Изд-е Ученого комитета МНР, 1926.
4. Грумм-Гржимайло 1926б: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л.: Изд-е РГО, 1926.
5. Грумм-Гржимайло 1930: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 2. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Торговля и колонизаторская в них деятельность китайцев и русских. Л.: Изд-е РГО, 1930.
6. История Монгольской Народной Республики / Гл. ред.: Б.Д. Греков, Б. Ширендыб и др. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
7. Ткачев 2009: *Ткачев В. Н.* История монгольской архитектуры. М.: Изд-во Ассоциации строит. вузов, 2009.
8. Юсупова 2016: *Юсупова Т. И.* О нереализованном проекте подготовки учебника монгольской истории Г. Е. Грумм-Гржимайло // *Mongolica-XVI*. СПб., 2016. С. 79–90.

WHY THE TEXTBOOK «HISTORY OF MONGOLS» BY G.E. GRUMM-GRZHIMAILO WAS NOT PUBLISHED

Abstract. *In 1927 the Ministry of Education and the Scientific Committee of the Mongolian Peoples' Republic suggested that the prominent Russian explorer of Central Asia G.E. Grumm-Grzhimailo should write a textbook on the history of the Mongols. The concept of this work and its structure was discussed by the Russian researcher with the academic secretary of the Scientific Committee Ts. Zhamtsarano in their correspondence. At first planned as the secondary school textbook this project was expanded by Grumm-Grzhimailo into a full scale university course. The article deals with the history of this text preparation and the reasons why «The History» was not published either in Mongolia or in the USSR.*

Keywords: *history of the Mongols, unrealized project, G. E. Grumm-Grzhimaylo, Ts. Zhamtsarano, the Mongolian Scientific Committee.*

ТИБЕТСКАЯ ТРАДИЦИЯ КА 'PHRENG В ТИБЕТСКО-МОНГОЛЬСКОМ СЛОВАРЕ «ЛИШИ ГУРХАН»¹

Аннотация. В собрании ИВР РАН хранятся три рукописи знаменитого тибетско-монгольского словаря «Лиши Гурхан», которые отличаются от известного ксилографа тем, что в них слова выстроены по алфавиту. Кроме того, список слов на каждую букву завершается фразой с благопожеланием, в которую входят слова, содержащие эту букву. Эта традиция, служащая для облегчения запоминания тибетского алфавита, известна как ка 'phreng. В статье представлены транслитерации и перевод этих фраз, и их сопоставление со словарем «Океан имен», где также использована эта традиция.

Ключевые слова: традиция ка 'phreng, тибетско-монгольские словари, словарь «Лиши Гурхан», буддийские благопожелания

Тибетско-монгольский словарь «Лиши Гурхан»² содержит списки старых и новых тибетских слов с монгольским переводом. Словарь был издан ксилографически в Пекине в 1742 году, его автор: Skyogs ston lo tsa' ba rin chen bkra shis. Слова в словаре расположены в произвольном порядке парами: при каждом старом тибетском слове дается новое слово с тем же значением, и соответственно, два монгольских перевода. Описанию этого словаря с примерами старых монгольских слов посвящена известная статья Б. Я Владимирцова [Владимирцов 2005]. В собрании ИВР РАН кроме ксилографа³ хранятся три рукописи словаря «Лиши Гурхан», судя по всему, бурятские, датируемые XIX веком⁴. На это указывает качество бумаги, по-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта СПбГУ 2.38.293.2014 «Тибетская письменная традиция и современность».

² Его полное название по-тибетски: *Bod kyi skad las gsar rnyin gi brda'i khyad par ston pa legs par bshad pa li shi'i gur khang zhes bya ba bzhugs*, по-монгольски: *Töbed kel-en-i sine qayučin ayalyus-un ilyal-i üjügülügči sayin ügetü liši-yin ordu qarši kemegdekü orošiba*.

³ Шифр: Q 4734. Ксилограф был передан в Монгольский фонд из Тибетского, где его шифр был В 8939/9.

⁴ Шифры: Н 370 [Сазыкин 1988, с. 266, № 1485], Q 4700, Q 4730. Две последние рукописи были переданы в Монгольский фонд из Тибетского, их старые шифры: В 10788 и А 4414, соответственно.

черк, написание некоторых слов, а на обложке одной из них (шифр Q 4730) написано: «Словарь с тангутского на монгольский, подаренный мне ширетугем тугнуйских кумирен 17 мая 1827 года. Александр Попов». Этот подарок, по-видимому, был сделан А. Попову во время его пребывания в Бурятии.

Бурятские рукописи из коллекции ИВР РАН не являются точными копиями ксилографа¹, это самостоятельные работы неизвестного автора, который расположил слова из знаменитого словаря по порядку букв тибетского алфавита. Колофон во всех рукописях одинаковый и автор в нем не назван, сказано только, что цель такой переработки словаря – облегчить читателям пользование. Надо сказать, что алфавитный порядок в нем соблюдается только «в масштабах» букв, внутри списка слов на конкретную букву слова идут по тому порядку, по которому они расположены в ксилографе. Монгольские переводы повторены в рукописи дважды: при старом тибетском слове даются два монгольских перевода (старый и новый), и они же повторяются при новом.

В рукописях имеется еще одно отличие от ксилографа: в них после списка слов на каждую букву добавлена краткая фраза с благопожеланием. Это благопожелание обязательно включает как минимум одно слово на соответствующую букву. Максимальное количество слов, в состав которых входит соответствующая графема, в одной фразе достигает четырех (при буквах tha и pha). При восьми буквах (ka, kha, nga, sa, cha, ja, nya, ta) таких фраз нет, таким образом, общее число фраз – 22. Большинство фраз (за одним исключением) заканчиваются в монгольском вспомогательным глаголом в повелительной форме третьего лица *bolтууай* ‘пусть’, в тибетском – частицами *sig* и *shog*, передающими императив любого лица. Такое грамматическое оформление пожелания – стандартно для обоих языков.

Тибетская традиция ka 'phreng – составление мнемонических стихов для запоминания букв тибетского алфавита при обучении письму, широко использовалась в монгольских азбуках [Отгонбатор, Цендина 2014, с. 98]. Фразы, замыкающие списки слов на конкретную букву, в словаре «Лиши Гурхан», имеют исключительно буддийскую тематику, что сближает их с четверостишиями из словаря «Море имен»², опубликованном в Пекине в 1718 году, автором которого является Гунга Джамцо. Других словарей,

¹ Известны и неизмененные копии этого словаря. Например, такая рукопись хранится в собрании восточного отдела Научной библиотеки им. А. Горького СПбГУ, шифр Plg. 24. [Uspensky 1999, № 834].

² О четверостишиях в словаре «Море имен» подробнее см.: [Крапивина, Яхонтова, 2016]

имеющих подобные наставления внутри своего словарного корпуса, в обширном собрании тибетско-монгольских словарей в ИВР РАН и в восточном отделе Научной библиотеки им. А. Горького в СПбГУ нет.

Однако между фразами из словаря «Лиши Гурхан» и четверостишиями в «Море имен» есть некоторые различия. В «Море имен» это четверостишия, в которых только одно слово, и обязательно первое, является корневой графемой, соответствующей букве тибетского алфавита, без дополнительных графем и огласовок. Во фразах из «Лиши Гурхан» совершенно не обязательно первое слово содержит соответствующую графему, слово, ее содержащее, может стоять и вторым, и даже третьим по порядку. Эта графема может сочетаться с любыми дополнительными графемами и огласовками. Цель неизвестного автора алфавитной версии словаря заключалась в желании использовать как можно больше слов, содержащих графический элемент, соответствующий букве алфавита, а не использовать саму графему «в чистом виде», как в словаре «Море имен». Поэтому в словаре «Лиши Гурхан», по сравнению со словарем «Море имен», возможности выбора слов были более широкими и, как результат, для составления благопожеланий можно было подобрать больше слов одной, в данном случае буддийской, тематики, имеющих в своем составе одну и ту же букву.

Содержание тибетских и монгольских фраз в словаре «Лиши Гурхан», за редкими исключениями (они отмечены в примечаниях), одинаковое. Заметно, что в монгольских фразах нет влияния тибетского языка, которое ощущается в четверостишиях из словаря «Море имен» (например, нарушение порядка слов в монгольском). Напротив, в некоторых тибетских фразах из «Лиши Гурхан», порядок слов не совсем корректный. Можно сказать, что в «Море имен» доминирует (или является основным) тибетский текст, тогда как в «Лиши гурхан» – монгольский. Общих слов, в силу ограничений в первом словаре и отсутствия их во втором, в двух словарях всего два: тиб. *ya mtshan* 'прекрасный', монг. *yauiqamsiy-tu id.* и тиб. *wa* 'лиса', монг. *ünegen id.* И если первое слово хорошо вписывается в любой контекст, то второе обычно употребляется в выражении «лисы речи», т.е. лживые и хитрые слова. Фраза из «Лиши Гурхан» для буквы *wa* – не исключение. Интересно другое – эта фраза является сокращенным вариантом следующего четверостишия из словаря «Море имен» (первая строка – тибетская, под ней – монгольская, и так далее):

wa

wa skad ltar gyi tshig ngan gтам ngan tshogs |
 ünegen-ü dayun metü-yin mayu üges mayu kelekü-yin çiyulyan-i:
 skad cig nyid la thal bar brlag 'gyur ba'i |
 mön nigen gšan-a tobray-bar bolyaqu-yin:

gzhung lugs tshul bzhin sgrogs par mdzad pa yi |
 törö yosun-i yosučilan dayurisqan üiledkü-yin:
 gsung gi ngag skad nam mkha' khyab par shog |
 jarliy-un yeke dayun oytaryui tügeküi-e boltuyai::

‘Пусть пространство наполнится мощными звуками слов [Будды],
 Которые в одно мгновение превращают в пыль
 Все дурные речи, злые и хитрые слова, подобные «лисым речам»,
 [И] прославляют традицию великих текстов!’

В «Лиши Гурхан» та же мысль выражена более просто:

тиб. **wa** ltar dan gтам brlag par gsung skad khyab par shog |

монг. ünegen metü mayu üges tobaray boloyad jarliy-un dayun tügeküy-e
 boltuyai::

‘Пусть плохие слова, подобные [словам] лисы в пыль обратятся, пусть
 слова [Будды] распространятся!’

Совпадение это или заимствование, сказать трудно. Скорее всего, здесь стандартное противопоставление слов лисы речам Будды, и очень удобное для иллюстрации двадцатой буквы тибетского алфавита («wa») слово «лиса». Тем более, что количество слов с этой буквой минимально даже с учетом использования ее в качестве подписной. Однако есть один факт, который может свидетельствовать о заимствовании. В четверостишиях из словаря «Море имен» тибетский служебный элемент par (bar), употребленный после причастий, регулярно передается монгольским суффиксом -a/-e при форме причастия в форме -qui/-küi, в частности, когда управление такими причастиями осуществляется служебным глаголом – тиб. shog, монг. boltuyai ‘пусть [будет]’ [Крапивина, Яхонтова 2016, с. 12]. В «Лиши Гурхан» случаев употребления частицы par и ее перевода монгольским словом boltuyai довольно много, но монгольская форма -küy-e boltuyai употреблена только один раз именно в этом пожелании (№ 12).

Так или иначе, сравнение этих двух отрывков наглядно показывает разный художественный уровень благопожеланий из двух словарей.

Ниже приводится транслитерация и перевод фраз из словаря «Лиши Гурхан», сделанный с монгольского, и сверенный с тибетским текстом. Фразы пронумерованы для удобства восприятия. Графемы, соответствующие букве алфавита, выделены в словах жирным шрифтом, в скобках указано количество слов, их содержащих.

1. [5v:3]¹ ga (2 слова)

¹ Адреса примеров даются по рукописи Q 4700, как самой четкой, но принципиальных отличий в других рукописях нет.

тиб. **dge legs gnas gyur cig** |
монг. sayin buyan orosiqu boltuᠢyai::

‘Да пребудет добродетель!’

2. [10v:1] tha (4 слова)

тиб. **mthar thug kun mkhyen ye shes 'thob gyur cig** |
монг. ečüs-tür qamuᠢ-yi medegči belge bilig olqu boltuᠢyai:

‘В конце пусть обретут мудрость Всезнающего!’¹

3. [12r:1] da (2 слова)

тиб. **'di ltar bshad pa'i bdud rtsis mnyes par mdzod** |
монг. ene metü nomlan rasiyan-iyar qangyan soyorq-a::

‘Соизволь насытить нектаром подобного учения.’

4. [12v:3] na (2 слова)

тиб. **rnam kun 'khrul med yun du gnas gyur cig** |
монг. nasuda keb kejiye sayar endegürel ügegü-e öñide orosiqu boltuᠢyai ::

‘Пусть вечно живут, никогда не совершая ошибок!’

5. [13v:2] pa (3 слова)

тиб. **spyod yul dpyod ldan chos spyan myur thob shog** |
монг. edlekü oron-a ilangᠢyuy-a sinjileküi nom-un nidün-i türgen-e olqu boltuᠢyai:

‘Пусть быстро обретут глаза учения проницательные в сфере деятельности!’

6. [14v:1] pha (4 слова)

тиб. bstan **'phel | phu nu phar phyin rdzogs so** |

монг. šasin nemegülügči aq-a degüü bilig paramid-un činadu kürün tegüskü boltuᠢyai:

‘Пусть младшие и старшие братья, распространяющие учение, достигнут другого берега (Праджняпарамиты)!’²

7. [16r:3] ba (2 слова)

тиб. **bar chad zhi nas bstan yun 'bar gyur cig** |
монг. todqar/duyči amurliᠢyad šasin öñi badaraqu boltuᠢyai:

‘После устранения препятствий пусть религия вечно процветает!’

8. [16v:4] ma (3 слова)

тиб. **mi rnams mun sel chos don 'khrul med shog** |
монг. kümün nuᠢud-un mungqay ariluᠢsan nom-un udq-a-dur endegürel ügei boltuᠢyai::

¹ Всезнающий – эпитет Будды.

² В тибетском тексте в этом предложении нет явного повеления, а есть уверенность, что так в будущем и будет.

‘Пусть очистится глупость людей, и не будет заблуждений относительно сути учения!’

9. [17r:4] tsa (3 слова)

тиб. 'gro ba'i **btsog stsel gtsug lag mkhas par shog** |

монг. amitan-u burtay ariluyad sudur-un ayimay-tur mergejikü boltuyai::

‘Пусть очистится скверна живых существ, пусть [они] совершенствуются в учености!’

10. [18r:1] tsha (3 слова)

тиб. **tshul 'chal zhi nas tshangs spod tshad par shog** |

šayšabada ebderegsen amurliju ariyun yabudal būridkü boltuyai::

‘Пусть не будет нарушения нравственных законов и завершится [достижение] чистого состояния!’

11. [18r:4] dza (2 слова)

тиб. nyes ltung '**dzad nas bskyed rdzogs bsgom par shog** |

монг. gem unal baraydayad egüsgel tegüsgel bisilyaqu boltuyai::

‘Пусть зло и падения иссякнут, пусть созерцание [пройдет стадии] зарождения и завершения!’

12. [18v:4] wa (1 слово)¹

тиб. **wa ltar dan gtam brlag par gsung skad khyab par shog** |

монг. ünegen metü mayu üges tobaray boloyad jarliḡ-un dayun tügekü-e boltuyai::

‘Пусть плохие слова, подобные [словам] лисы в пыль обратятся, пусть слова [Будды] распространятся!’

13. [19r:3] zha (2 слова)

тиб. **zhe nyes ye sel zhwa ser bstan pa 'bar cig** |

монг. bey-e kele sedkil-ün gem aldal uy-ača ariluyad šara malayai-yin šajin badaraqū boltuyai::

‘Пусть грехи и ошибки тела, языка и души будут искоренены, пусть процветает религия тех, кто носит желтые шапки!’

14. [19v:3] za (3 слова)

тиб. chos kyi gsil **zer zil dngar bzang thob shog** |

монг. nom-un serigün gerel-ün rasiyan-u ir sayin-i olqu boltuyai::

‘Пусть обретут прекрасное острое нектара прохладных лучей учения!’²

15. [20r:1] 'a (1 слово)

тиб. 'od srung byin rlabs thams cad skyon pa sel bar shog |

¹ Интересно, что слово wa ‘лиса’ в словаре отсутствует.

² В тибетской фразе нет слова «острие, лезвие» (тиб. dngo), тогда как в монгольской есть (монг. ir), и оно здесь явно не уместно.

монг. *gerel sakiγči-yin adistid-iyar qamuγ gem-ūd arilqu boltuγai ::*
 ‘Пусть благодаря благословиению [будды] Кашьяпы очистится все зло!’¹

16. [20v:3] *ya* (2 слова)

тиб. *ya mtshan chos yi ye shes thob gyur cig |*

монг. *γaγiqamsiy-tu nom-un uγ-un belge bilig-yi olqu boltuγai::*

‘Пусть обретут истинную мудрость замечательного учения!’

17. [21v:1] *ra* (2 слова)

тиб. *rigs gsum byin rlabs bshad rig mkhas par shog |*

монг. *γurban iγayurtan-u adistid-iyar nomlal-un uqayayanan-a [=uqayan-a] mergejikü boltuγai::*

‘Пусть благословением Трех высокородных совершенствуются в познании учения!’

18. [22r:1] *la* (1 слово)

тиб. *legs gsung bdud rtsis bdag cag tshim par shog |*

монг. *sayin nomlal-un rasiyan-iyar bida бүгүде qangqu boltuγai:[:]*

‘Пусть мы все насытимся нектаром прекрасных поучений!’

19. [22v:3] *sha* (2 слова)

тиб. *bshad la nor 'khrul med pa mkhas par shog |*

монг. *nomlal-dur endegürel ügegüγ-e mergejikü boltuγai::*

‘Пусть совершенствуются в учении, не делая ошибок!’

20. [23v:1] *sa* (2 слова)

тиб. *gsung rab don la gsal ba ye shes rtogs par shog |*

монг. *sayin jarliy-un uγ-a/si todorqoi belge bilig-iyer onoqu boltuγai::*

‘Пусть с помощью ясной мудрости поймут смысл прекрасных слов Будды!’

21. [24r:3] *ha* (2 слова)

тиб. *hum sngon 'od kyis lha kun gshegs byin rlabs kyis nyen kun ngog par shog |*

монг. *köke huuM ni gerel-iyer qamuγ burqan aγirayad adistidlaysan-iyar gem бүкүн arilqu boltuγai::*

‘Пусть благодаря голубому свету [слога] Хум все будды явятся, [их] благословением все зло очистится!’

22. [26r:4] *a* (1 слово)

тиб. *oM dkar 'od kyis thabs cad nyes dag sangs rgyas gyur bar shog |*

монг. *čayan om-un gerel-iyer qamuγ gem-ūd arilyad. burqan bolqu boltuγai::*

‘Пусть благодаря белому свету [слога] Ом все зло очистится, [все] буддами станут!’

¹ В тибетской фразе местоимение «все» относится к существительному «благословение», а не «зло» как в монгольском.

Фразы из рукописного словаря «Лиши Гурхан» являются продолжением традиции ka 'phreng, но служат, скорее, не как мнемоническое правило, а как украшение текста, показывающее и образованность автора, и его владение языками, и его заботу о живых существах, которым адресованы его благопожелания.

Список литературы

1. Владимирцов 2005: Владимирцов Б. Я. О тибетско-монгольском словаре Li-ṣiḥi gur-khañ // Б.Я. Владимирцов. Работы по монгольскому языкознанию. М.: Восточная литература, 2005. С. 138–141.
2. Отгонбатор, Цендина 2014: Отгонбатор Р., Цендина А. Д. Образцы письменной традиции Северной Монголии: алфавиты, транскрипции, языки (конец XVI – начало XX в.). М.: Наука, Восточная литература, 2014.
3. Крапивина, Яхонтова 2016: Крапивина Р. Н., Яхонтова Н. С. Тибетско-монгольские четверостишия в тибетско-монгольском словаре «Море имен» // Письменные памятники Востока. 2 (25), лето 2016. М.: Наука, Восточная литература. С. 5–27.
4. Сазыкин 1988: Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.
5. Uspensky 1999: Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Compiled by Vladimir Uspensky with assistance from Osamu Inoue. Edited and foreword by Tatsuo Nakami. Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa. Tokyo. 1999.

N. S. Yakhontova

THE TIBETAN «KA 'PHRENG» TRADITION IN THE «LISHI GURKHAN» DICTIONARY

Abstract. In the collection of IOM there are kept three manuscripts of the famous Tibetan-Mongolian dictionary «Lishi Gurkhan», which differ from the famous xylograph. The difference lies in the alphabetical words arrangement. Besides, a list of words for each letter ends with a phrase with blessings which includes some words with one and the same grapheme. Such tradition is known as ka 'phreng and it is helpful for memorizing the Tibetan alphabet. Transliterations and translation of these phrases are presented and accompanied by comparison with the same phenomenon in the «Ocean of Names» dictionary.

Keywords: tradition ka 'phreng, Tibetan-Mongolian dictionaries, dictionary «Lishi-Gurkhan», Buddhist blessings

СПИСОК АВТОРОВ СТАТЕЙ

Алексеев Кирилл Всеволодович

Старший преподаватель кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.
kvalexeev@gmail.com

Бурыкин Алексей Алексеевич

Доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, Россия.
albury@rambler.ru

Елихина Юлия Игоревна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, хранитель тибетской и монгольской коллекций. Санкт-Петербург, Россия.
julia-elikhina@yandex.ru

Кантор Елена Алексеевна

Аспирантка Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.
El.kantor@yandex.ru

Кокшаева Нина Овшиновна

Кандидат филологических наук, независимый исследователь. Элиста, Россия.
kokshaeva@mail.ru

Кульганек Ирина Владимировна

Доктор филологических наук, заведующая Сектором Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Санкт-Петербург. Россия.
kulgan@inbox.ru

Музраева Деляш Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, Россия.
deliash@mail.ru

Отгонбаяр Майлуу

Хэл шинжлэлийн магистр, Монгол хэл, уран зохиолын тэнхимийн эрхлэгч, Орхон их сургууль. Улаанбаатар, Монгол улс.
otgon_m@yahoo.com

Отгонбаатар Ринченсамбуугийн

Научный сотрудник Института языка и литературы МАН. Улан-Батор, Монголия
ongqud@gmail.com

Понарядов Вадим Васильевич

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Сыктывкар, Россия.
vadim.ponaryadov@yandex.ru

Попов Антон Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.
andreev-aleksandr-2014@mail.ru; orient@spbu.ru

Рассадин Валентин Иванович

Доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова. Элиста, Россия
rassadin17@mail.ru

Сабрукова Светлана Санджиевна

Кандидат филологических наук, старший лаборант Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.
ssabrukova@yandex.ru

Селюнина Дарья Дмитриевна

студентка 4 курса Восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.
nyakokos@gmail.com

Скородумова Лидия Григорьевна

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора сравнительного изучения культур Востока и Запада отдела научных исследований Института восточных культур и античности РГГУ. Москва, Россия.
lidiaskorodumova@yandex.ru

Скрынникова Татьяна Дмитриевна

Доктор исторических наук, профессор, заведующая Отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.

skryta999@mail.ru

Уртнасан Даваажав

Ph.D (Linguistics), Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн Алтай судлалын төвийн эрдэм шинжилгээний ажилтан. Улаанбаатар, Монгол улс.

d_urtnasan@yahoo.com

Успенский Владимир Леонидович

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

v.uspensky@orient.spbu.ru

Цендина Анна Дамдиновна

Доктор филологических наук, профессор Российского Государственного гуманитарного университета. Москва, Россия

annatsendina@hotmail.com

Юсупова Татьяна Ивановна

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Санкт-Петербург, Россия.

ti-yusupova@mail.ru

Яхонтова Наталия Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела Центральной Азии и Южной Азии Института восточных рукописей РАН. Доцент кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

nyakhontova@mail.ru